

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

**Материалы XIV Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 7 ноября 2025 г.)**

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА**

*Материалы
XIV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 7 ноября 2025 г.)*

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2025

Ministry of science and higher education
of the Russian Federation
Ufa University of Science and Technology

**INTERCULTURAL ↔ INTRACULTURAL COMMUNICATION:
THEORY AND PRACTICE OF
TEACHING AND TRANSLATION**

***XIV All-Russian Scientific and Practical Conference with International
Participation
(Ufa, November 7th, 2025)***

Scientific electronic publication of network access

Ufa
Ufa University
2025

УДК 81

ББК 81

М43

*Публикуется по решению кафедры иностранных языков
естественных факультетов ВШ ЗФЛП ИГСН УУНУТ.*

Протокол № 3 от 27.10.2025 г.

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, профессор **Р.А. Газизов**;
д-р филол. наук, профессор **Н.П. Пешкова** (*отв. редактор*);
д-р филол. наук, профессор **Е.А. Морозкина**;
д-р филол. наук, профессор **А.С. Самигуллина**;
канд. филол. наук, доцент **Д.Г. Акубекова**;
канд. филол. наук, доцент **А.А. Бен Шушан**;
канд. филол. наук, доцент **Д.Р. Гилязова**;
канд. филол. наук, доцент **Я.А. Давлетова**;
канд. филол. наук, доцент **А.В. Моисеева**;
канд. филол. наук, доцент **А.С. Титлова**;
ведущий инженер **А.Р. Ахметзянова** (*отв. секретарь*)

**Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика
М43 обучения и перевода:** материалы XIV Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием (г. Уфа, 7 ноября 2025 г.) / отв. ред.
Н.П. Пешкова [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий.
– Уфа: Уфимский университет, 2025. – 142 с. – URL:
<https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2025/332.pdf> – Загл. с титула
экрана.

ISBN 978-5-7477-6270-1

Сборник содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современной межкультурной и интракультурной коммуникации. Рассматриваются теоретические и прикладные вопросы языкознания: психолингвистики и социолингвистики, когнитивистики и лингвистики дискурса. Уделяется внимание проблемам теории и практики перевода, вопросам обучения профессиональной языковой коммуникации в современных условиях.

Предназначен для специалистов в области филологии, лингвистов, переводчиков, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.

УДК 81

ББК 81

ISBN 978-5-7477-6270-1

© Уфимский университет, 2025

УДК 81.22

Акубекова Д.Г.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья рассматривает образовательные технологии в историческом контексте. Сопоставляются традиционный и инновационный подходы к обучению. Подчеркивается интеграция репродуктивного метода в продуктивный, их тесная взаимосвязь. Акцентируется внимание на роль ИКТ при обучении иноязычной коммуникации.

Ключевые слова: образовательные технологии, репродуктивный и продуктивный методы обучения, информационно-коммуникативные технологии.

Akubekova D.G.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION

Abstract. The article examines educational technologies in a historical context. Traditional and innovative approaches to learning are compared. The integration of the reproductive method into the productive one, their close relationship, is emphasized. Attention is focused on the role of ICT in teaching foreign language communication.

Key words: educational technologies, reproductive and productive teaching methods, information and communication technologies.

Инновационные процессы, свойственные каждому периоду времени, затрагивают все сферы жизни: политическую, экономическую, духовную и социальную. Нас интересуют нововведения в последней сфере, а именно – в образовании. Образовательные технологии уходят своими корнями в античные времена, когда знания передавались на основе диалога: учитель-ученик, и где «...в спорах рождалась истина» (Сократ). В Средневековье происходит уклон в религиозном направлении, и обучение происходило при монастырях. В XI-XIV вв. появляются первые университеты: Болонский – 1088, Парижский – 1150-1170, Университет Саламанки – 1218, Неаполитанский университет – 1224. Учебные заведения, в основном, выпускали священнослужителей, госслужащих, юристов и врачей. В эпоху Просвещения педагогические подходы трансформировались под воздействием идеалов рационализма, гуманизма и эмпиризма, формируя основу современной образовательной системы: начинается разделение по классам, создаются модели учебных планов и

стандартов, появляются учебники и учебные пособия. В начале XX века на Западе прослеживаются попытки реорганизации учебного процесса посредством обновления содержания, форм, методов обучения и воспитания, развития творческого подхода к процессу обучения: школа Баухаус в Германии – основатель архитектор Вальтер Гропиус – объединяла Академию прикладных искусств и школу изящных искусств, здесь поощрялся способ индивидуального самовыражения; школа Монтессори в Италии, выводила на первый план систему саморазвития ребенка в специально обустроенной среде; Вальдорфская школа Рудольфа Штайнера из Германии, основной идеей которой являлось «неопережение» развития ребенка, т.е. усвоение учебного материала должно происходить без внутреннего сопротивления обучаемого. Целью школы было «духовно-душевное развитие ребенка» с индивидуальным подходом к каждому ученику. Отечественная педагогика укрепляла идеи, связанные с традиционными образовательными технологиями: связь теории с практикой, локализации содержания образования, строгая дисциплина, сообразованные с идеями коллективизма и трудовым воспитанием: «Дом свободного ребенка» Константина Вентцеля, направленный на «...раскрытие и развертывание всех дремлющих в нем (ребенке) всех творческих сил жизни»; общество «Детский труд и отдых» С. Шацкого – совмещенные детский клуб, детский сад и начальная школа – на основе принципов использования детского труда как средства воспитания и организации коллектива; концепция трудового воспитания Антона Макаренко: «Я требовал воспитания закалённого, крепкого человека, могущего проделывать и неприятную работу, и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива» [3, с. 282]. Понятно, что существует множество самых разнообразных теорий и подходов к обучению, основанных на определенных образовательных целях и продиктованных обществом запросах. Система образования меняется, но все же пытается сохранить исторически наработанный опыт – традиции педагогического мастерства – и принимает в свой арсенал инновационные концепции.

Рассмотрим традиционный и инновационный подходы к обучению в сравнении. При традиционных формах в учебном процессе превалирует репродуктивный метод обучения, когда новый материал базируется на изученном ранее, вводится в виде аксиомы, закрепляется выполнением практических упражнений, направленных на совершенствование умений и навыков обучаемых. Традиционный метод способствует систематизации, обобщению и анализу большого объема приобретаемых знаний. Формами передачи знаний являются: лекция, практическое занятие, практикум, семинар, лабораторная работа, лабораторный практикум, фронтальный эксперимент.

При продуктивном методе обучения новые знания и умения приобретаются на творческой основе. Метод нацелен на формирование навыков планирования и решения задач, что подразумевает рассуждение, логические выводы и рефлекссию. Продуктивная деятельность связана с

поисковым – эвристическим – и творческим этапом образовательного процесса. Согласно И.Я. Лернер: « ...на эвристическом этапе учащийся добывает субъективно новую информацию (только для себя новую). А на этапе творческой направленности учеником на основе объективно новой информации самостоятельно создается новый продукт» [2, с. 169]. Преподаватель, со своей стороны, создает проблемную ситуацию и мотивирует обучаемых к разрешению этой проблемы. Метод способствует формированию активных когнитивных навыков и умений, обеспечивает высокую степень органичного усвоения знаний и мотивации обучающихся. Формирование навыков и умений происходит посредством решения сформулированной преподавателем проблемы, брейнсторминга, лекций-дискуссий, деловых игр, методом «кейс-стади».

Следует отметить интеграцию методов при обучении на современном этапе образовательной деятельности: основная база знаний, полученная посредством репродуктивного метода, позволяет выстроить стратегию продуктивного получения дальнейшей информации и активно применять ее на практике. Исследователь Н.М. Мочалова также подчеркивает эффективность сочетания методов обучения и отмечает: «... последовательное применение на уроках репродуктивной, продуктивной и учебно-познавательной деятельности обеспечивает развитие личностных качеств индивида, его внутреннего потенциала и познавательного интереса» [4, с. 78]. Репродуктивный метод позволяет усвоить большой объем знаний, а продуктивный – творчески применять их на практике, т.е. они тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Опыт показывает, что эффективность продуктивной деятельности зависит от качественного результата репродуктивной деятельности. Эти моменты необходимо учитывать при построении образовательного процесса, который в свою очередь меняет вектор с передачи постоянно накапливающейся информации на освоение новых способов мышления и деятельности. Мы имеем дело с новыми технологиями обучения – технологиями организации мыслительной деятельности и ее рефлексией.

При формировании компетенций в системе образования важнейшим вспомогательным средством являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые способствуют реализации широкого круга целей и помогают решать многочисленные задачи в различных сферах общества. Использование ИКТ на занятиях является необходимым элементом, позволяющим совершенствовать учебный процесс, предоставляя доступ к разнообразным образовательным ресурсам, обогащают учебный материал, повышая мотивацию студентов, улучшают качество обучения, а индивидуализируя подход к обучаемым, способствуют более эффективному усвоению знаний. При поиске, анализе и оценке информации из разных источников у студентов формируются навыки критического мышления – рефлексии. Более того, ИКТ предоставляют возможность «стирать границы» образовательного процесса при дистантном варианте обучения.

Модернизация и цифровизация образовательных процессов в России имеет государственную поддержку. В рамках выполнения Указа № 474 Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года разработана стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, ставится задача «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, включая образование. «Современная цифровая образовательная среда» (СЦОС), созданная для объединения более 21556 образовательных организации России и 75 различных образовательных платформ, положительно сказалась на модернизации образовательного процесса в нашей стране. В арсенале СЦОС насчитывалось 1423 онлайн-курса различной тематики, 1347 программ ДПО, 37 решений и сервисов, где любой желающий мог совершенствовать свои знания, умения и навыки по своей специальности или роду деятельности. В настоящее время продолжает реализовываться цифровая трансформация организаций высшего образования. Почти каждый университет России пользуется услугами образовательной платформы «Юрайт», оснащенной учебными курсами, учебниками и пособиями от ведущих университетов по многим специальностям и направлениям, а также интерактивным фондом оценочных средств и различными сервисами для преподавателей. Кроме того, вузам предлагается возможность выполнения исследований по приоритетным направлениям посредством всероссийской межвузовской сервисной платформы НИКС (научно-исследовательская компьютерная сеть) <https://services.niks.su/>. Также разрабатывается система «Data Hub» для управления данными в области науки и высшего образования.

Количество и качество образовательных платформ – Learning Management System (LMS) – растет с каждым днем. LMS-платформа представляет собой систему для управления образовательным процессом, где возможно создавать курсы, тесты, проводить статистический анализ об обучении, приемлемый как для индивидуальных, так и для групповых занятий. Платформы LMS находят применение в образовательных заведениях для организации дистанционного обучения, в корпоративной среде – для обучения сотрудников, адаптации учеников и повышения квалификации, что способствует улучшению профессиональной подготовки персонала, экономит время и уменьшает затраты на обучение. В 2025 году самыми востребованными образовательными платформами в России считаются *Skyeng* – онлайн-школа английского языка с интерактивными курсами и поддержкой преподавателя, *Яндекс. Практикум* – онлайн-курсы с практическими заданиями, реальными проектами и поддержкой наставников по самым разным направлениям (программирование, дизайн, аналитика данных). *GeekBrains* – практическое обучение с поддержкой наставников (программирование, маркетинг, дизайн). *Skillbox* – крупнейшая образовательная платформа в России с практическим обучением с привлечением реальных кейсов и проектов по самым разным направлениям. *Coursera* представляет

качественные онлайн-курсы от ведущих университетов и компаний. *Stepik* – уникальная платформа для прохождения и размещения собственных онлайн-курсов.

В нашем университете – Уфимском университете науки и технологий (УУНиТ) – также успешно и эффективно функционирует среда электронного обучения (СЭО); профессорско-преподавательским составом разработаны электронные образовательные ресурсы (ЭОР) по всем основным специальностям и программам дополнительного образования. ЭОР созданы на образовательной платформе Moodle – Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment (Модульная объектно-ориентированная динамическая среда обучения), призванной качественно реализовать сетевое образовательное взаимодействие – контакт преподавателя и студента в дистанционном формате. Разработанные ЭОР существенно облегчают и обогащают процесс обучения. Студенты положительно оценивают работу в системе электронного обучения вуза.

Таким образом, использование современных цифровых технологий меняет педагогические подходы и методы, они «...расширяют образовательное пространство, дают новые возможности для всего учебного процесса» [1, с. 56], содействуют увеличению ресурсов образовательной среды. Задачей педагога является умелое и интенсивное использование ИКТ на своих занятиях, совершенствуя традиционные методы преподавания и формируя у студентов мотивацию к обучению и навыки рефлексии.

Литература

1. Акубекова Д.Г. Организация образовательного процесса с применением цифровых ресурсов и технологий // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа, 2022. С. 54-56.

2. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения / И.Я. Лернер. М.: Педагогика, 1981. 185 с.

3. Макаренко А. Педагогическая поэма: Педагогика, М.: 1981. 575 с.

4. Мочалова Н.М. Формы организации процесса обучения и условия их эффективности. Учеб. пособие [текст]. Казань: Изд-во Казанского уни-та, 1988. 89 с.

5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. От 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/ (Дата обращения: 13.10.2025)

© Акубекова Д.Г., 2025

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОНТРТЕКСТА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВАЛИДНОГО АССЕСМЕНТА СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В данной статье обосновывается актуальность углублённых и детальных исследований социально-психологического климата общества. В ней рассматриваются существующие методы исследований в области социальной психологии и предлагается применение метода контртекста, изначально применявшегося для целей лингвистических и психолингвистических исследований, как средства, предоставляющего данные, характеризующиеся наибольшей точностью и валидностью. Статья может быть интересна лингвистам, психолингвистам, специалистам в области социальной психологии.

Ключевые слова: оценка социально-психологического состояния общества, социально-психологические методы исследования, метод опроса, метод контртекста, машинные методы обработки данных.

Andrianova Yu.G.

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

APPLICATION OF THE COUNTERTEXT METHOD TO IMPLEMENT A VALID ASSESSMENT OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL STATE OF SOCIETY

Abstract. This article substantiates the relevance of in-depth and detailed studies of the socio-psychological climate of society. It examines existing research methods in social psychology and proposes the application of the counter-text method, originally used for linguistic and psycholinguistic research as a means of providing data characterized by the greatest accuracy and validity. This article may be of interest to linguists, psycholinguists, and specialists in social psychology.

Key words: assessment of the socio-psychological state of society, socio-psychological research methods, survey method, counter-text method; machine data processing methods.

В настоящее время российское общество переживает сложный период выстраивания новой парадигмы своего существования как во внешнем мире, так и в плане взаимодействия разных социальных групп. Бифуркация во мнениях и отношениях, формирование новых коалиций под влиянием разных лидеров мнения, наличие факторов неопределённости

повышают уровень внутренней социальной нестабильности, связанной с повышением лабильности в поведенческих реакциях членов общества. В СМИ существует много подтверждений тому: нестандартные поведенческие реакции на обыденные ситуации, часто связанные с проявлениями агрессии (как внешней, так и аутоагрессии) [1]. Профессиональные психологические исследования доказывают тесную взаимосвязь между уровнем тревожности и активностью проявления агрессивного поведения [2]. Таким образом, необходимость выстраивания в обществе системы межличностного и социального взаимодействия, основанного на понимании истинных психологических потребностей граждан и направленной на снижение уровня тревожности и агрессии, представляется очевидной как профессионалам, так и людям, не обладающим специальными знаниями. Наличие такой системы могло бы способствовать как улучшению социально-психологического благополучия граждан, так и повышению уровня общей солидарности в обществе, что могло бы повлиять на имидж государства на международной арене.

Однако последние данные социологических опросов, казалось бы, свидетельствуют об обратном: многие центры социологических исследований отмечают снижение общего уровня агрессии в российском обществе [3]. Причина подобной противоречивости в данных кроется, как представляется, в основных методах, применяемых для целей социологических исследований. Основными методами оценки состояния личности, межличностных и групповых отношений являются опросы в различных формах и тестирования [4]. Ни в коей мере не умаляя значения вышеуказанных методов для выявления тенденций социально-психологического реагирования отдельных личностей и социальных групп в разных средах взаимодействия и признавая достаточно высокую результативность применения графических, цветовых и некоторых других методов тестирования, использующих не прямое связывание испытуемого с изучаемой ситуацией [5], следует отметить тот факт, что в большинстве случаев в социальной психологии применяется метод опроса с варьированием типов задаваемых вопросов. У данного метода, на результатах применения которого основывается большинство находящихся в широком доступе социо-психологических данных, имеется несколько аспектов, не всегда обеспечивающих их валидность. Речь идёт о следующих факторах: 1) социально обусловленная психологическая predisposition личности соответствовать позитивному образу в рамках конкретной социальной среды (данный фактор может быть атрибутирован как личности самих респондентов, так и к тем случаям, когда им предлагается дать информацию относительно психологического состояния людей, составляющих их ближайшее окружение); 2) недостаточный навык саморефлексии по поводу своего состояния, его причин и т.д. у достаточно большого числа респондентов; 3) большинство респондентов не являются людьми, владеющими навыками научного

наблюдения, и кроме того, зачастую не имеют возможности вести наблюдение за поведением своих близких на постоянной основе по причине отсутствия времени. Все вместе или по отдельности эти факторы могут приводить к искажению истинного положения дел как в индивидуальном, так и в групповом сознании, что может негативно сказаться на принятии решений в сфере определения стратегий адаптации общества в целом, социальных групп и отдельных личностей к различным социальным, политическим, экономическим и экологическим изменениям.

Метод контртекста, предложенный А.И. Новиковым для изучения процессов восприятия текста [6], может быть предложен в качестве одного из возможных дополнительных средств активного социо-психологического анализа. К числу его преимуществ можно отнести следующие: 1) оперативность информации (контртекст является моментальной реакцией на конкретный стимул в виде фрагмента устной или письменной речи, таким образом обеспечивая точную «здесь - и - сейчас» реакцию испытуемого, что позволяет оценить состояние его психической стабильности, уровня социальной адаптированности и других аспектов, характеризующих уровень развития личности, в рамках конкретной ситуации социального взаимодействия); 2) «чистоту эксперимента» (продуцирующий контртекст испытуемый не всегда знает, что является частью исследовательского процесса, и, следовательно, не контролирует свои реакции с целью соответствовать принятым стандартам положительного поведения. Это возможно в случае, если объектом исследования является, например текст блога [7; 8] или зафиксированные на видео или диктофоне образцы «живого» речевого поведения коммуникантов в разных коммуникативных ситуациях). В определённом смысле, применение данного метода коррелирует с призывом В.Е. Семёнова изучать документы в процессе социо-психологических исследований [5], если принять все образцы устной и письменной речи, продуцируемые людьми, за документы, фиксирующие состояние и «режим функционирования» индивидуального сознания в конкретной коммуникативной ситуации.

Следует отметить, что методы психолингвистического исследования ранее применялись для исследования других социальных явлений, не связанных с ассесментом социально-психологического состояния общества. В частности, некоторые исследования направлены на изучение этнографического аспекта в социологии [9]. Некоторые векторы развития национального сознания в рамках социолого-психолингвистического исследования на основе идиом и паремий представлены в работе З.В. Сикевич [10]. В психолингвистике социальные исследования представлены изучением гендерного аспекта языкового сознания, этнографического аспекта, где социальные исследования были направлены, в основном, на изучение социально обусловленного ментального лексикона языковой личности, определение вектора отношения к базовым ценностям, рассмотрение психосоциальных

проблем, связанных с восприятием и интерпретацией текста его реципиентами [11]. Однако ни в одном из вышеперечисленных исследований не затрагивается ни проблема ассесмента социально-психологического климата в обществе, ни применение психолингвистического метода контртекста для этой цели. Таким образом, можно предположить, что применение данного метода в сфере социально-психологических исследований может претендовать на инновационность в методике исследований в социальной психологии.

Реализация данного метода может иметь некоторые ограничения технического характера. Прежде всего, речь идёт о достаточно большом объёме информации, который необходимо проанализировать и интерпретировать. Вероятно, это будут терабайты информации, учитывая количество населения в нашей стране и необходимость выстраивания концепций, опираясь на максимально репрезентативную выборку, а также принимая во внимание многообразие социально детерминированных ситуаций, способствующих активизации устной и письменной коммуникации, направленной на выражение мнений и оценок по их поводу. Очевидно, что в данном случае потребуется как качественная, так и количественная оценка, которая при таких объёмах информации будет сложна для обработки только людьми. Очевидно, что для достижения оптимального результата потребуется сочетание деятельности человеческого интеллекта, систем машинного вычисления и методов интерпретации информации с помощью искусственного интеллекта.

Что касается машинных вычислений, необходимых для решения поставленной задачи по анализу и интерпретации данных в виде образцов устной и письменной речи из блогов и видеоматериалов, очевидно, что для этой цели потребуются компьютерные системы с достаточно высоким уровнем вычислительной мощности, которых пока совсем немного. Решение данной проблемы возможно несколькими способами. Первое – организация работы индуктивным методом. В реализации данного метода возможны варианты. Во-первых, можно проработать данные по нескольким достаточно репрезентативным социальным группам, что позволило бы использовать меньшее количество единиц компьютерной памяти, а затем экстраполировать результаты такого исследования на группы с коррелирующими признаками большего объёма, впоследствии рекурсивно увеличивая объём групп, по отношению к которым данные исследований могли бы быть применены. Но в этом случае возникает вопрос о критериях определения репрезентативных групп и корректности экстраполяции получаемых при исследовании данных, так как при переносе данных в каждом случае будет расти коэффициент приближённости и, кроме того, нельзя быть уверенным в том, что данные не будут искажены предубеждением. Во-вторых, можно организовать сбор и обработку данных локально для разных случаев и разных социальных групп. Таким образом, на первоначальном этапе не будут нужны сверхмощные вычислительные системы и будет возможность

проверки и коррекции данных вручную экспериментаторами, так как их объём будет приемлемым. На втором и последующих этапах нужно осуществить сбор проработанных данных системами более высокого уровня сложности и т.д. В каждом случае новой системой будут получены данные уже меньшего объёма, что будет снижать нагрузку на неё. Из положительных моментов данного подхода следует отметить следующие: 1) во всех случаях, в отличие от первого варианта, система работает с реальными данными, а не с экстраполируемыми с достаточно высоким уровнем аппроксимации интерпретациями; 2) при достаточной оперативности возможно решить проблему «временного разброса», так как на переработку данных на каждом уровне будет уходить приемлемое количество времени, что обеспечит не только точность, но и актуальность получаемой информации.

При интерпретации данных может возникнуть перегрузка людей, задействованных в этом процессе. Во избежание этого к обработке данных можно привлечь искусственный интеллект. Работа по обучению нейросетей интерпретативному контент-анализу активно ведётся сейчас и даёт достаточно хорошие результаты. Вообще, как представляется, кросс-интерпретация данных анализа контекстов машинным и человеческим интеллектами может позволить получить достаточно точные и, порой, неожиданные выводы, вскрывая некоторые латентные процессы, происходящие в отдельных социальных группах.

Вместе с тем, и здесь возможно ограничение применения предлагаемого метода, связанное с технологическими проблемами. Дело в том, что обученные под интерпретацию баз данных алгоритмы нейросетей, а также сами данные должны храниться где-то на удалённых серверах. Такие машины должны будут обладать огромным объёмом памяти. Однако при разделении поступающей на сервер информации на блоки, в один из которых включается информация «длительного хранения», а в другой – информация, предназначенная для непрерывного обновления, а также при настройке сервера на режим регулярного обновления, вопрос технической перегрузки может быть снят.

Таким образом, предлагаемый метод может оказаться вполне технически реализуемым.

Данный метод ни в коей мере не может претендовать на позицию альтернативы существующим методам в социо-психологических и социопсихолингвистических исследованиях. Однако в сочетании с другими методами он может оказаться источником важной информации о состоянии конкретного общества и имеющихся в нём тенденциях для выстраивания стратегии коррекции общественных процессов и психологического климата межличностной коммуникации. Даже принимая во внимание вполне справедливое замечание В.Е. Семёнова о стохастическом характере развития общества и функционирующих в нём индивидов, что делает прогностику в этом случае весьма приблизительной [5], применение комплексных междисциплинарных методов социально-

психологических исследований, как представляется, даёт достаточно обоснованные надежды на создание максимально корректной методики социального управления и психологической адаптации в периоды социальных бифуркаций.

Литература

1. Уровень агрессии в Рунете с 2021 по 2024 год [Электронный ресурс] URL: <https://kribrum.ru/events/uroven-agressii-v-runete-s-2021-po-2024-god> (дата обращения: 13.10.2025)
2. Граница А.С. Особенности взаимосвязей антисипационной состоятельности, тревожности и агрессии у больных с невротическими расстройствами // Практическая медицина. 2014. № 2(78). С. 67-69.
3. Уровень тревожности россиян снижается [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/03/10/1096942-uroven-trevozhnosti-rossiyan-snizhaetsya> (дата обращения: 13.10.2025)
4. Шарафутдинова Н.В. Социально-психологическое исследование: теоретико-методологические принципы и варианты проведения обследования малых групп (коллективов) // Евразийский союз учёных (ЕСУ): Психологические науки. 2014. № 8. С. 114-118.
5. Семёнов В.Е. О методологии и методах социальной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Вып. 2 (серия 6). С. 58-65.
6. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания / А.И. Новиков // Вопросы психолингвистики. 2003. Вып. № 1. С. 64-76.
7. Титлова А.С. Микроблог как вид интернет текста: аспект понимания: диссертация на соиск-е уч. степени канд-та филол. наук. Уфа, 2017. 232 с.
8. Андрианова Ю.Г. Психологический профиль личности как результат психолингвистического кросс-анализа сетевого и несетевого текста // Цифровая коммуникация, цифровая идентичность в условиях глобализации: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2024. Уфа: РИЦ УУНиТ. С. 10-15.
9. Голикова Т.А. Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания: автореферат диссертация на соиск-е уч. степени канд-та филол. наук. Москва, 2005. 52 с.
10. Сикевич З.В. Метод психолингвистики в социологическом исследовании // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 6-18.
11. Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): Коллективная монография / Научн. ред. И.А. Стернин, Н.Ф. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М.: Институт языкознания – ММА, 2021. 626 с.

© Андрианова Ю.Г., 2025

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК КЛЮЧ К ЭФФЕКТИВНОМУ ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. В статье рассматривается влияние современных цифровых технологий на процесс обучения иноязычной профессиональной коммуникации. Описываются ключевые инструменты: онлайн-платформы, искусственный интеллект, виртуальная реальность, чат-боты и геймификация, которые делают процесс изучения иностранного языка более интерактивным, адаптивным и ориентированным на специфику профессиональной сферы. Также обсуждаются внедрения этих технологий в образовательные программы для повышения компетентности специалистов и эффективности коммуникации на иностранных языках.

Ключевые слова: цифровые технологии, иностранный язык, профессиональная коммуникация, инновационные инструменты, виртуальная реальность.

Batyrova G.Z., Ismagilova N.V.

Bashkir State Medical University, Ufa, Russia

INNOVATIVE TECHNOLOGIES AS THE KEY TO EFFECTIVE FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE PROFESSIONAL SPHERE

Abstract. The article deals with the influence of modern digital technologies in teaching foreign language professional communication. It describes key tools: online platforms, artificial intelligence, virtual reality, chatbots and gamification that make the process of learning a foreign language more interactive, adaptive and oriented to the specifics of the professional sphere. The implementation of these technologies in educational programs to improve the competence of specialists and the effectiveness of communication in foreign languages is also discussed.

Key words: digital technologies, foreign language, professional communication, innovative tools, virtual reality.

В современном мире владение иностранным языком становится неотъемлемой частью профессиональной компетенции практически во всех сферах деятельности. Особенно важным является умение эффективно коммуницировать на иностранном языке в профессиональной среде — будь то медицина, бизнес, инженерия или IT. При этом новые технологии кардинально меняют подходы к обучению иноязычной профессиональной

коммуникации, открывая новые возможности для обучающихся и преподавателей.

С приходом цифровых технологий обучение иностранным языкам перестало ограничиваться классическими методами. Появились разнообразные платформы, мобильные приложения, виртуальные среды и интерактивные ресурсы, делающие процесс изучения языка более интерактивным и адаптивным [1, с. 3]. В частности, при профессиональном обучении актуальными становятся решения, учитывающие специфику отрасли и профессиональную лексику, а также реальный контекст коммуникации.

Одним из ключевых инструментов в обучении становится использование онлайн-платформ и приложений. Например, такие сервисы, как Coursera, EdX или специализированные языковые приложения (Busuu, LingQ), предлагают курсы, ориентированные на профессиональные коммуникации в разных сферах. Это позволяет обучающимся получить доступ к лекциям, упражнениям и практическим заданиям в любое удобное для них время.

Многие платформы интегрируют технологии искусственного интеллекта (ИИ), которые анализируют произношение и дают рекомендации по улучшению [2, с. 45]. Это особенно важно для профессиональной коммуникации, где точность и ясность речи имеют первостепенное значение. ИИ стал не только трендом, но и инструментом, который действительно экономит время и силы.

Современные технологии виртуальной реальности (VR) и дополненной реальности (AR) находят все более широкое применение в обучении языкам. Например, иммерсивные среды позволяют студентам погружаться в профессиональные ситуации, не выходя из аудитории или дома [3, с. 119]. Это очень ценно в сложных предметах, которые требуют практики.

Так, обучающиеся медицинских факультетов могут практиковаться в общении с виртуальными пациентами на иностранном языке, отрабатывая специальную лексику и фразы, необходимые для взаимодействия в клинической среде. Аналогично, обучающиеся, осваивающие бизнес-английский, могут участвовать в виртуальных деловых переговорах, тренируя навыки презентаций и деловой переписки.

Искусственный интеллект не только помогает в распознавании речи и коррекции произношения, но и активно используется для создания интерактивных обучающих помощников — чат-ботов. Они моделируют диалоги с учетом профессиональной терминологии, отвечают на вопросы, подсказывают правильные конструкции и даже оценивают качество ответов.

Такой формат помогает обучающимся развивать навыки устной и письменной коммуникации, протестировать себя в обычных ситуациях. Например, чат-бот, имитирующий клиента или партнера по бизнесу,

позволяет улучшить умение структурировать информацию и реагировать на нестандартные вопросы.

Технологические решения, основанные на больших данных и машинном обучении, позволяют анализировать процессы обучения и подстраивать их под индивидуальные потребности каждого обучающегося [4, с. 197]. Программы могут отслеживать прогресс, выявлять ошибки и предлагать упражнения для устранения ошибок.

Персонализация особенно важна для обучения профессиональной коммуникации, так как разные отрасли требуют разных навыков и лексики. Например, инженеру требуется освоить технический английский, а менеджеру — умение вести переговоры и писать деловые письма [5, с. 1].

Для повышения мотивации и вовлеченности активно используются элементы геймификации — игровые механики, такие как уровни, достижения и соревнования. В контексте профессиональной коммуникации геймификация помогает создавать ситуации, приближенные к реальным рабочим задачам, что способствует более глубокому усвоению навыков.

Несмотря на преимущества, внедрение новых технологий сталкивается с рядом проблем: неравномерный доступ к современным гаджетам и интернету, а также качество программного обеспечения [6, с. 255]. Кроме того, полностью заменить живое общение и обучение с носителями языка невозможно, особенно при освоении сложных коммуникативных навыков.

Однако сочетание традиционных методов и инновационных решений позволяет наиболее эффективно достичь целей обучения.

Новые технологии открывают широкие возможности для обучения иностранным языкам в профессиональной сфере [7, с. 2]. Онлайн-курсы, VR/AR-симуляции, ИИ-инструменты и геймификация делают процесс более увлекательным, мотивирующим и адаптивным. Современные методики помогают не только овладеть лингвистическими навыками, но и развивать уверенность в профессиональной коммуникации. В будущем дальнейшее развитие технологий и интеграция их в образовательные программы будут способствовать повышению компетентности специалистов и их востребованности на рынке труда.

Литература

1. Хейфт Т. и Брок М. Компьютерное обучение языкам: развитие и направления. Образовательные технологии, 2005, 45(3), С. 31.
2. Чен Л., Ли Ю. и Чжан Д. Использование искусственного интеллекта для улучшения изучения языков. Журнал образовательных технологий, 2020, 17(3), С. 59.
3. Лу Ю. и др. Иммерсивная виртуальная реальность в изучении языков: обзор соответствующих исследований. Обучение языкам и технологии, 2019, 23(1), С. 148.

4. Кулунская-Хульме А. Определение изучения языков через призму времени и места: обзор мобильности и портативности в технологиях, способствующих изучению языков. *ReCALL*, 24(3), 2012, С. 233.

5. Голонка Э. На что ограничена дополненная реальность? Компьютеры в поведении человека, М., 2014, С. 29.

6. Стоквелл Г. Виртуальная реальность и изучение языков: обзор. *ReCALL*, 21(3), 2009, С. 284.

7. Годвин-Джонс Р. Новые технологии: мобильное обучение языкам. Обучение языкам и технологиям, 18(2), 2014, С. 51.

© Батырова Г.З., Исмагилова Н.В., 2025

УДК 80

Бен Шушан А.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ЭМПАТИЯ В СТРУКТУРЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИВОГО И ВИРТУАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В статье рассматривается феномен эмпатии как междисциплинарное понятие, находящее отражение не только в психологии, но и в лингвистике, особенно в контексте грамматической и прагматической организации высказывания. Автор выделяет три типа эмпатии в речи: грамматическую (связанную с выбором синтаксической структуры и перспективы изложения), интеллектуальную (переход на точку зрения адресата) и эмоциональную (выражение сопереживания в межличностном диалоге). На материале русского и французского языков показано, как эмпатия реализуется через замену местоимениями, восклицательные конструкции, пропуски и модальные формы, отражающие степень вовлечённости говорящего. Особое внимание уделяется различиям в проявлении эмпатии в живом диалоге и в интернет-коммуникации, где преобладают речевые акты совета и пожелания.

Ключевые слова: эмпатия, грамматика, диалог, местоимения, эмоциональная речь.

Ben Shushan A.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

EMPATHY IN THE STRUCTURE OF UTTERANCE: GRAMMATICAL AND PRAGMATIC ASPECTS IN LIVE AND VIRTUAL DIALOGUE

Abstract. The paper deals with the phenomenon of empathy as an interdisciplinary concept that is reflected not only in psychology, but also in

linguistics, especially in the context of grammatical and pragmatic organization of utterance. Three types of empathy in speech: grammatical (related to the choice of syntactic structure and perspective of presentation), intellectual (transition to the addressee's point of view) and emotional (expression of empathy in interpersonal dialogue) are identified. The material of Russian and French languages shows how empathy is realized through the replacement of pronouns, exclamation constructions, omissions and modal forms reflecting the degree of speaker involvement. Special attention is paid to the differences in the manifestation of empathy in live dialogue and in online communication, where verbal acts of advice and wishes prevail.

Key words: empathy, grammar, dialogue, pronouns, emotional speech.

Эмпатию, которую толковые словари кратко определяют как «мысленный перенос собственного сознания на другого» [7, 326] или «понимание чувств, потребностей другого, аффективная связь с другим, разделение состояния другого или группы» [1, 150], обычно относят к области психологии. Проблемой эмпатии занимались многие зарубежные и отечественные психологи: Зигмунд Фрейд, Карл Роджерс, В.В. Бойко, Т.П. Гаврилова, И.М. Юсупов и др. Между тем в последние десятилетия когнитивное направление в лингвистике позволило шире взглянуть на связь между языком и мышлением, вовлекая в лингвистические исследования и некоторые явления психического характера. Так, было отмечено, что в речи некоторые коммуникативно-прагматические особенности высказывания могут быть вызваны проявлением эмпатии.

Напомним, что в современной психологии традиционно выделяют несколько видов эмпатии: эмоциональная, или аффективная (способность эмоционально реагировать), когнитивная (интеллектуальная), предиктивная (способность понимать и предвидеть), а также эстетическая эмпатия (вчувствование в художественный объект) [4, с. 429]. Диапазон эмоциональной нагрузки эмпатии может варьироваться от более нейтрального эмоционального переживания до полного погружения в мир чувств партнера по общению.

В функциональном синтаксисе термин эмпатия возник в работах С. Куно в 70-х гг. 20 века. Эмпатия может варьироваться от объективного изложения события до абсолютного совпадения точек зрения говорящего и участника излагаемой ситуации: например, *John asked Mary* / Джон спросил Мэри – объективно; *John asked his wife* / Джон спросил свою жену – идентификация с Джоном; *Mary's husband asked her* / Муж спросил ее – с Мэри. В высказывании обычно бывает один фокус эмпатии, поэтому недопустимы фразы типа *Then Mary's husband asked his wife* / Тогда муж Мэри спросил свою жену (два фокуса) [5, 592].

Такая эмпатия может быть отнесена к когнитивной в классификации А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [5, 418]. Рамки использования понятия эмпатии в лингвистике расширяются, если рассматривать метапонятие фокус смещения эмпатии при «семантическом описании

предикатов и лексем, отвечающих за языковую репрезентацию процессов восприятия». [3, 131].

Мы предположили, что подобная связь с грамматическими факторами может проявиться и в случае эмоциональной эмпатии.

Использование эмпатийных высказываний в речи, межличностном диалоге позволяет выделить три вида эмпатии: 1) грамматическая эмпатия как способ передачи информации при помощи идентификации говорящего с одним из участников высказывания; 2) интеллектуальная эмпатия – переход на точку зрения адресата высказывания; 3) сочетание интеллектуальной эмпатии с эмоциональной.

Первый вид эмпатии является чисто лингвистическим, поскольку он связан со структурой предложения, так как речь идет об «идентификации говорящего с участником или объектом сообщаемого события», изложения чего-либо с некоторой точки зрения, т.е. речь идет о различных членах предложения. Такая эмпатия может иметь место в высказываниях нарративного характера.

Во втором случае эмпатия употребляется с прагматической точки зрения. Например, как отмечает Г.А. Кривобокова, адресант в рекламном дискурсе «использует тактики эмпатии, описывая товар/услугу с позиции адресата рекламного текста» [2, 83]. Такой вид эмпатии используется в неканоническом диалоге, в частности, когда адресант (политик, рекламодатель) обращается к широкому кругу адресатов.

В каноническом, межличностном общении, где присутствуют говорящий и адресат в ситуации речевого взаимодействия, требующей выражения сопереживания или сорадования, эмпатия проявляется главным образом эмоционально.

Цель данного исследования – определить содержательные конституенты и формы влияния эмпатии на грамматическую структуру высказывания в межличностном диалоге.

Такой подход находится в русле антропоцентризма как одного из актуальных основополагающих направлений современной лингвистики.

В диалогической речи, где эмпатия проявляется значительно чаще, можно выделить следующие виды эмпатийной реакции, реализующейся в определенных грамматических формах.

В качестве примера возьмем ситуацию, где от молодой соседки коммуниканта ушел жених). Эмоциональная эмпатия, проявленная говорящим (сочувствующим соседом) в данном контексте может содержать компоненты, выраженные при помощи следующих грамматических средств:

1) объединяющая замена местоимений: «вы», «я» на «мы». «А мы-то думали!»; «Все мы можем ошибаться!»

В подобных случаях во французском языке происходит замена местоимения 1 лица мн. числа «мы» на определительное местоимение “chacun” – «каждый» или обобщающее выражение “tout le monde” – «все».

Tout le monde peut se tromper / Все мы можем ошибаться. Chacun a son péché mignon / Все мы не без греха.

2) имплицитное использование местоимения «ты» в значении обобщения: «Никогда не знаешь (ты), как все обернется!»; «Никогда не думаешь, что может выкинуть твой самый близкий человек». В таких случаях местоимения «ты», «твой» могут использоваться и эксплицитно со значением «любой», «всякий».

On ne sais jamais ce qui peut arriver / Никогда не знаешь (ты), что произойдет.

Здесь во французском языке для выражения обобщения употребляется безличное местоимение “on”.

3) эгоцентрический переход: «Со мной такое тоже было!», «Я бы не позволил так поступать со мной!». Целенаправленное смещение фокуса с адресата на говорящего происходит при использовании личного местоимения «я» единственного числа в именительном или объектном падеже. Использование сослагательного наклонения говорит о том, что адресат ставит себя на место собеседника, он даже признает, что и сам был в подобной ситуации.

4) высокая степень эмоциональной вовлеченности:

Да как он смеет! Да что он о себе воображает!

Comment a-t-il pu faire ça?! / Как он мог с тобой так поступить?!

Oh! Si vous saviez! Je vous comprends tant! / Ох! Если бы вы только знали, насколько я вас понимаю!

Как видим, повышенная эмоциональность высказываний достигается путем использования восклицательных и вопросительно-восклицательных предложений и интенсификаторов (как, да как, насколько и т.п.) как в русском, так и французском языке. Эмпатийные высказывания во французском языке довольно часто включают восклицательные междометные реплики, которые иногда могут заменять само эмпатийное высказывание: Ah bon! / Ах, вот как!

5) В некоторых случаях, под влиянием эмпатии в диалогическом высказывании возникают пропуски: Да ты что (говоришь)?! Наш-то, хорош! Пропуск слов говорит о высокой эмоциональности эмпатийного высказывания, которая свидетельствует о полной погруженности коммуникантов в ситуацию общения, высокой степени взаимопонимания.

Таким образом, эмпатизация может реализоваться в диалогическом высказывании в виде морфологических и синтаксических изменений. В первом случае речь идет о местоименных переносах объединяющей, обобщающей и эгоцентрической направленности. Во втором случае высказывания с эксплицитным отрицанием могут заменяться восклицательными предложениями с имплицитным отрицанием под влиянием эмпатийной эмоциональной напряженности.

Во всех вышеуказанных случаях эмпатия выражалась главным образом при помощи речевого акта утверждения.

Аналогичная ситуация в Интернете на французском языке выглядит иначе: пострадавшая чаще всего получает многочисленные эмпатийные отклики в виде сочетания речевых актов совета и пожелания или утверждения и пожелания:

– Il faut laisser cooler / Нужно отпустить ситуацию.

– Un peu de fierté! / Будь храбреей!

Объединяющий характер данных эмпатийных высказываний выражен безличной конструкцией Il faut (нужно), выделительным оборотом C'est (это). Такая эмпатия может быть отнесена к интеллектуальной.

Рассмотрим грамматический аспект данных сочетаний речевых актов:

совет+пожелание

– Il faut bien entendu se respecter, cela est très important! Bon courage à toi! / Нужно, конечно, уважать себя, это очень важно! Удачи тебе!

утверждение+пожелание

– Je vis plus ou moins la même chose que toi, ta peine, je me suis pas mal reconnu dans ton récit. Allez, courage et je te souhaite le meilleur avenir / Я пережил примерно то же самое, что и ты, я узнаю себя в твоём рассказе. Ну же, удачи, желаю тебе всего наилучшего в жизни.

На лексико-грамматическом уровне в первом случае имеет место безличная конструкция с обобщающим значением Il faut (нужно), а во втором случае повторение местоимения je (я) свидетельствует об эгоцентричном переходе, когда фокус эмпатии смещен с адресата на говорящего. Посессивность, выраженная притяжательным местоимением ta peine, ton récit (твоя боль, твой рассказ) и ударным местоимением toi (ты), а также повелительное наклонение эксплицируют эмпатийное принятие и разделение чувств собеседника. Прошедшее время говорит о переживании говорящего подобной ситуации в прошлом (я понимаю тебя, со мной было то же самое).

Литература

1. Авакимян С.С. О лингво-когнитивном подходе к феномену «искренность». СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. № 92. С. 177-185.

2. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге [Электронный ресурс]: монография / Л.А. Азнабаева; Башкирский государственный университет. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 198 с.

3. Анищенко А.А. Способы реализации вербальной эмпатии в интернет-коммуникации // Актуальные вопросы университетской науки: Сборник научных трудов. Вып. I. / отв. ред. В.П. Захаров. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. С. 21-26.

4. Анищенко А.А., Газизов Р.А. Способы функционирования вежливости в эмпатийном речевом акте понимания (на материале

французского языка). Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1348-1351.

5. Азнабаева Л.А. Принцип вежливости в английском диалоге / Л.А. Азнабаева. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 198 с.

6. Азнабаева Л.А., Анищенко А.А. Междометия как средство выражения эмпатии. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2015. № 2 (26). С. 63-68.

7. Анищенко (Кузнецова) А.А. Эмпатийные речевые акты как компонент этического общения / Коммуникация: этико-лингвистический аспект. Уфа РИЦ БашГУ 2011. С. 207-301.

© Бен Шушан А.А., 2025

УДК 81'38

Войцех К.Д.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Настоящая статья исследует феномен языковой игры в наименее изученном дискурсе современной массовой культуры – песенном. Материалом исследования послужили англоязычные песенные тексты последних трёх десятилетий. В результате анализа выделяются характерные способы создания языковой игры, а также функции, выполняемые ЯИ в рассматриваемых текстах.

Ключевые слова: языковая игра, песенный дискурс, функции языковой игры, интертекстуальность.

Voytsekh K.D.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ROLE AND FUNCTIONS OF WORDPLAY IN SONG DISCOURSE (BASED ON THE ENGLISH SONG LYRICS)

Abstract: This article explores the phenomenon of wordplay song discourse as the least studied discourse of contemporary popular culture. The study focuses on English-language song lyrics from the last three decades. The analysis highlights characteristic methods of creating wordplay and its functions implemented in the studied texts.

Key words: wordplay, song discourse, wordplay functions, intertextuality.

Современный песенный дискурс, несомненно, можно считать отражением состояния массовой культуры и, как следствие, человечества как единицы, этот культурный медиум создающей. Изучение песенного дискурса в лингвистическом аспекте видится нам перспективным ввиду

малого количества системных исследований в данной области, а также представляет особый интерес в области междисциплинарности, поскольку песенные тексты несут в себе значительный культурный контекст.

Данная статья посвящена изучению роли и функций языковой игры (ЯИ) в англоязычных песенных текстах последних десятилетий с целью выявления её эмоционально-экспрессивного потенциала.

Под песенным дискурсом мы понимаем «текст в совокупности с контекстами его создания и интерпретации, включая эффект, производимый им на слушающего в определенном историко-культурном контексте» [1, с. 10]. Данное определение было выбрано в качестве рабочего, поскольку оно делает акцент на языковой составляющей песенного дискурса, оставляя за пределами исследования музыкальный компонент. При этом песенный можно считать разновидностью текста поэтического со всеми присущими ему характеристиками. Отмечается, что поэтический текст характеризуется значительно меньшей степенью «свободы» по сравнению с обычной речью ввиду особой темпоритмической и лексико-композиционной организации [2, с. 30]. Это заставляет авторов обращаться к способам передачи информации, которые характеризуются сжатой формой при объёмном содержании передаваемой информации. Одним из таких способов становится языковая игра.

Языковой игрой в нашем понимании можно считать любой языковой феномен, ставящий своей целью передачу дополнительного значения либо выполнения дополнительной функции в речи. Тем самым, к языковой игре можно отнести неопределённо широкий круг явлений, построенных как на нарушении существующих правил языка, так и не нарушающих правила, но несущих дополнительные оттенки значений либо выполняющих более одной функции в тексте – информативной. В определённом смысле, любое креативное использование языка можно считать языковой игрой [3, с. 15].

Материалом исследования стали приёмы языковой игры, обнаруженные в англоязычных песенных текстах последних десятилетий. Отбор материала происходил методом сплошной выборки при прослушивании песен, на следующем этапе происходила верификация текста в официальных источниках: на сайтах исполнителей либо на крупнейшем сайте с текстами песен genius.com. Только после этого происходил непосредственный анализ случаев языковой игры. В качестве примера мы рассмотрим по 2 случая языковой игры из текстов, принадлежащих к различным временным промежуткам: 2000е годы, 2010е и 2020е. При упоминании, однако, мы будем руководствоваться не годом выхода песни, а степенью сложности использованного приёма языковой игры в песенном тексте.

1. ***Juliet loves the beat and the lust it commands // Drop the dagger and lather the blood on your hands, Romeo***

(*The Sharpest Lives* by My Chemical Romance, 2006)

Прежде чем перейти к рассмотрению выбранного отрывка, обратимся к названию песни, где свободное словосочетание *the sharpest*

lives созвучно более привычному для казуального реципиента фразе the sharpest knives, и подобное сравнение рисует в сознании слушателя образ жизни опасной, «по лезвию ножа». Дальнейший текст песни только подтверждает нашу лингвистическую догадку, говоря об опасностях безрассудной жизни. Приведённые строки являются умело обыгранной аллюзией на трагедию Шекспира «Ромео и Джульетта» и уже много лет вызывает обсуждения как среди фанатов группы, так и среди случайных слушателей. Считается, что первая из рассматриваемых строк отсылает к тому, что Джульетта испытывает не любовь к Ромео, а лишь наслаждается самим фактом влюблённости (поскольку чувство возникает не само по себе, а вызываемое многозначным *beat*, что трактуется либо как музыкальный бит, либо как ритмическая организация трагедии; в данном случае мы можем говорить о намеренной двусмысленности). Вторая же строчка намекает на то, что Ромео напрямую виноват в гибели возлюбленной, поэтому возникает отсылка к «крови на руках», однако в безрассудном мире, описанном в тексте данной песни, о любых грехах быстро забывают, поэтому ему предлагают «смыть кровь». Тем самым, перед нами один из сложнейших приёмов языковой игры во всём корпусе наших исследований по языковой игре в песенном дискурсе.

2. *I just keep on getting stronger, I'm not waiting any longer// Either conquer every genre like I'm Genghis Khan or chop you like a helicopter //Into sixty pieces like I'm Jeffrey Dahmer*

(*No Fear* by Falling in Reverse, 2024)

В рассматриваемой песне лирический герой говорит о своей нелюбви к современности, где иметь своё мнение стало немодным, а прославиться можно только если ты подходишь под формат. Найденный отрывок появляется ближе к кульминации повествования, где герой выражает мысль о том, что цепляться за жизнь его заставляет только мысль о том, что у него есть миссия изменить песенную индустрию. Именно в этом фрагменте появляются интересные аллюзии: исполнитель сравнивает себя с Чингисханом, известным своей жестокостью, а также серийным убийцей Джеффри Дамером. Такое сравнение звучит в унисон с предыдущей строчкой *'Cause it turned me to a monster* и говорит о невысоком мнении лирического героя о собственной персоне. Более того, аллюзия на реальных исторических персонажей позволяет глубже понять нарисованный в песенном тексте образ.

3. *It's my life // My heart is like an open highway // Like Frankie said, "I did it my way"*

(*It's My Life* by Bon Jovi, 2000)

Данный пример найден нами в тексте культовой песни *It's My Life*. Здесь, как и в песне *No Fear*, языковая игра строится на феномене интертекстуальности, однако используется пример прямого цитирования: в тексте приводится цитата из другой популярной песни, *My Way* Фрэнка Синатры. В контексте данного произведения мы можем говорить об интертекстуальном диалоге в прямом его понимании, когда звучащий

текст является квази-ответом на текст уже существующий. Для слушателей, не обладающих необходимыми знаниями для дешифровки ЯИ, это будет просто интересный способ представления информации, однако в сознании тех, кто обладает достаточной интертекстуальной энциклопедией, сразу зазвучат строки из песни Синатры: *I traveled each and every highway // And more, much more than this // I did it my way*. Особый интерес данный случай представляет ещё и потому, что помимо прямого цитирования аллюзия на тот же текст присутствует и в упоминании шоссе (*highway*) в обеих песнях, и в данном случае можно говорить как о выразительной функции языковой игры, так и о функции самовыражения автора через текст произведения.

4. *You make my **crazy feel normal**, every time // **You are the who, love is the what, and this is the why***

(*This is Why I Need You* by Jesse Ruben, 2015)

В рассматриваемой песне лирический герой рассказывает о своих чувствах к возлюбленной, о том, как её появление сделало его жизнь лучше. Текст насыщен конструкциями типа *You make my weakness less weak // You make the bottoms less deep*, которые по отдельности не представляют особого лингвистического интереса, однако в контексте наполненности текста подобными фразами такое использование языка можно считать языковой игрой на синтаксическом параллелизме. Кроме того, ряд подобных конструкций заканчивается фразой *You make my crazy feel normal*, где семантические антонимы становятся контекстными синонимами. Наконец, финальная фраза припева, также основанная на параллельных конструкциях, является ярким примером нарушения традиционных грамматических правил для эстетического воздействия и создания образа. В традиционной грамматике мы не можем использовать артикль с вопросительными словами, однако в данном случае нарушение правил кажется оправданным, поскольку служит для экспрессивизации высказывания.

5. *It's not a **homeless** life for me // It's just I'm **home less** than I'd like to be*

(*Homeless* by Ed Sheeran, 2010)

В тексте песни *Homeless* мы видим остроумное использование схожих по своей структуре конструкций, создающих формальную омофонию, в сочетании с нарушением логической дистрибуции лексем. Состояние *I'm home*, согласно логике, нельзя измерить в количественном отношении: нельзя «быть дома» больше или меньше. Однако автор описывает свои чувства именно так. С одной стороны, такое использование языка можно считать проявлением гедонистической функции: в данном случае мы имеем дело с автором-исполнителем и отождествляем автора и лирического героя произведения, что позволяет нам говорить о проявлении личности автора в тексте песни. С другой стороны, это можно считать способом создания более яркого образа: слыша эту фразу, слушатель рисует в своём воображении яркую картину

чувств героя, который уехал из родного дома за славой в большой город и не может найти себе места.

*I wanna say I **wish that you never left** // Oh, but instead I only **wish you the best***

(*Wish You the Best* by Lewis Capaldi, 2023)

Наконец, в примере из песни автора-исполнителя Льюиса Капальди мы встречаем интересный случай ЯИ, основанный на омонимии, где в рамках одного предложения реализуются сразу два значения лексемы: *wish*¹ “used ... to express that you feel sorry or sad about a situation” и *wish*² “to express hope for another person’s happiness or pleasure” [4]. В данном контексте одна и та же лексема помогает создать антонимичные по своей сути высказывания, передавая всю степень переживаний лирического героя.

Тем самым, анализ приёмов языковой игры в песенном дискурсе последних трёх десятилетий показал, что авторы в своём творчестве используют разнообразный инструментарий ЯИ. Основными функциями можно считать поэтическую, выразительную, экспрессивную. Приёмы языковой игры отличаются своей сложностью, нередко опираясь на интертекстуальность и двусмысленность. Дальнейшие исследования в этой области видятся перспективными с привлечением количественного анализа случаев языковой игры, а также выявления степени зависимости ЯИ от жанра, временного периода создания песни и её авторства.

Литература

1. Дуняшева Л.Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе: на материале жанров блюз и рэп: автореф. дис. ... канд филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2012. 24 с.

2. Максименко О.И., Подрядова В.В. Поликодовый музыкальный поэтический дискурс // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. №4. С. 27-30.

3. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Владивосток, 2008. 196 с.

4. Cambridge Dictionary [электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wish> (дата обращения: 13.10.2025).

© Войцех К.Д., 2025

УДК-316-48

Гилязова Д.Р.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

КОНФЛИКТ КАК ДВИЖУЩАЯ И РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА В БЫТОВЫХ И РАБОЧИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Негативное отношение ко всем вспыхивающим разногласиям и конфликтам иногда мешает индивидуумам разрешить их в самом зачатке. Производственные конфликты разрешить сложнее, но при условии, что люди, работающие в команде, двигаются в одном направлении – эта цель разрешима.

Ключевые слова: конфликт, преимущества конфликта, стратегия сотрудничества, конструктивный диалог.

Gilyazova D.R.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

CONFLICT AS A DRIVING AND DESTRUCTIVE FORCE IN THE LIVING AND WORKING CONDITIONS

Abstract. A negative attitude towards all emerging disagreements and conflicts sometimes prevents individuals from resolving them at the very beginning. Production conflicts are more difficult to resolve, but if the people working in a team are moving in the same direction, this goal is achievable.

Key words: conflict, benefits of conflict, cooperation strategy, and constructive dialogue.

Многие из нас боятся конфликтов и активно избегают ситуаций, которые могут вылиться в конфликт. К сожалению, избежать конфликта бывает очень сложно, а порой, практически невозможно, если вы хотите добиться успеха в работе и построить головокружительную карьеру. К счастью, есть некоторые удивительные преимущества конфликта.

Ссоры, выяснение отношений и конфликты бывают полезны. Вспомните, ссору с романтическим партнером. Как был ужасен конфликт, какую бурю эмоций он в вас вызвал. Но как только он разрешился, случилось нечто удивительное – вы оба поняли, насколько дороги вам ваши чувства вы стали еще ближе, повысилась ваша ценность в глазах партнёра/партнерши и страсть вернулась в отношения. Здесь, оговоримся, что этот прием нельзя использовать часто. Так можно спровоцировать необратимые последствия.

То же самое относится и к рабочему месту, безотносительно пола. Когда вы успешно прорабатываете конфликт со своими коллегами или

боссом, вы, в конечном итоге, укрепляете свои отношения, в случае, если каждый из вас придерживается конструктивного диалога и стратегии сотрудничества. Успешное и полное разрешение конфликта в совместном деле приводит коллектив к формированию навыков стрессоустойчивости, умению идти на взаимные уступки, высокому взаимному уровню доверия партнеров.

Одним из ярких примеров является участие в стартапах. Учредители регулярно сталкиваются друг с другом на этапе притирки, набивают «шишки», что в конечном итоге укрепляет отношения настолько, что у соучредителей получается воплотить в жизнь немыслимые проекты.

Перманентно тлеющий конфликт указывает на фундаментальное расхождение в ценностях, видении или стиле работы, которое невозможно преодолеть и нет смысла игнорировать. Лучше сделать этот вывод, переключиться на созидание и двигаться к цели.

Участие в затяжном и нездоровом конфликте крадет ваше время, которое можно направить в конструктивное русло. Избегая конфликта, вы экономите энергию, не наживаете стрессов и защищаетесь от эмоционального выгорания, не говоря уже об огромном количестве потерянной производительности.

Самые очевидные негативные итоги конфликта – это излишняя трата эмоций. Сотрудники с высокой стрессоустойчивостью и моральным духом, скорее всего, будут работать усерднее, оставаться в компании и быть более продуктивными. Но, если сотрудники чувствуют, что над ними издеваются, ими пользуются, либо все лучшие проекты отдают фаворитам, они могут начать поиски другой работы или работать непродуктивно.

Ответственный руководитель должен создавать рабочую, дружественную и доверительную обстановку. Атмосфера недоверия препятствует командной работе и сотрудничеству, необходимым для эффективного выполнения работы.

© Гилязова Д.Р., 2025

УЧЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС: КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ГИБРИДНОСТИ

Аннотация. В фокусе нашего внимания находится учебно-медицинский дискурс — сложное коммуникативное пространство, где переплетаются миры педагогики и медицины. Эта статья исследует его как яркий пример гибридного дискурса, рожденного на стыке двух мощных социальных институтов. Мы анализируем дискурсообразующие концепты, которые служат своего рода каркасом, выстраивающим смысловое наполнение этого дискурса. В работе выявляются ключевые концепты, такие как «учебный процесс», «медицина», «преподаватель», «обучающийся», «врач», «пациент», и показывается, как они формируют иерархическую систему и единый понятийный континуум. Наше исследование доказывает, что гибридизация — это не простое сложение, а глубокое преобразование свойств исходных дискурсов, ведущее к возникновению новой, уникальной коммуникативной реальности, которая находит свое воплощение в лекциях, учебниках и клинических практиках. Работа выполнена в русле дискурсивно-когнитивного подхода на материале современных учебных пособий для медицинских вузов.

Ключевые слова: гибридный дискурс, учебно-медицинский дискурс, дискурсообразующий концепт, медицинский дискурс, учебный дискурс, коммуникация, когнитивная лингвистика, профессиональная коммуникация.

Gholami H.H., Kasymova O.P.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

EDUCATIONAL AND MEDICAL DISCOURSE: A COMMUNICATIVE AND COGNITIVE ANALYSIS OF HYBRIDITY

Abstract. Our focus is on educational and medical discourse, a complex communicative space where the worlds of pedagogy and medicine are intertwined. This article explores it as a vivid example of hybrid discourse born at the junction of two powerful social institutions. We analyze the discourse-forming concepts that serve as a kind of framework that builds the semantic content of this discourse. The paper identifies key concepts such as "learning process", "medicine", "teacher", "student", "doctor", "patient", and shows how they form a hierarchical system and a single conceptual continuum. Our research proves that hybridization is not a simple addition, but a profound transformation of the properties of the original discourses, leading to the emergence of a new, unique communicative reality, which finds its embodiment in lectures, textbooks

and clinical practices. The work is carried out in line with the discursive-cognitive approach based on the material of modern textbooks for medical universities.

Keywords: hybrid discourse, educational and medical discourse, discourse-forming concept, medical discourse, educational discourse, communication, cognitive linguistics, professional communication.

Введение

Современная лингвистика все чаще обращает свой взор на специализированные области человеческого общения, и медицинский дискурс продолжает оставаться одной из наиболее востребованных и динамично развивающихся тем. Его жизненная важность и социальная значимость делают его привлекательным объектом для лингвистов, социологов и психологов, стремящихся понять, как язык обслуживает одну из фундаментальных сфер человеческого бытия. При этом медицинский дискурс не является монолитом; это сложная, гетерогенная система, включающая в себя множество стратифицированных и пограничных поддискурсов, таких как научно-медицинский, медиамедицинский, медико-правовой и другие [5, 7].

Особый интерес среди этого многообразия представляет **учебно-медицинский дискурс (УМД)**. Он представляет собой уникальный сплав, продукт интеграции двух самостоятельных типов дискурса — педагогического (учебного) и медицинского. Именно его гибридная природа делает УМД превосходной моделью для изучения сложных процессов интердискурсивности. **Объектом** нашего исследования является учебно-медицинский дискурс как целостное явление, а **предметом** — система его дискурсообразующих концептов, которые определяют его коммуникативно-когнитивное своеобразие и внутреннюю логику.

Теоретические основания: гибридный дискурс и его концептосфера

Наше исследование опирается на принципы дискурсивно-когнитивного подхода, который позволяет рассматривать язык не в отрыве, а в неразрывной связи с мышлением и условиями коммуникации. Два ключевых понятия лежат в основе нашего анализа: «гибридный дискурс» и «дискурсообразующий концепт».

Современная коммуникация редко бывает «чистой» — в реальности мы постоянно сталкиваемся с переплетением различных дискурсивных практик. Исследователи все активнее фиксируют явления поли- и интердискурсивности [1, 2, 8]. Под **гибридным дискурсом** мы понимаем особое коммуникативное образование, возникающее при соединении характеристик двух или более различных типов дискурса. Это соединение порождает не механическую смесь, а качественно новый формат, в котором свойства исходных компонентов трансформируются и закрепляются на уровне текстовых структур, жанров и языкового оформления [1, с. 574; 8, с. 162]. УМД служит классическим примером

такого гибрида, где цели, роли участников и содержание педагогического и медицинского дискурсов сливаются в единую, целостную систему.

Содержательное наполнение любого дискурса неразрывно связано с репрезентацией специфических для него концептов. Термин **«дискурсообразующий концепт»** позволяет описать эту связь, переключаясь с идеей М. Фуко о «дискурсивной формации» — системе отношений, которая связывает воедино объекты, высказывания, понятия и стратегии [12, с. 93]. Эти концепты формируют концептосферу дискурса, и их структура по-разному раскрывается в зависимости от профессионального контекста [6, с. 29]. Опираясь на богатую отечественную традицию изучения концептов [3, 9], мы можем продуктивно анализировать их иерархию в рамках таких сложных образований, как УМД.

Базовые концепты учебно-медицинского дискурса

Анализ современных учебных пособий по медицине [10, 11] позволил нам выявить устойчивую систему базовых дискурсообразующих концептов УМД. Эта система обладает симметрией, отражающей двойственную, гибридную природу самого дискурса.

1. **Концепт «учебный процесс».** Этот концепт находит свое языковое воплощение в лексике, описывающей пространство, время и регламент обучения: *аудитория, учебный план, лекция, семинар, контрольная работа, зачет, экзамен, ФГОС*. Его важнейшей составляющей является дидактический материал: задания для самостоятельной работы, клинические задачи, тестовые вопросы. Здесь же заметна роль официально-делового стиля, обусловленная необходимостью документирования и регламентации образовательной деятельности.

2. **Концепт «медицина».** Это стержневой, несущий концепт, который репрезентируется в первую очередь плотным слоем специальной терминологии и общенаучной лексики. Он формирует основное содержательное ядро учебных текстов — от описания строения человеческого тела до сложных патологических процессов и методов терапии. Динамическое соотношение собственно медицинского и учебного компонентов в текстах наглядно демонстрирует их гибридную сущность.

Участники коммуникации в УМД представлены парными концептами, зеркально отражающими ролевую структуру породивших его дискурсов:

- **«Преподаватель» vs «Обучающийся»:** Первый воплощен в авторстве учебников, содержании лекций и контролирующей функции. Второй — в ясном указании на целевую аудиторию пособий, в разнообразии учебных активностей и в самой системе оценки знаний.

- **«Врач» vs «Пациент»:** Концепт «врач» проявляется через профессиональную лексику и через центральную цель обучения — формирование компетенций «будущего врача». Концепт «пациент» выступает как носитель клинической проблемы, объект заботы и вмешательства, что постоянно обыгрывается в примерах и задачах.

Зависимые концепты и целостность смыслового пространства

Ключевые концепты УМД не изолированы; они порождают ряд зависимых, которые вместе образуют плотное, непрерывное смысловое поле — понятийный континуум. В него входят такие фундаментальные для медицины категории, как «организм», «здоровье», «болезнь», «лечение».

Иллюстрацией этого служат примеры из учебных текстов:

- «Заболевания, при которых нарушается обмен веществ в **организме** — атеросклероз, сахарный диабет, ожирение и др.» [10, с. 98].
- «В тощей кишке **здоровых** людей среда может быть стерильной...» [10, с. 240].
- «**Лечение** неосложненной язвенной **болезни** проводится амбулаторно» [10, с. 72].

Каждый из этих концептов, в свою очередь, может быть развернут в целую сеть субконцептов (например, «организм» — через названия органов и систем, «лечение» — через номенклатуру процедур и фармацевтических средств).

Таким образом, перед нами выстраивается четкая трехуровневая иерархия:

- **Базовый уровень:** «учебный процесс» <--> «медицина».
- **Уровень участников:** «преподаватель» / «обучающийся» (педагогический полюс) и «врач» / «пациент» (медицинский полюс).
- **Уровень предметного содержания:** «организм», «болезнь», «здоровье», «лечение».

Этот понятийный континуум наглядно демонстрирует, как образовательные и сугубо профессиональные (медицинские) компоненты сплавляются в сознании будущего специалиста в единую картину.

Коммуникативно-когнитивные аспекты гибридности УМД

Гибридность УМД — это не просто теоретический конструкт; она имеет вполне конкретные проявления на разных уровнях:

1. **Целеполагание.** Цель УМД представляет собой синтез образовательных и профессиональных задач: это не только усвоение терминов, но и формирование клинического мышления, выработка навыков терапевтического общения и подготовка к реальной лечебной деятельности [4].

2. **Роли участников.** Студент в этом дискурсе существует в двойной роли: он является и обучающимся (воспринимающим знания), и будущим врачом (усваивающим профессиональную идентичность). Преподаватель, в свою очередь, сочетает в себе функции педагога-наставника и эксперта-клинициста.

3. **Языковое воплощение.** В текстах УМД наблюдается постоянное взаимодействие регистров: строгий, объективный стиль научного описания болезней соседствует с дидактическим и инструктирующим стилем учебных заданий, к которым нередко

добавляются элементы официально-делового стиля, регламентирующего учебный процесс.

4. **Когнитивный аспект.** Гибридный дискурс активно формирует особое когнитивное пространство — своего рода «промежуточное» сознание учащегося, в котором абстрактное медицинское знание постоянно апробируется и применяется в смоделированных учебных ситуациях. Этот процесс способствует не только глубокому усвоению информации, но и постепенному «вращиванию» в профессиональную культуру.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что учебно-медицинский дискурс является живым и продуктивным примером гибридного дискурса. В его пространстве свойства педагогического и медицинского дискурсов не просто суммируются, а проходят глубинную трансформацию, рождая новое качество. Смысловым стержнем УМД служит система дискурсообразующих концептов, выстроенных в четкую иерархию и образующих единый понятийный континуум. Ядро этой системы составляют симметричные базовые концепты «учебный процесс» и «медицина», которые, в свою очередь, организуют вокруг себя концепты-участники и концепты-процессы.

Коммуникативно-когнитивный анализ убедительно доказывает, что гибридная природа УМД служит главной цели — эффективному формированию компетентного будущего врача. Она позволяет интегрировать теоретическое знание, практические навыки и профессиональные ценности в едином и целостном коммуникативном пространстве. Перспективы дальнейшего исследования УМД видятся в анализе его жанрового разнообразия, а также в сравнительном изучении его специфики в разных лингвокультурных контекстах.

Литература

1. Баландина Е.С. Гибридный дискурс: конституирующие признаки географических очерков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 573-578.
2. Иерусалимская А.О. К определению понятия «полидискурсивность» в отечественной и зарубежной филологии // Вестник Российско-армянского (славянского) университета. 2015. № 2 (20). С. 106-113.
3. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185-197.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

5. Касымова О.П., Лебедева А.В. Концепт «красота» в профессиональном медиадискурсе (на примере речи врачей-косметологов) // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8. № 1. С. 29-36.

6. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7-25.

7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

8. Рогозин А.Ю. Гибридный дискурс как результат интердискурсивного взаимодействия // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 4 (97). С. 161-168.

9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

10. Терапевтическая стоматология: Учебник / Под ред. О.О. Янушевича. В 3 ч. Ч. 1: Болезни зубов. 2-е изд., перераб. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2022. 208 с.

11. Фомина И.А., Петров С.В. Внутренние болезни: учебное пособие для медицинских вузов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2023. 448 с.

12. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

© Голами Х.Х., Касымова О.П., 2025

УДК 81'23

Давлетова Я.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В настоящей статье анализируется феномен прецедентного текста в рамках отечественной лингвистики. Рассмотрены различные подходы к определению данного понятия, выделены его основные характеристики и показаны возможные направления применения прецедентных текстов в психолингвистических (экспериментальных) исследованиях.

Ключевые слова: прецедентный текст, психолингвистический эксперимент, анекдот, клише, крылатое выражение, пословица, поговорка.

PROSPECTS FOR USING PRECEDENT TEXTS IN PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH

Abstract. This article analyzes the phenomenon of precedent text within the framework of Russian linguistics. Various approaches to defining this concept are considered, its main characteristics are highlighted, and possible applications of precedent texts in psycholinguistic (experimental) research are demonstrated.

Key words: precedent text, psycholinguistic experiment, anecdote, cliché, catchphrase, proverb, saying.

Использование прецедентных текстов в экспериментальных психолингвистических исследованиях представляется перспективным направлением, поскольку позволяет глубже раскрыть механизмы восприятия, интерпретации и переработки различных типов текстов человеком. Для понимания потенциала данного подхода обратимся к сущности термина «прецедентный текст», его разновидностям и ключевым свойствам.

Одним из первых исследователей, давших определение данному феномену, был Ю.Н. Караулов. По его мнению, прецедентные тексты представляют собой эмоционально и когнитивно значимые для личности речевые произведения, обладающие при этом «сверхличностным характером» [2, с. 216]. Такие тексты известны широкому кругу носителей языка и регулярно актуализируются в коммуникации, передаваясь от поколения к поколению.

Исходя из этого, к базовым признакам прецедентного текста относятся общеизвестность, эмоционально-познавательная значимость и способность к многократной реинтерпретации в различных контекстах.

В дальнейшем понятие «прецедентный текст» получило более детализированную структуру: в научный оборот были введены термины «прецедентное высказывание», «прецедентное имя», «прецедентная ситуация», «прецедентный жанр», «прецедентный мир», «прецедентный образ», «прецедентный топоним» и другие [1, с. 3].

Прецедентный текст можно определить как завершённый продукт речемыслительной деятельности, хорошо известный членам определённого лингвокультурного сообщества и регулярно воспроизводимый в процессе коммуникации. Он характеризуется наличием в своей структуре элементов, восходящих к предшествующим текстам [5].

К категории прецедентных высказываний относится, например, цитата. Это воспроизводимая единица речи, завершённая и самодостаточная, которая может иметь или не иметь предикативную структуру [1, с. 3].

Прецедентная ситуация представляет собой эталонную модель с закреплёнными ассоциативными и оценочными коннотациями. Так, ситуация предательства Христа Иудой выступает символом измены как универсального явления.

Прецедентное имя, в свою очередь, связано либо с известным текстом (например, Наташа Ростова, Тарас Бульба, Обломов), либо с культурно значимой ситуацией (например, Колумб, Иван Сусанин), узнаваемой в пределах конкретного лингвокультурного пространства.

В научной литературе выделяются и уровни прецедентности. Ю.Е. Прохоров различает четыре таких уровня.

Первый — индивидуальный, связанный с личным сознанием, памятью и языковым опытом конкретного человека. Второй — социальный, где личность рассматривается как часть определённой группы (семья, коллектив, религиозное сообщество), что обеспечивает общие знания и ценности.

Третий уровень — национально-культурный, объединяющий членов одной культуры на основе общих символов и культурных кодов.

Четвёртый — универсальный, свойственный всему человечеству, включающий общие знания и представления о мире [4, с. 148].

Соответственно этим уровням выделяются типы прецедентности: автопрецедентная, социумная, национально-прецедентная и универсальная [4, с. 149].

Таким образом, прецедентные тексты отражают как индивидуальные, так и коллективные ценности и культурные установки, что делает их эффективным инструментом для изучения влияния культурных факторов на восприятие и понимание текста.

Эмоциональный компонент, заключённый в подобных текстах, открывает возможности для исследования взаимосвязей между языком, эмоциями и когнитивными процессами.

Следовательно, использование прецедентных текстов в психолингвистике создаёт условия для комплексного анализа когнитивных, культурных и эмоциональных аспектов речевой деятельности. Результаты подобных исследований могут способствовать совершенствованию образовательных методик, разработке диагностических инструментов и повышению эффективности межкультурной коммуникации.

Ранее нами предпринимались психолингвистические эксперименты на материале библейских текстов [2], а также русских народных пословиц [3]. В дальнейшем предполагается расширение исследований на другие типы прецедентных текстов.

Полученные результаты могут быть использованы при изучении когнитивных процессов, культурных особенностей восприятия, в диагностике когнитивных нарушений, образовательной практике и при анализе межкультурных различий с целью повышения эффективности коммуникации, глубже понять её механизмы.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999.
 2. Давлетова Я.А. Исследование языкового сознания молодого поколения Республики Башкортостан (на материале результатов экспериментального исследования 2022 года). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Москва: 2024. № 6 (887). С. 25-30.
 3. Давлетова Я.А. Эмоционально-оценочный компонент в построении стратегий восприятия русских народных пословиц. Современное профессиональное образование. Москва: 2025. № 1. С. 99-105.
 4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 216.
 5. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог – МГУ, 1998.
 6. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 148-152.
 7. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000.
- © Давлетова Я.А., 2025

УДК 81'255

Злых Н.М.

Пермский Национальный Исследовательский Политехнический университет, Пермь, Россия

РЕДАКТИРОВАНИЕ И ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЕ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению традиционного редактирования перевода, выполненного человеком-переводчиком, и постредактирования машинного перевода. Автор описывает, какие требования выдвигают к редакторам и постредакторам. Особое внимание уделяется задачам и степени вмешательства при редактировании и постредактировании.

Ключевые слова: редактирование, постредактирование машинного перевода, редактор, постредактор, текстоид.

EDITING AND POST-EDITING: POINTS OF INTERSECTION

Abstract. The article compares traditional editing of a text translated by a real translator with post-editing of machine translation. The author describes the requirements for editors and post-editors. Special attention is paid to the aims and depth of intervention into the text when editing and post-editing.

Key words: editing, post-editing of machine translation, editor, post-editor, textoid.

На протяжении всей истории перевода редактирование считалось неотъемлемой частью работы переводчика, служа гарантом качества текста. Современные технологии радикально изменили характер работы переводчика, и машинный перевод (МП) постепенно стал превращаться в еще одного участника переводческого процесса. В новых условиях работы на замену редактированию пришло постредактирование, то есть обработка текста, сгенерированного автоматизированной системой. Однако многих в переводческой среде беспокоит вопрос, есть ли принципиальные различия между традиционным редактированием и постредактированием МП.

Редактировать значит подвергать редакции, проверять, исправлять, подготавливая к печати [1]. Как правило, редакторская правка производится либо самим переводчиком, либо профессиональным редактором. Несмотря на то, что сегодня среди переводчиков и писателей найдется мало тех, кто будет отрицать важную роль редактора в создании произведения, еще несколько веков назад книги часто выходили без редакторской правки. Тогда авторы произведений редактировали себя сами или доверяли исправление ошибок, например грамматических, корректорам. Со временем требования к издаваемой литературе изменились, нормы правописания стали более строгими, поэтому без вмешательства профессиональных редакторов уже было не обойтись. Элеонора Яковлева Гальперина, более известная как Нора Галь, определяла главную цель редактирования как стремление к ясности, точности и живости речи [2]. По ее мнению, редактор помогает автору выразить мысль на языке перевода, сделать его понятным и «человечным». Валерий Сергеевич Модестов пишет о том, что первейшая обязанность редактора добиваться, чтобы было и по-русски, и как у автора [3]. Считается, что быть редактором – значит иметь особое чувство языка, иметь настоящий талант не только видеть разного рода неточности и заменять их более правильными и уместными вариантами, но и буквально чувствовать автора оригинала, его стиль, мироощущение. Именно на этапе редактирования сам переводчик или же профессиональный редактор устраняет следы буквальности, стилистической шероховатости. Таким образом,

редактирование становится завершающим актом творческого осмысления перевода.

В разные периоды становления редактирования в России к редакторам предъявляли разные требования. Одним из самых ярких и противоречивых периодов формирования редакторской школы считается XX век. Основной проблемой для редакторов того времени была передача авторского стиля, его индивидуальности, и только превосходного владения языком было недостаточно. Редактирование требовало глубокого погружения в суть произведения, его анализа и оценки. Безусловно, эволюция языковых норм, технологий и общественных ценностей отразилась на современных критериях редактирования. Сегодня в задачи редакторов входит адаптация текста под целевую аудиторию и ее культуру, сохранение логики повествования, устранение дискриминационных высказываний, приведение к единообразию в стиле и терминологии, а также соблюдение правил орфографии, пунктуации и грамматики.

Постредактирование представляет собой принципиально иной вид деятельности. Машина не понимает текст в человеческом смысле, она лишь обрабатывает данные, создавая так называемый «текстоид». Учитывая современные технологии и способность автоматизированных систем генерировать достаточно «гладкие» тексты, на первый взгляд может показаться, что они ничем не отличаются от текстов, написанных реальными людьми. Тем не менее при более тщательном анализе полученного перевода и его сравнении с оригиналом обнаруживаются ошибки, которые вынужден исправлять именно человек – постредактор. Однако в отличие от редактора, задача постредактора заключается в том, чтобы довести результат МП до определенного уровня качества, который, как правило, обозначается заказчиком. Постредактор не преследует цель создать совершенный с точки зрения языка и стиля текст, он должен лишь внести кое-какие правки, затратив при этом минимум времени и сил [4]. Конечно, для выполнения постредактирования человек все еще должен владеть как исходным, так и целевым языками на высоком уровне, уметь анализировать и сравнивать оригинал с полученным МП. Кроме этого, при работе с автоматизированными системами определяющую роль играет знание особенностей работы этих систем и умение прогнозировать их ошибки.

Так можно ли сравнивать редактирование и постредактирование, основываясь только на том, что оба вида деятельности подразумевают работу с текстом и исправление ошибок. По представлениям советских и современных переводчиков и писателей, редакторы – это очень особенные люди, они не просто знают язык и умеют виртуозно обращаться с ним, они погружаются в суть текста и помогают еще больше приблизить текст к его читателям. Нельзя сказать, что постредакторы лишены возможности демонстрировать свои языковые способности, но степень их вмешательства явно отличается. Если редактирование включает

тщательную переработку фраз, поиск лучших эквивалентов, стилистическую шлифовку, адаптацию культурных реалий, то постредактирование часто ограничивается исправлением явных ошибок, например, лексических, грамматических, смысловых и т.д., а также минимизацией «машинного» следа. Более глубинная переработка текста нередко отсутствует. Еще одним отличием является то, что редактирование предполагает наличие достаточного количества времени на вдумчивую работу с текстом и обсуждение вариантов правок с переводчиком. В то же время при постредактировании время на обработку результатов МП ограничено, а возможности уточнить формулировки не у кого, ведь автором перевода выступает автоматизированная система. Таким образом, можно утверждать, что деятельность постредактора сводится к определенному набору действий, которые мало похожи на творческий процесс работы с «живым» текстом при традиционном редактировании.

В заключении хочется отметить, что редактирование на протяжении веков формировалось как творческий процесс, предполагающий глубокое погружение в текст, сохранение авторского стиля и достижение максимальной ясности изложения, редактор выступал почти соавтором, способным «оживить» перевод. Постредактирование, возникшее в эпоху цифровизации, с одной стороны, наследует эту ценностную установку на качество, но, с другой стороны, трансформирует её, и фокус внимания смещается с художественной глубины на оперативную оптимизацию текста, сгенерированного машиной.

Литература

1. Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор [Электронный ресурс]. – URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/17/us3d1604.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения 31.10.2025).
2. Галь Н. Слово живое и мертвое. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. 352 с.
3. Нужен ли переводчику редактор? / ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А.М. Горького» [Электронный ресурс]. URL: https://litinstitut.ru/content/tolma4nonstop_redactor?ysclid=mhg5wtosfk610686319 (дата обращения 31.10.2025).
4. O'Brien 2004 O'Brien, S. Machine Translatability and Post-Editing Effort: How do they relate? [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/228784412_Machine_Translatability_and_Post-Editing_Effort_How_do_they_relate (дата обращения 31.10.2025).

© Злых Н.М., 2025

УДК 81'27(07)

Исмагилова Н.В.

Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ МЕДИЦИНЫ В РУССКИХ ЖАРГОНАХ (на языковом материале 1990-х – начала 2000-х годов)

Аннотация. В статье анализируется жаргонная лексика, связанная со сферой медицины. Материалом для исследования послужили языковые единицы из жаргонов разного рода (молодежного, уголовного, интержаргона), зафиксированные в «Большом словаре русского жаргона». В статье исследуются некоторые словообразовательные, лексико-семантические особенности подобных жаргонизмов.

Ключевые слова: социолингвистика, социальная дифференциация языка, социальные диалекты, жаргоны, медицинская тематика.

Ismagilova N.V.

Bashkir State Medical University, Ufa, Russia

THE REPRESENTATION OF MEDICINE FIELD IN THE RUSSIAN JARGONS

(based on linguistic material from the 1990s – early 2000s)

Abstract. This article analyzes jargon vocabulary related to the medicine field. The research material consists of slang words from various types of jargon (youth jargon, criminal jargon, and inter-jargon) recorded in the "Large Dictionary of Russian Jargon". The article examines some of the word-formation and lexical-semantic features of such slang words.

Key words: sociolinguistics, social differentiation of language, social dialects, jargons, medical topics.

Сфера медицины находит некоторое отражение и в русских жаргонах разного вида: уголовном (криминальном), молодежном, военном, профессиональном и т.д. Безусловно, медицинская область не может быть представлена тотально в жаргонах, тем более что они представляют собой только лексикон, который относительно ограничен, поэтому носители того или иного жаргона даже не могут обходиться без использования большого количества общеупотребительных слов русского языка. При анализе лексем из «Большого словаря русского жаргона» [1], в дальнейшем именуемом БСРЖ, обнаруживается, что среди них имеются наименования медицинских работников разного рода, больных, страдающих разными заболеваниями, обозначения тех или иных заболеваний, некоторых методов и способов лечения, диагностики болезней и патологий, названия некоторых медицинских приборов и инструментов, лекарственных средств, а также ряда других медицинских реалий.

В интержаргоне и просторечии встречаются следующие лексемы для общего обозначения врача: *пинцет*, *скальпель*. В уголовном жаргоне употребляются лексемы *спиногрыз* (жарг.) – «врач в ИТУ» (в настоящее время аббревиатура ИТУ («исправительно-трудовое учреждение») заменена на ИК – «исправительная колония»); *живодер* (угол.) – «врач, хирург, тюремный врач»; в военном – *бацик* (арм. шутл.). Жаргонизмы *спиногрыз* и *живодер* образованы семантическим способом, путем переосмысления значения лексем, которые давно функционируют в просторечии и разговорной речи.

В просторечии и жаргоне можно встретить и некоторые обозначения медиков в зависимости от их специализации: *глазник* (прост.) – «офтальмолог»; *ушник* (прост.), *ухогорлонос* (прост.) – «оториноларинголог»; *неврик* (мол., шутл.) – «врач-невропатолог»; *лама* (мол., угол.) – «нелегально практикующий врач-венеролог»; *костоправ* (прост., жарг.) – «хирург»; *хронолог* (мол.шутл.) – «врач-нарколог»; *псих*, *психарь*, *психолом*, *кровельщик* (мол., от) – «врач-психиатр»; *пенисист*, *пенисман* (мол. шутл.) – «врач-уролог; врач-венеролог»; *дуборез* (угол., от *дуб* – «покойник») – «судебно-медицинский эксперт; патологоанатом» и др.

В качестве экспрессивной номинации в просторечии и жаргоне выступает лексема *коновал* – «плохой врач; плохой хирург».

В жаргонах функционируют и наименования, обозначающие не только врачей, но и других медицинских работников, а также лиц, занимающихся медицинской деятельностью, в том числе незаконной, например: *всадница* (мол. шутл., от *всадить укол*) – «медсестра»; *бикса* – «медсестра в ИТУ»; *лекарь* (нарк.) – «работник медицинского учреждения, у которого наркоманы приобретают наркотические вещества»; *алкоголик* (шоф. проф.) – «медсестра, контролирующая состояние водителей перед их выходом на трассу»; *психолом* – «медицинский персонал, усаживающий больных в психиатрической лечебнице»; *абортмахер* (угол.) – «врач или человек без медицинского образования, делающий подпольные аборты»; *абортница* (лаг.жарг.) – «подследственная или осужденная за нелегальное осуществление аборта» и др. Любопытно, что жаргонизм *бикса* (от тюрк. *бикэ* – «барышня») чаще употребляется в значениях «любовница», «девушка легкого поведения, проститутка», «любая девушка», «подруга, приятельница, девушка из своей компании».

Для общего обозначения больного человека в молодежном жаргоне существует номинация *здыхот* (мол.шутл.-ирон.), в уголовном – *бацильный*. Лексемой *хроник* обозначается хронически больной. В разного рода жаргонах и просторечии существуют наименования и для лиц, страдающих какими-то определенными заболеваниями. Особенно большое количество жаргонизмов используется для наименования пьяниц, алкоголиков, наркоманов, психически больных людей, а также лиц, имеющих венерические заболевания.

Так, в разных жаргонах функционируют следующие лексемы для названия лиц, страдающих алкоголизмом: *аквалангист*, *алкарь*, *алкаиш*, *алкан*, *алк*, *алконавт*, *алконоид*, *алкофан*, *алик*, *алкмэн*, *алкомэн*, *алкота*, *газовщик*, *гоша*, *дринкач*, *дринкер*, *дринчер*, *дринчуга*, *запивала*, *запивахин*, *запивохин*, *зомби*, *книжник (запойный)*, *выпивонщик*, *пузырь*, *пузырек*, *насос*, *синюга*, *синюха*, *синюшка*, *синюшник*, *синяк*, *уксус*, *чмырь*, *читатель*, *хроник*, *хронь*; *нарком*, *синька* – «опустившийся алкоголик»; *синячка* – «женщина-алкоголик»; *наркота* (собир.) – «алкоголики»; *пролетарий* – «хронический алкоголик (употребляющий, как правило, суррогаты спиртного)». Среди данных жаргонизмов имеются лексемы, заимствованные из английского языка: *дринкер*, *дринчер* (от *drinker* – «пьющий, пьяница»), *дринкач*, *дринчуга* (от *to drink* – «выпивать; страдать алкоголизмом»).

Приведем примеры обозначений наркоманов в интержаргоне: *наркоша*, *наркуша*, *нарик*, *нарк*, *нарком*, *наркота*, *наркот*, *торчок* и др. Для неофициальной номинации человека, находящегося под воздействием введенного наркотика, используется лексема *заширенный* (нарк.).

Для именованья психически больных людей существуют следующие жаргонизмы: *крезанутый* (*крейзанутый*), *крезушник* (*крезошник*, *крезовник*), *креза* (*крэйза*, *крыза*), *крейзи* (*крези*), *крезуха* (мол.), *крезогон*, *крейзер*. Все данные лексемы происходят от английской лексемы *crazy* – «сумасшедший, помешанный». Имеются и другие жаргонизмы для обозначения людей с психическими нарушениями: *неврик*, *сдвинутый*, *дурка* (мол.ирон.), *троганный*, *топор*, *февраль*, *февральский*, *ха-ха*, *эдельвейс*, *шизняк*, *шизик*, *шиз*, *штуцер* и др. Лексемы *февраль*, *топор* могут обозначать также слабоумного человека.

Под лексемой *крезошник* может подразумеваться человек, проходящий курс лечения в психиатрической больнице или наркологическом диспансере. Субъект, прошедший курс лечения в психиатрической клинике, называется *выдолбленный* (угол. шутол.).

Среди номинаций, обозначающих лиц, больных венерическими заболеваниями, имеются следующие: *грязный*, *гумза*, *гумозник*, *гумозный*, *хумозный*, *панама* (угол. неодобр.) – «венерический больной»; *лейтенант генерал*, *полковник* (угол., мол.) – «больной сифилисом»; *лейтенант*, *панама* (угол., мол. шутол.-ирон.), *триппертоник* (мед., мол.) – «больной гонореей (от *триппер*)»; *барабанная палочка*, *помойка*, *гумозница*, *сифончик* (арест.мол.) – «венерическая больная»; *гадость* (угол.) – «больная венерической болезнью проститутка»; *сифилиночка* (угол.ирон.) – «красивая, соблазнительная проститутка, больная сифилисом»; *персона нон грата* (угол.ирон.) – «человек, болеющий сифилисом в открытой форме»; *сифа* (угол.арест.мол.) – «заключенная, больная сифилисом»; *лауреат премий* – (арест. мол. ирон.) – «мужчина, зараженный одновременно несколькими венерическими заболеваниями»; *сирена* (угол. ирон.) – «женщина, болеющая несколькими венерическими заболеваниями»; *полундра* (морск.жарг.) – «венерически больная портовая

проститутка (о которой моряки предупреждают друг друга)» и др. Лексема *помойка* может обозначать также женщину, перенесшую венерическое заболевание.

Приведем примеры обозначений больных, страдающих другими заболеваниями: *поплавок* – (угол.) – «человек, страдающий недержанием мочи»; *бацилла* (угол.арест.) – «человек, хронически больной туберкулезом» и др.

В жаргонах изредка встречаются названия людей с какими-либо физическими, или физиологическими, или психическими особенностями, патологиями: *порчик* (угол. арест.) – «несовершеннолетний инвалид»; *чумовой* (угол. пренебр.) – «слабоумный»; *дынная* (угол. ирон.), *заряженная* (угол., мол.), *с икрой* (жарг. шутил.-ирон.) – «беременная»; *залетная* (мол. шутил.) – «беременная с небольшим сроком беременности»; *залетчица* – «женщина после аборта» и др.

В качестве общего наименования заболевания в уголовном жаргоне употребляется лексема *скомля* (угол.), происходящая из офенского *скомлѣха* («болезнь»). Для обозначения любого хронического заболевания используется жаргонизм *хроника* (мед., жарг.).

В БСРЖ также зафиксированы обозначения заболеваний, физиологических нарушений с более конкретным значением, например: *ридикюль* (жарг. шутил.) – «радикулит»; *Ихтиандр* (мол.шутил.), *рига*, *риголетто* (мол.шутил.) – «рвота»; *ария Риголетто* – «приступ сильной тошноты после опьянения с последующей рвотой». Под *Ихтиандром* понимаются и другие расстройства желудка, кроме рвоты.

В жаргонах функционируют также устойчивые выражения с глаголами для обозначения каких-либо временных или постоянных физиологических и психических нарушений, расстройств: *рухнуть на кактус* – «сойти с ума, начать вести себя неординарно»; *пугать* (мол. шутил.), *пугать газон*, *пугать подворотни*, *исполнить арию Риголетто* (*Рыгалетто*) (мол.шутил.), *играть в Ихтиандра* – «страдать рвотой»; *пугать унитаза звать (вызывать) Ихтиандра* – «страдать рвотой (обычно около унитаза)» и др. Безусловно, одна из целей образования подобных жаргонных выражений – табуирование некоторых нормальных и патологических физиологических процессов, явлений. Но создание языковых табу и эвфемизмов в жаргонах, особенно в молодежном жаргоне, подчиняется еще одной цели – языковой игре.

И наблюдается обратная тенденция в жаргонах – образование новых жаргонизмов с нейтральным значением из общеизвестных лексем разговорного и просторечного характера, имеющих грубое или непристойное значение, т.е. деэвфемизация.

Относительно большое количество жаргонизмов существует для обозначения венерических заболеваний: *простуда* (мол.шутил.-ирон.), *роскошь* (угол.ирон.), *хворь* (*дурная хворь*) (угол., жарг.) – общее обозначение венерических болезней; *генерал* (жарг.), *полковник*, *лейтенант* (угол., мол.), *сиф* (мол.), *сифа* (угол., мол.), *сифак* (мол.),

сифилюга (мол.), *сифон* (угол., мол.), *сифончик* (угол., мол.), *сифилюзник* (мол.), *сифилёк* (мол.), *шифр* (угол.), *люэс*, *люис* (устар., от лат. *lues* – «зараза») – «сифилис»; *птичка* (арест.шутл.-ирон.), *триппер*, *трипак*, *трепак* (мол. от н.-нем., ср.-нем. *tripper* или *trippen* – «капать»), *лауфер* (угол., от нем. *laufen* – «бежать, течь»), *лейтенант*, *шифр*, *полковник* (угол.мол.) – «гонорея» и др.

В жаргоне не остается без внимания и наименование психических заболеваний, например: *шиза*, *шизняк* – «шизофрения», *креза*, *крейза*, *крэйза*, *крыза* (мол.) – общие обозначения сумасшествия, образованные от английской лексемы *crazy* – «сумасшедший, помешанный» или *craze* – «мания; нездоровое увлечение».

В БСРЖ зафиксированы также некоторые наименования нормальных физиологических явлений, состояний в виде существительных. Среди таких жаргонизмов большое количество составляют лексемы, которые служат своего рода эвфемизмами для именования понятий, которые некультурно упоминать публично, в присутствии незнакомых и малознакомых людей, например: *река* (мол.шутл.) – «менструация»; *клим* (мед., жарг.шутл.) – «климакс»; *конч*, *кончита* (мол.) – «оргазм» и др. Естественно, в виде жаргонных эвфемизмов функционирует немалое количество обозначений и других нормальных физиологических процессов с такими табуированными значениями на публике, как «половое сношение», «мочеиспускание», «дефекация» и т.п.

В жаргонах разного рода функционирует большое количество неофициальных обозначений частей тела, органов, тканей и других анатомических образований (см. подробнее в моей статье [2]).

Среди жаргонизмов, затрагивающих медицинскую тематику, имеется много наименований медицинских учреждений разного профиля, их отделений, например: *ривер* (угол.) – «общее обозначение больницы»; *бойня* (угол. ирон.), *живодерка*, (угол., арест.) – «хирургическое отделение больницы ИТУ (в настоящее время ИК – исправительная колония)». Эта лексема имеет еще одно значение – «спецбольница, куда поступают травмированные в нетрезвом состоянии». Приведем другие примеры обозначений разного рода отделений медицинских учреждений: *абортарий* (угол., жарг. ирон.-шутл.), *химчистка* (мол. шутл.-ирон.) – «гинекологическое отделение больницы»; *холодильник* (мед., мол.), *жмурня* – «морг» (от жарг. *жмуриться* – «умирать») и др.

В интержаргоне существует относительно большое количество неофициальных лексем для обозначения кожно-венерологического диспансера чаще закрытого типа: *трип-дача*, *триппер-бар*, *триппер-дача*, *триппер-клуб*, *триппер-холл*, *трип-салон*, *веник* (мед., угол., мол.), *химчистка* (угол.)

Безусловно, жаргонных наименований психиатрических лечебных заведений еще больше в силу их специфики: *дурка*, *креза*, *крэйза*, *крыза*, *крези*, *крейзи*, *крейзер*, *крейзи-хауз*, *крезуха* (*крэзуха*), *крезушник*, *крезовник*, *крезаторий*, *психарня*, *психодром*, *шиза*, *шизовка*, *шизиловка*,

шизуха, приют забвения (мол.жарг.). В уголовном жаргоне в этом же значении функционирует номинация *аноха* (угол.ирон.).

Встречаются и некоторые жаргонные наименования медицинского транспорта: *психовоз* (жарг.), *психовозка*, *чумовоз* (жарг.шутл.), *крезовоз* – «машина психиатрической скорой помощи».

В жаргонах можно обнаружить и некоторые обозначения медицинских действий, процедур (методов диагностики, лечения, профилактики) в виде существительных и глаголов: *абордаж* (жарг.шутл.), *химчистка* (жарг.), *разминирование* (жарг.шутл.) – «аборт»; *пойти на абордаж* (жарг.шутл.) – «сделать аборт» *зашииться, зашиваться* (мол., жарг.) – «начать лечиться от алкоголизма с помощью вшиваемой под кожу ампулы»; *крезаться* (мол., жарг.) – «лечиться в психиатрической больнице или в наркологическом диспансере»; *ха-ха* (угол.) – «психиатрическая экспертиза»; *пойти на ха-ха* (угол.) – «подвергнуться психиатрической экспертизе» и др. Любопытным является функционирование жаргонизма *сдаваться* в значении «идти на приём к врачу (обычно на какую-либо неприятную процедуру: аборт, принудительное лечение)».

В составе жаргонной лексики можно обнаружить и небольшое количество обозначений медицинских инструментов, среди которых преобладают различные варианты наименования шприца, как правило, в жаргоне наркоманов и уголовном жаргоне: *алберка* (угол., нарк.), *баян* (угол., нарк.), *дурмашина* (нарк.шутл.), *пинетка* (нарк.), *пинетка* (нарк.шутл.), *машина*, *машинка* (нарк.), *заноза* (нарк.), *насос* (нарк.), *саморуб* (нарк.шутл.) и др. Большое лексическое разнообразие в обозначениях медицинских инструментов свойственно, безусловно, медицинскому профессиональному жаргону.

Среди жаргонных обозначений медикаментозных средств встречаются следующие: *харчегонное* (мед., мол.шутл.-ирон.) – «рвотное средство»; *антабус* (жарг.) – «любой медицинский препарат для лечения алкоголизма»; *гадость* (собир. угол., мол.) – «наркотические вещества»; *малинка* (угол.) – «сильнодействующее снотворное, наркотическое средство для усыпления, отравления, одурманивания жертвы» и др. Яд в уголовном жаргоне называется *вытвой*. В интержаргоне лекарство, которое не имеет лечебного эффекта, иронично именуется *фуфлوميцином* (контаминация жаргонизма *фуфло* и значимой в фармацевтической терминологии частотной основы (отрезка) *-мицин*).

Несомненно, в жаргоне наркоманов присутствуют большее количество различных неофициальных наименований лекарственных веществ, которые имеют наркотическую природу или из которых можно извлечь наркотическую составляющую.

При анализе словообразовательных особенностей жаргонных лексем, касающихся медицинской сферы, выясняется, что многие номинации, обозначающие медицинских специалистов и больных, образованы суффиксальным способом при помощи суффиксов *-ик*, *-ник(ница)*, *-ист*, *-щик* (*крезушник*, *абортница*, *залетчица*, *порчик* и др.), имеющих значение

«производитель действия». В подобных жаргонизмах нередко используется также суффикс *-арь* (*психарь, алкарь*), который нечасто встречается в литературном языке. Способом суффиксации образованы и многие другие жаргонизмы, связанные с медицинской сферой, например: *запивала, выпивонирик, синька, синяк, синюга, синюха, синюшка* (от *синий* – «пьяный»), *пузырёк, сифилиночка, сифилюга, сифон, сифончик, сифилюзник, сифилёк, жмурня* и др. Используются наиболее типичные для жаргонизмов суффиксы существительных: *-ок (-ёк), -ак(-як), -он, -ан, -уг(-юг), -уш(а)*, суффиксы прилагательных. Среди неофициальных обозначений страдающих алкоголизмом можно обнаружить лексемы, образованные при помощи суффикса *-ин*, который в литературном языке используется для создания российских фамилий, например, в жаргонизмах *запивахин, запивохин*. В жаргонах активно представлены лексемы с собирательным значением: *алкота, наркота* (с суффиксом *-от-*). В небольшом количестве жаргонизмов, связанных именно с медицинской тематикой, встречается суффикс *-оид-* латинского происхождения, например, в лексемах *шизоид, алконоид*, хотя некоторые исследователи рассматривают подобные лексемы как образованные каламбурной контаминацией слов *шизофреник/алкоголик* и *гуманоид*.

Среди подобных наименований имеются образованные способом основосложения, например: *психолом* (от *ломать психику*), *дуборез* (от *дуб* (угол.) – «покойник» и *резать*), *абортмахер* (*аборт* и *махер* (нем.) – «делец»), *крезогон* (от *креза* – «сумасшествие» и *гон*), *алкмэн* (*алкомэн*, от *алкоголь/алкоголик* и *мэн* (англ.) – «мужчина; человек») и др. В молодежном жаргоне нередко встречается такая разновидность основосложения, как контаминация, создающая комический эффект, например, при помощи контаминации образована лексема *алконавт* (*алкоголик* и *космонавт*) и др.

Встречаются жаргонные обозначения физиологических и патологических процессов, заболеваний, образованные другими словообразовательными способами: усечением (*нарк, сиф, сифа, клим, шиза, шиз, нарком, алк, хронь* и др.), усечением с суффиксацией (*алкаш, алкан, хроник, хроника, наркуша* и др.).

Некоторые жаргонизмы образованы семантическим способом, т.е. способом переосмысления, нередко каламбурного, общеупотребительных лексем и жаргонизмов, например: *всадница, лекарь, алкоголик, кровельщик, грязный, бацильный, февраль, эдельвейс, выдолбленный, топор, насос, пролетарий, уксус* и др.

В жаргонах относительно редко можно обнаружить лексемы, созданные способом переосмысления медицинских реалий, но уже не обозначающие их, например: *геморрой, (гемор)* – «1. угол. неудача, провал; безрезультатность; 2. мол. неодобр. или шутл.-ирон. беспокойство, хлопоты; проблемы, неприятности; сложная кропотливая работа»; *аскорбинка* – «жарг. шутл.-ирон. оскорбление» (на основе каламбурного

переосмысления разговорного названия витамина и лексемы *оскорбление*); *аспирин* (мол., муз. шутл.) – «певец, теряющий популярность» и др.

Сравнительно немалый пласт жаргонной лексики, связанный с медицинской тематикой, также демонстрирует, что сфера медицины является жизненно важной областью, с которой так или иначе постоянной соприкасается любой член социума. Весь опыт людей, сталкивающихся с медицинской областью, положительный, полезный или отрицательный, находит свое отражение и в жаргонах разного рода. Например, в жаргонах можно найти неофициальные номинации, которые указывают на постыдные болезни и т.п. представителей криминального мира, социального дна и др. Анализ жаргонизмов показывает, что неофициальной лексике, касающейся медицинской области, в большей степени присуща тенденция к эвфемизации, деэвфемизация наблюдается гораздо реже, что вполне можно объяснить тем, что жаргонизирующие также, как и типичные носители разговорной речи, стремятся завуалировать обозначения тех физиологических процессов и явлений, о которых неприлично говорить в официальной ситуации общения среди малознакомых или незнакомых собеседников.

Литература

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2001. 720 с.

2. Исмагилова Н.В. Отражение тематической подгруппы «Человеческое тело» в русском жаргоне (на языковом материале 1990-х – 2000-х гг.) // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы XI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Уфа: РИЦ УУНиТ, 2022. С. 101-107.

© Исмагилова Н.В., 2025

УДК 81'39

Кулыева А.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦ С КОНЦЕПТОМ «LOYALTY»

Аннотация. В статье рассматриваются английские пословицы с концептом «loyalty». Изучается семантика пословиц в английском языке, а также определяются категории значений. Исследуемая тема представляет значительный интерес для лингвистов, фольклористов и культурологов. Проблема общего и особенного в крылатых выражениях английского языка имеет практическую ценность для дальнейшего результативного изучения.

Ключевые слова: пословицы, верность, концепт «loyalty», лингвокультурология, крылатые выражения, культура.

Kulyeva A.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

LINGUOCULTURAL FEATURES OF TRANSLATION OF ENGLISH PROVERBS WITH THE CONCEPT "LOYALTY"

Abstract. The article examines English proverbs with the concept of "loyalty." It studies the semantics of proverbs in English and identifies the categories of meanings. This topic is of significant interest to linguists, folklorists, and cultural scholars. The problem of the general and the specific in English proverbs has practical value for further effective research.

Key words: proverbs, loyalty, the concept of "loyalty", linguoculturology, catchphrases, culture.

Пословицы – это каноны жизни, испытанные веками, представляющие собой культурный код нации, который находит свое отражение в разных сферах жизни: быту, трудовой и общественной жизни. Это краткие, лирические и ритмически организованные изречения, в которых заключена житейская мудрость, вековой опыт, народные мечты, фантазии и стремления. Пословицы всегда четко и точно помогают выразить чувства, мысли о том или ином явлении человеческой жизни. Изучая культуру, язык народа, невозможно не затронуть этот особенный мир языка – мир пословиц. Этот уникальный мир языка помогает изучающему в развитии речи, логики, мышления, а также в формировании ценностей.

В словаре русского языка В.И. Даля слово «пословица» означает «коротенькая притча», то есть краткое изречение, в котором выражены жизненные наблюдения и правила житейской мудрости [1]. Вопрос происхождения пословиц неразрывно связан с духовной и материальной стороной жизнедеятельности народа. В них отражена история, профессиональная деятельность, свободное время, взаимоотношения между людьми, наблюдения за природными явлениями, религиозные представления. В советской энциклопедии под редакцией А.М. Прохорова, пословица – это жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом и ритмически организованной форме [2, 1056].

Сравнивая пословицы разных народов, можно увидеть совпадения во взглядах людей, в их отношении к окружающей действительности. Например, в фольклорной традиции английского языка пословицы занимают одно из важнейших мест среди богатого народного творчества. Англичане часто в своей речи используют афоризмы, фразеологические

обороты, пословицы и поговорки. Национальный характер, менталитет, народная мудрость очень хорошо отражены в английских пословицах.

Проведем небольшой лингвокультурологический анализ английских пословиц с концептом «loyalty» и рассмотрим ряд категорий, на которые можно распределить данные крылатые выражения. Английское слово «loyalty» означает преданность, верность. Рассматриваемое значение слова ярко выражает себя в различных категориях.

I. Ее ценность:

1. *Loyalty is worth more than money.* - Верность стоит дороже денег.
2. *Faithfulness is a sister of love.* - Верность - сестра любви.
3. *The subject's love is the king's lifeguard.* - Любовь подданного - спаситель короля.

II. Верность среди компаньонов:

1. *There is honour among thieves.* - Среди воров есть честь.
2. *One thief will not rob another.* - Вор не будет грабить другого.
3. *Dog does not eat dog.* - Собака не ест собаку.
4. *Hawks will not pick out hawks' eyes.* - Ястребы не будут выклевывать ястребиные глаза.
5. *One mule scrubs another.* - Один мул чистит другого.
6. *One barber shaves another gratis.* - Парикмахер бреет другого бесплатно.
7. *Tarry brees pays no freight.* [“Tarry brees” refers to seamen; “freight” means “freight”] – Моряки не оплачивают фрахт.

III. Разделение между верностью и предательством:

1. *No man can serve two masters.* - Никто не может служить двум господам. [3, Мф. 6:24, с.115]
2. *You cannot run with the hare and hunt with the hounds.* - Вы не можете бегать с зайцем и охотиться с гончими.
3. *If you can't ride two horses at once, you shouldn't be in the circus.* - Если вы не умеете ездить верхом на двух лошадях одновременно, вам не стоит выступать в цирке.

IV. Предательство:

1. *Rats desert a sinking ship.* - 1. Крысы покидают тонущий корабль.
2. *No tie can oblige the perfidious.* - Никакие узы не могут обязать вероломного [4, с.149]

Были переведены 15 английских пословиц с концептом «loyalty». Согласно семантическому анализу данных пословиц, можно сделать вывод, что концепт «верность» у англичан выражается в оказании постоянной поддержки кому-либо из-за чувств долга, ответственности и любви. Что касается лингвокультурологического анализа данного концепта в пословицах, следует заметить, что верность подданного королю имеет первостепенное значение, верность – дороже денег. Особым образом

делается акцент на профессиональную сферу человека, что в любой среде – от моряка до парикмахера, даже в мире зверей и птиц – от собаки до ястреба преданность ценится очень высоко среди своих собратьев. И важно отметить, что преданность своему одному делу, службе - необходимость, иначе и быть не может. А также о предательстве одинаково в русском крылатом выражении «*Крысы бегут с корабля*», так и в английской пословице «*Rats desert a sinking ship*» (*Крысы покидают тонущий корабль*) можно заметить негативное отношение к ненадежным людям, кто избегает трудностей, покидает или предает кого-либо в самый ответственный момент.

Ключевые категории английских пословиц с концептом «loyalty» подчеркивают огромную ценность изучаемого морально-этического понятия в языке и в отношениях между людьми. Верность – это сила, проявляемая в трудности и сохраняющая отношения между людьми.

Литература

1. Толковый словарь живого великорусского языка: более 50 000 толкований: [однотомная версия] / В.И. Даль. Санкт-Петербург: Ленинградское издательство, 2009. 893, [1] с.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4 -изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. 1632 с.
3. Первый христианский учебник, Евангелие от Матфея. [Электронный ресурс] https://www.ibiblio.org/freebiblecommentary/pdf/VOL01_russian.pdf. Дата обращения: 20.10.2025.
4. The penguin dictionary of proverbs. Claremont Books London, 1995. 358 p.

© Кулыева А.А., 2025

УДК 81'23

Липаева Л.С.

Уфимский университет науки и технологий (СФ), Стерлитамак, Россия

ПРИГРАНИЧНЫЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ ГОРОД: ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Аннотация. Данная статья посвящена анализу официальных объектов лингвистического ландшафта полиэтнического города, на которых использование языков регламентировано на законодательном уровне. История города и его географическое расположение на границе с республикой Татарстан дают понимание о происходящих процессах в обществе. В эпоху глобализации особенно остро стоит вопрос о взаимодействии языков, лингвоэкологии.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, приграничный город, полиэтнический город, знак, билингвальность, многоязычие.

Lipaeva L.S.

Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak, Russia

A MULTI-ETHNIC BORDER CITY: PECULIARITIES OF LINGUISTIC LANDSCAPE

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the linguistic landscape of a multi-ethnic city, where the use of languages is regulated by law. The history of the city and its geographical location on the border with the Republic of Tatarstan give an understanding of the processes in the society. In the era of globalization, the question of interaction of languages and ecolinguistics.

Key words: linguistic landscape, border city, multilingual city, sign, bilingualism, multilingualism.

Введение. В рамках изучения лингвистического ландшафта (ЛЛ) предметом исследования является «видимое присутствие и значимость языков в общественных и коммерческих надписях определенной территории или региона» [1, p. 23-49]. В нашем исследовании под ЛЛ мы понимаем способы изучения сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города или целого региона [2].

В последнее время внимание ученых привлекает исследование ЛЛ полиэтнических городов, регионов, которые находятся на границе с другими регионами, областями и странами. В частности исследования ЛЛ проводились в российском регионе в Оренбургской области, которая граничит с республикой Казахстан. Представленные данные и их анализ проливают свет на взаимодействие титульной нации, миноритарных и не «афтохтонных» народов [3].

Содержание. Приграничный город Октябрьский – пятый по величине город республики Башкортостан. Он расположен на западе республики, в 180 километрах от столицы г. Уфа, на границе с республикой Татарстан. Согласно итогам переписи населения в 2021 г. общая численность населения города составила 115 тысяч человек [4]. Географическое положение определило его многонациональный состав: здесь проживает более 50 национальностей. Исходя из анализа данных переписи в 2021г., самыми многочисленными этносами в полиэтническом городе Октябрьский являются следующие:

Таблица 1

Национальный состав населения г. Октябрьский,
Республика Башкортостан

Национальность	Численность	%
Русские	47 313	42
Татары	43 044	38,2
Башкиры	16 054	14,3
Чуваши	1 351	1,2
Все население	115 557	100
Указавшие национальную принадлежность	112 618	97,4

Согласно представленной Таблице 1. вторым по численности являются татары, а в процентном соотношении не сильно отстают от самого многочисленного этноса, русских, всего на 4 %. Данный факт можно объяснить географическим расположением, а именно его приграничным положением с республикой Татарстан.

Методология исследования и анализ данных. На всей территории республики Башкортостан официальными документами, регламентирующие использование языков является Конституция РБ и «Закон о языках народов Республики Башкортостан». В ст. 1 Конституции РБ государственными языками указываются башкирский и русский языки. Так, согласно «Закону о языках» государственными языками на всей ее территории являются башкирский и русский языки [3]. В данной статье мы предприняли попытку исследовать лингвистический ландшафт (ЛЛ) приграничного полиэтнического города Октябрьский РБ. Цель - определить статус и роль государственных языков посредством анализа официальных объектов ЛЛ в городе, который граничит с республикой Татарстан; выявить влияние местоположения города на использование языков на официальных объектах ЛЛ.

В качестве материала исследования мы выбрали центральную улицу г. Октябрьский Проспект Ленина. Улица Проспект Ленина является центральной магистралью, где расположено большинство административных зданий, государственных учреждений.

Сбор материала производился в 2024 г. методом фотофиксации. Метод качественного анализа была проведена систематизация объектов. Анализируя лингвистический ландшафт города, мы исследовали представленность языков в общественном пространстве города на официальных объектах. Использование государственных языков регламентируется законом, поэтому обязательным условием является наличие башкирского языка и русского на государственных объектах.

Все собранные объекты ЛЛ на улице Проспект Ленина мы разделили на группы:

- объекты государственных учреждений: Центр национальных культур, Эко-парк Солнечный, детские сады (4), средние общеобразовательные учреждения (3), международная школа программирования и цифрового творчества KIBERone, Троице-Сергиева церковь, Центр восстановительного лечения и реабилитации, Сероводородная лечебница, краеведческий музей им. А.П. Шокурова, Администрация округа, парк им. Гагарина, парк Победы, парк Дружбы, санаторий «Тонус», санаторий «Бодрость».

- названия остановок;

- названия улиц.

В ходе анализа данных объектов мы сделали следующий вывод:

- названия остановок и улиц в приграничном городе Октябрьский дублируются на двух языках: на башкирском и на русском языках. Относительно улиц, расположенных на периферии, то следует отметить отсутствие дублирования на башкирском языке. В отличие от столицы республики мы не зафиксировали дублирование центральной улицы на английском языке;

- таблички на муниципальных учреждениях билингвальные, т.е. даются на двух государственных языках – башкирском и русском.

Рис. 1. Историко-краеведческий музей им. А.П. Шокурова, г. Октябрьский, РБ

- в рамках цифровизации и внедрения мобильных технологий, наряду с вербальным компонентом на объектах появляется невербальный, а именно цифровое кодирование QR-code (от англ. «Quick Response code» - «код быстрого отклика»).

Рис. 2. Цент национальных культур, г. Октябрьский, РБ

На рис. 2 представлен QR-code организации с помощью, которого можно попасть на сайт организации и узнать более подробную информацию. Для использования данной технологии необходима только камера. Кроме того, имеется и другая табличка этой организации, на которой информация представлено на языке Брайля, т.е. используется рельефно-точечный шрифт для слепых и слабовидящих людей.

Заключение. Согласно переписи 2021 г. в Республике Башкортостан зафиксировано чуть более 4 млн. человек. Самыми многочисленными этносами, проживающие в городе Октябрьский являются русские, татары, башкиры. Следует отметить также, что практически все население города владеют русским языком (110 тысяч жителей). Каждый этнос в процессе коммуникации использует свой язык как национальный, в основном в пределах ареала проживания. Для взаимодействия с другими народностями, возникает необходимость использовать языки межнационального общения. Такими языками в РБ являются русский, башкирский и татарский. Все официальные объекты в городе Октябрьский дублируются на двух языках; с ростом использования цифровых технологий появляются объекты с дополненной реальностью. Наличие на некоторых объектах языка Брайля объясняется, на наш взгляд относительно большим количеством оздоровительных учреждений, нацеленные на разные категории граждан. Отсутствие дублирования улиц и остановок на английский язык, на наш взгляд, объясняется удаленностью от центра, столицы республики. Расположение полиэтнического города на границе с другим регионом не повлиял на ЛЛ официальных знаков, но существенно изменил этнический состав города. По сравнению с другими городами республики Башкортостан количество татар существенно превосходит (в 4 раза) башкир.

Литература

1. Landry R, Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality // Journal of language and social psychology. 1997, pp. 23-40.
2. Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме // Вопросы психолингвистики. М., 2016. № 3 (29). С. 229-240.
3. Kuznetsov E. Linguistic landscape of Orenburg Oblast. Basic research program: working papers. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, 2023.
3. Закон о языках Республики Башкортостан. [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425> (дата обращения 15.10.2025 г.).
4. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан: статистический бюллетень. Часть 1. Уфа: Башкортостанстат, 2023. 130с.
© Липаева Л.С., 2025

УДК 811.111

Матвеева А.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

КОМПОНЕНТ «OFF» В ЭРГОНИМАХ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ: ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье исследуется иноязычный компонент российских эргонимов на материале суффиксоида «off». Выявлено, что суффиксоид «off» в составе эргонимов реализует разнообразные семантические варианты. Значение элемента «off» оказывается тесно связанным со способом его формального представления на вывеске или логотипе компании на интернет-сайте.

Ключевые слова: ономастикон, урбаноним, эргоним, заимствованная единица эргонимии, иноязычный компонент эргонима.

Matveyeva A.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

THE COMPONENT “OFF” IN RUSSIAN URBAN ERGONYMS: THE FORMAL AND SEMANTIC ASPECT

Abstract. The article investigates foreign components of Russian ergonyms by the example of the suffixoid “off”. It has been revealed that the ergonymic suffixoid “off” actualizes various semantic variants. The meaning of the element

“off” turns out to be closely connected with the way of its formal presentation on a signboard or a company logotype on a website.

Key words: onomasticon, urbanonym, ergonym, borrowed unit of ergonymicon, foreign component of an ergonym.

Иноязычное влияние на русскую ономастику становилось предметом многочисленных лингвистических исследований. Особенно ярко иноязычное воздействие проявило себя в сфере эргонимии, которая, как отмечает О.В. Врублевская, переживает в России в последние три десятилетия состояние «номинационного взрыва» [1, с. 221]. Значимая роль участия других языков, и, в первую очередь, английского языка, в создании эргонимикона современных российских городов и, соответственно, необходимость углублённого и детализированного научного исследования разных аспектов иноязыкового вовлечения в формирование урбанонимического российского ландшафта обуславливает **актуальность** данного исследования. **Научная новизна** проводимого изыскания определяется тем, что в нём выявляются параметры связи формального представления иноязычного компонента эргонима на вывеске или в рекламном интернет-пространстве России и семантических характеристик данного иноязычного вкрапления как лексической единицы языка-источника заимствования. **Целью** данной статьи является определение семантических особенностей иноязычного элемента эргонима (на примере компонента «off») в их взаимоотношении со способами представления данного эргонимического элемента во внешнем и виртуальном российском городском пространстве.

Теоретическую базу исследования составляют работы О.В. Врублевской [1], Н.А. Гусейновой [2], В.В. Заонегиной [3], Л.А. Киселёвой и Д.Р. Хисамутдиновой [4], А.А. Стрельцова [5]. О.В. Врублевская отмечает тенденцию использования иностранных слов в современной российской эргонимической номинации [1, с. 229]. В качестве иноязычных номинативных ресурсов российского эргонимикона выступают слова, морфемы, графемы [1, с. 232, 240]. Аналогичным образом Н.А. Гусейнова выделяет лексические, словообразовательные и графические средства образования эргонимов, пришедшие из иностранных языков, а также распределяет заимствованные единицы эргонимии по степени их освоенности русским языком [2, с. 2]. Л.А. Киселёва и Д.Р. Хисамутдинова классифицируют иноязычные эргонимы на основании такого критерия, как язык, на котором они записаны – кириллица или язык оригинала [4, с. 129]. В.В. Заонегина выявляет нетранслитерированные, транслитерированные и смешанные эргонимы-заимствования [3, с. 47]. А.А. Стрельцов исследует словообразовательный аспект эргонимов-англицизмов в русском языке [5, с. 26].

Объектом проводимого исследования являются эргонимические единицы российских городов, содержащие суффиксоид «off». **Предметом**

исследования являются формально-семантические параметры суффиксоида «off» в составе российских эргонимов. Проведённое научное изыскание выявило разные значения эргонимической морфемы полуаффиксального типа «off»: 1) размытое значение отнесённости, предположительно восходящее к транслитерированному сочетанию «off» как регулярному переводческому соответствию «ов» в русских фамилиях (*Alexandroff*, *Romanoff*), но впоследствии в большей степени ориентирующееся на полуаффикс «off» прагматонимов, который создаёт коннотации моды, стиля, роскоши (*Smirnoff*, *Bœuf Stroganoff*); 2) значение движения прочь, от человека или предмета, возникшее вследствие семантического калькирования соответствующего значения английской лексемы «off», функционирующей как наречие, прилагательное или предлог (away from a place or position [6]); 3) значение удаления, устранения чего-либо, являющееся результатом семантического калькирования соответствующего значения английской лексической единицы «off», используемой как наречие (used to say that something has been removed or become separated [7]).

Суффиксоид «off» в составе российских эргонимов с диффузным значением отнесённости, коннотирующий принадлежность к миру роскоши и стиля, зафиксирован в таких эргонимах, как *Вкуснофф* (столовая в Уфе) / *Vkusnoff* (интернет-магазин), *Стрижкофф* (салон красоты в Казани), *Мясофф* (магазин мясной продукции в Тобольске), *Очкофф* (салон оптики в Екатеринбурге), *Стеклофф* (магазин автозапчастей и автотоваров в Уфе), *Шиноф* (автоклуб в Челябинске), *Грузоперевозофф* (компания грузоперевозок в Москве), *Сумкофф* (магазин сумок и чемоданов в Самаре), *Чайкофф* (магазин чая в Набережных Челнах), *Цветкофф* (магазин цветов в Уфе), *Упакофф* (магазин тары и упаковочных материалов в Уфе). Как показало исследование, способ алфавитного представления (полностью кириллический, полностью латинский, смешанный) не меняет смысл эргонима с компонентом «off» в его диффузном значении.

Полуаффикс «off» внутри российских эргонимов со значением движения прочь можно обнаружить в таких эргонимах, как *ДымоFF* (магазин табака и курительных принадлежностей в Уфе), *ParOff* (магазин электронных сигарет в Екатеринбурге), *Kalyanoff* (магазин табака и курительных принадлежностей в Уфе). Как выявило проведённое исследование, способ формального представления полуаффикса «off» в значении движения прочь при репрезентации эргонима на городской вывеске или на логотипе заведения в интернет-пространстве влияет на семантику эргонима. В качестве формальных характеристик, влияющих на значение эргонима, выступают графические и изобразительные средства.

Так, эргоним *ДымоFF* представлен на вывеске с заглавными буквами «FF» (рис. 1). В сочетании с графогибридизацией данный приём не только служит аттракции потенциального клиента магазина, но и акцентирует внимание на суффиксоиде «off», усиливая значение движения прочь, под

которым в данной ситуации следует понимать движение дыма курящего человека от него. Капитализация букв «FF» создаёт также ономотопеический эффект, что в итоге способствует визуализации и аудиализации в воображении реципиента эргонимической информации картины неспешно выдыхающего дым раскуриваемой сигареты человека, работая на совокупный рекламный результат комбинации формы и содержания эргонима на вывеске.

Рис. 1. Эргоним *ДымоFF*

Эргоним *ParOff* имеет заглавную букву «О», что привлекает внимание к семантике компонента «off», актуализируя значение движения прочь в аспекте уплывающего облачка дыма (рис. 2). Такие изобразительно-графические средства, как облако дыма / пара, изображённое на логотипе компании, форма букв, порождающая ассоциации с дымом или паром, горизонтально-вертикальная организация текста и изображения, имитирующая горизонтально удерживаемую сигарету и вертикально исходящий от неё дым в специфической форме, дающей отсылку к электронной сигарете наряду с традиционной, также работают на общий рекламный эффект эргонима, при этом усиливая значение суффиксоида «off» – движение от чего-то.

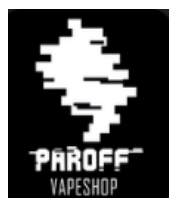

Рис. 2. Эргоним *ParOff*

Эргоним *Kalyanoff*, как и два предыдущих примера, реализует семантику движения от чего-либо через посредство полуаффикса «off» (рис. 3). Форма презентации компонента «off» на вывеске, где буква «о» представлена изображением кнопки «отключено», способствует увеличению экспрессивной силы данного компонента.

Рис. 3. Эргоним *Kalyanoff*

Компонент «off» в составе российских эргонимов со значением удаления, устранения наблюдается в таких эргонимах, как *ВМЯТИНHOFFUFA* (автостудия в Уфе), *ПроколOFF* (шиномонтаж в Краснодаре). Исследование показывает, что способ представления

полуаффикса «off» в значении удаления, устранения при репрезентации эргонима на вывеске оказывает влияние на смысл эргонима.

В эргониме *ВМЯТИН^{OFF}УФА*, представленном на вывеске, компонент «off» выделен красным цветом (рис. 4). Цветовое выделение не просто привлекает внимание к данному полуаффиксу и, соответственно, его семантике, но и посредством красного цвета букв усиливает его значение удаления, устранения. Цветосемантическая игра воздействует на потенциального клиента автостудии, утверждая его в убеждении, что в данном автоцентре все вмятины на его автомобиле будут бесследно удалены.

Рис. 4. Эргоним *ВМЯТИН^{OFF}УФА*

Исследование показало, что суффиксоид «off» как составной элемент эргонимов российских городов реализует разные значения, а способ формального представления данного эргонимического элемента оказывает влияние на его значение, увеличивая его экспрессивную силу или дополняя его нюансами. Выявление взаимосвязи и взаимовлияния формальных и семантических черт элемента «off» как префиксоида внутри эргонима-слова или отдельной лексической единицы в составе эргонима-словосочетания, а также изучение особенностей других иноязычных компонентов в составе российских эргонимов представляет собой **перспективу** дальнейших исследований по эргонимической тематике.

Литература

1. Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2017. 430 с.
2. Гусейнова Н.А. Современная российская эргонимия в аспекте иноязычных заимствований: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Моск. гос. пед. ун-т, 2014. 22 с.
3. Заонегина В.В. Реализация принципов номинации эргонимов в ономастике города Торжка // Ономастика Поволжья: сборник научных статей / науч. ред. Н.С. Ганцовская; отв. ред. В.И. Супрун. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 40-47.
4. Киселёва Л.А., Хисамутдинова Д.Р. Эргонимическое пространство полиэтничного города: структурно-семантический аспект (на примере Уфы) // Актуальные проблемы современной лингвистики через призму полипарадигмальности: коллективная монография / Ред. А.С. Самигуллина, А.Л. Фёдорова. М.: Изд-во Триумф, 2025. С. 115-135.

5. Стрельцов А.А. Ксенодериваты: словообразовательный аспект заимствований // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 1 (28). С. 25-31.

6. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/off> (дата обращения: 17.10.2025).

7. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/off_1?q=off (дата обращения: 17.10.2025).

© Матвеева А.А., 2025

УДК 81'42

Мигранова И.Х.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ПРЕФИКСАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В данной статье префиксация в медиадискурсе рассматривается как инструмент смысловой фиксации: через префиксоид текст сигнализирует «знак» события (отрицание, поддержка, интенсивность, временная рамка). Префиксоид экономит выражение, позволяя обойтись без развернутых комментариев, и выступает как один из главных «переключателей» модальности в медиатексте, задавая оценочный ракурс.

Ключевые слова: медиалингвистика, средства массовой информации, медиадискурс, словообразование, префиксоиды, языковые средства, оценочность.

Migranova I.H.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

PREFIXATION IN MODERN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Abstract. This article examines prefixation in media discourse as a tool for semantic fixation: with the use of prefixoids, the text signals the "sign" of an event (negation, support, intensity, time frame). The prefixoid economizes expression, allowing to avoid extensive commentaries, and acts as one of the main modality "switches" in a media text, setting an evaluative perspective.

Key words: media linguistics, mass media, media discourse, word formation, prefixoids, language means, prefixation, evaluativity.

Префиксация в современном русском медиадискурсе – не только механизм номинации, но и инструмент смысловой фиксации: через приставку/префиксоид текст сигнализирует «знак» события (отрицание,

поддержка, интенсивность, временная рамка), экономит выражение и сразу задает оценочный ракурс. В публичной речи особенно заметна группа отрицательно-контрарных формантов – анти-, де-, контр-, а также ложностные и квази-категоризаторы псевдо-, квази-, лже-. Они обеспечивают быстрый перенос смыслов «несогласие/нейтрализация/опровержение», маркируя предмет как «неподлинный», «мнимый» или «обратимый», и тем самым встраивают интерпретационную рамку еще до развернутого комментария [1, 2]. Так, медийные ходы типа демилитаризация, дедолларизация, деэлектрификация задействуют продуктивный в последние годы формат де- + абстрактное имя на -ация, где префикс активирует сценарий «снятия/обратимости» и часто выступает как средство идеологического фрейминга, а не только буквальная деривация «X → без X» [3].

В иронических и полемических регистрах этот же шаблон легко переходит к «игровым» базам (дешайтанализация, десатанизация), удерживая противоположную оценочную полярность за счет самой модели: отрицательный префикс накладывает знак и на производящую основу, и на весь дериват. Когда же включаются контрарные форманты (контрсанкции, контрнаступление), медиатекст перенастраивает фокус «нейтрализации» на «ответное действие», выстраивая кадр «удар/контрудар» и передавая стратегию «реакции» как базовую [4]. На уровне функционально-стилистической интерпретации все это работает как экономный оператор оценочности: префикс (или префиксоид) снимает необходимость развернутых эпитетов и метакомментариев, потому что «знак» уже закодирован морфемой [1].

Показательно, что «де-» сегодня функционирует одновременно как собственно приставка и как квазиметафора политико-экономического процесса: медиатексты закрепляют за ней значение «обратимости/снятия», при этом корпусные наблюдения над неологизмами COVID-эпохи и пост-COVID-периода фиксируют частотные короткие серии на -ация (демаскировка/демонтаж/дебюрократизация, декарбонизация, деколонизация) с ясной оценочной валентностью [4]. В когорте соседних формантов «анти-» более грубо дихотомизирует мир («за/против»), тогда как «квази-/псевдо-/лже-» тонко перераспределяют доверие: они не отрицают явление целиком, а девальвируют его статус, маркируя «неподлинность» (псевдоэксперт, квазиреформа, лжевыборы).

Исследования субъективно-оценочных аффиксов показывают, что именно эти префиксоиды регулярно используются как «быстрые выключатели доверия» в медийной полемике, а их семантика «ложности/мнимости» стабильно соотносится с оппозицией «реальное – нереальное / истинное – подмененное» [5]. Внутри этого ряда «недо-» занимает особое место: будучи исторически модальным показателем недостаточности, в медиа оно легко превращается в маркер презрительно-снижающей оценки (недо-переговоры, недо-реформы), что еще раз

демонстрирует, как префикс кодирует не только «факт количественного недостатка», но и позицию говорящего [2].

При этом собственное значение префикса переносится и на значение новообразования, и на его коннотацию. Так, дериваты с префиксами псевдо-, анти-, квази- имеют негативную коннотацию, в то время как лексические единицы с префиксами сверх- и про- – положительную.

Клиповая, фрагментированная организация онлайн-чтения усиливает запрос на «короткие ходы» префиксации: морфема в заголовке или на обложке карточки срабатывает быстрее, чем предложение, и потому задает рамку восприятия уже в момент скролла. Это хорошо видно и на временных формантах: «до-/пост-» создают моментальную хронологизацию событий (докоронавирусный туризм, постковидные гранты), позволяя медиатексту, буквально одной приставкой, проектировать нарратив «до – после», а читателю – соотносить описываемый факт с коллективным опытом переломной точки [4]. Нейтральность этих дериватов лишь кажущаяся: временная разметка несет интерпретационный след, потому что «до/после» имплицитно противопоставляют нормы и ожидания, а значит, тонко смещают оценку «что считается обыденным» (там же). В соседнем поле интенсивности «сверх-/супер-» срабатывают как усилители признака (сверхдержава, суперфинал), при этом в медиаречи они часто совмещают экспрессию со стандартизованными коллокациями, где «сверх-» уже не столько метафора, сколько жанровая маркировка статуса [2].

Особого комментария требует «про-», которое в газетном/сетевом употреблении полисеманлично. Как словарная приставка глагола про- описана в аспекто-семантической традиции как пердуратив/делимитатив и др. (на уровне глагольной префиксации – иная система значений), но в составе прилагательных и сложных прилагательных типа пронатовский, пророссийский – это уже не глагольная приставка, а префиксоид со значением «в поддержку/на стороне», который кодирует политическую позиционность и задает бинарную рамку «pro/anti» [6]. Такого рода омонимия форманта внутри системы языка критична для медиаанализа: формально одинаковая графема «про-» выполняет разные семантические работы, и только учет части речи/модели образования позволяет корректно интерпретировать оценку [6].

В совокупности данные наблюдения подтверждают тезис: префиксация – один из главных «переключателей» модальности и доверия в медиатексте. Негативные и контрарные форманты делают «жесткую» дихотомизацию и заранее распределяют роли, квази-/псевдо-/лже- подрывают статус и «обнуляют» компетентность, временные – строят причинно-временной коридор восприятия, интенсивные – ускоряют считывание важности. Именно поэтому обсуждение префиксации в медиа не сводится к каталогизации морфем: оно неизбежно касается прагматики и этики номинаций. В заголовке достаточно одного псевдо- или анти-, чтобы изменить маршрут чтения; в новостной карточке одна «де-»

способна повернуть событие в рамке «снятия/обратимости»; в политическом слое «про-/анти-» поляризуют картину мира без всяких деклараций – сила «коротких ходов» в том, что они растворяют оценку в форме.

Литература

1. Рацибурская Л.В. Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication (2018–2024) // Russian Language Studies / Вестник РУДН. 2024. С. 18-31.

2. Palósi I. Метафоры и субъективно-оценочные аффиксы как средства выражения речевой агрессии: агентивы в российском медийном дискурсе // Russian Language Studies / Вестник РУДН. 2024. Vol. 22, № 3. P. 406-416.

3. Соловьева Н.С. Префикс de/де- в английских и русских неодериватах (дискурсивный анализ) // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19, № 2. С. 258-267.

4. Лановая Т.В. Активные словообразовательные модели русского языка на материале «короналексики» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. – 2021. № 3. С. 51-63.

5. Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Ассоциативный потенциал префиксоидов квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2025. № 2 (110). С. 32-40.

6. Naumov I. Constraining the distribution of the perdurative prefix pro- in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics 26. Berlin: Language Science Press, 2020.

© Мигранова И.Х., 2025

УДК 81'23

Моисеева А.В.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ «ВСТРЕЧНОГО ТЕКСТА» А.И. НОВИКОВА В УСЛОВИЯХ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье представлен анализ двух типов реакций, как продолжение исследования А.И. Новикова на новом текстовом материале – интернет-комментария мессенджера Телеграмм. Предпринята попытка описания характерных особенностей данных типов, а также их реализация в живом интернет-общении.

Ключевые слова: встречный текст, интернет-среда, интерактивность.

Moiseyeva A.V.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

EVOLUTION OF A.I. NOVIKOV'S "COUNTER TEXT" METHODOLOGY IN ONLINE COMMUNICATION

Abstract. This article presents an analysis of two reaction types, expanding on A.I. Novikov's research using new text material – an online commentary on the Telegram messenger. An attempt is made to describe the characteristic features of these types, as well as their implementation in live online communication.

Key words: counter text, Internet environment, interactivity.

Следует подчеркнуть, что виртуальное пространство обладает значительным потенциалом для формирования лексических единиц, обусловленным такими структурными характеристиками, как условность интернет-среды, мультимедийная природа, высокая скорость взаимодействия, а также богатство выразительных средств языка. Следует отметить, что коммуникация в интернет-пространстве представляет собой динамический процесс, включающий как восприятие информации, так и генерацию бесконечного числа взаимных текстов. Тексты, создаваемые в рамках информационных микроблогов, вызывают ответные комментарии, часть из которых становится новым объектом восприятия и служит стимулом для порождения последующих откликов. Этот цикл может бесконечно повторяться, порождая непрерывную цепочку взаимных текстовых взаимодействий [1, с. 57].

Напомним, что, анализируя особенности восприятия медийного текста, мы рассматривали комментарии пользователей социальных мессенджеров в качестве встречных текстов. Проведенный нами ассоциативный эксперимент можно назвать неконтролируемым, т.к. коммуникация участников протекала в естественных условиях. Отличительными особенностями данного типа коммуникации являются – добровольность, анонимность, асинхронность, интерактивность.

А.И. Новиков дал рабочее определение, выявив и описав шестнадцать типов реакций на материале художественного текста [2, с. 67-69]. Согласно автору методики «встречный текст» реципиента представляет собой построение набора реакций в форме письменных высказываний, фиксируемых самим адресатом, на предложения-стимулы исходного текста.

Помимо выделенных нами в предыдущих исследованиях [3] реакций оценочное мнение, ироничная оценка, имплицитные оценки позитивного и негативного характеров, а также отсылка к личному опыту, в ходе анализа текстов комментариев мессенджера Телеграм, нами были определены следующие новые типы реакций: семантический ремикс и этнофилистическая пародия. Поясним суть данных реакций. Семантический ремикс, как следует из названия, представляет собой

трансформацию исходного языкового выражения путем модификации его смысловых компонентов, структуры и контекста использования при сохранении узнаваемости первоисточника по внешней форме. Отличительными особенностями являются: 1) семантическая переработка – изменение значения исходного выражения через замену, добавление или удаление смысловых элементов; 2) узнаваемость прототипа – сохранение ключевых маркеров исходного выражения; 3) креативная модификация – создание нового смыслового продукта на базе существующего.

В качестве языкового материала были использованы комментарии пользователей телеграмм-канала «Шахназаров».

Приведем примеры:

1. Пост «Николь Пашиян снялся в рекламе костюмов модного дома Pal Zileri» [<https://t.me/iikhu/31233>] - 1) *«Долбоёб! - я тебя называла! Долбоёб- только этого мало!»* [<https://t.me/iikhu/31233?comment=4170427>];

2. Пост «Митинг в поддержку демократической партии США», снятый М. Покровским (иноагентом) солистом группы «Ногу свело» [<https://t.me/iikhu/31285>] - *Рамамбу жру, рамамбой сру* [<https://t.me/iikhu/31285?comment=4180970>]; *Ногу свело и Живот вспучило* [<https://t.me/iikhu/31285?comment=4182245>].

Ремикс согласно определению - версия музыкального произведения, записанная позже оригинальной версии, как правило, в более современном варианте аранжировки [<https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/ремикс>].

Интересно отметить, что примерами данного типа реакций являются как раз строки из песен: 1. «Фантазер» - слова С. Романов/муз. А. Морозов; 2. «Хару Мамбуру» - слова/муз. М. Покровский (иноагент).

Этнофолистическая пародия – намеренное искажение фонетических, морфологических и лексических особенностей речи представителей определенной этнической группы с целью создания комического или сатирического эффекта. Данное явление характеризуется следующими чертами: 1) этнолингвистическая направленность – ориентация на специфические черты речи конкретного этноса; 2) интенционально-пародийный характер – сознательное искажение языковых норм и особенностей с целью высмеивания; 3) имитационная основа – воспроизведение характерных черт иностранного произношения; 4) социально-культурный контекст – связь с этническими стереотипами и межкультурными представлениями. Приведем примеры комментариев на пост «Николь Пашиян снялся в рекламе костюмов модного дома Pal Zileri» [<https://t.me/iikhu/31233>]:

Эй, ара, ты талпаён в костюме на плясипете кататься? Ты бы ещё фрак нацепил [<https://t.me/iikhu/31233?comment=4170381>];

Зачем каска надеть? Там нечего беречь: мозга ведь нет! [<https://t.me/iikhu/31233?comment=4170365>];

Там с бензином сафсем плёха да?! [<https://t.me/iikhu/31233?comment=4170358>];

Николь Джан, Ты где такой гальстук кирасивый купля.....надскажи, да...Т тебе идёт очень ,как раз в цвет сумки доставщика «ДеливериКлуб» [<https://t.me/iikhhu/31233?comment=4170752>];

Ара, Гюльмамэду опять каска чэрэп сдавить [<https://t.me/iikhhu/31233?comment=4170336>];

Эй, ара, ты талнаён в костюме на плясипете кататься? Ты бы ещё фрак нацепил [<https://t.me/iikhhu/31233?comment=4170381>].

Создавая речевую характеристику персонажа, автор комментария не столько имитирует его речь, сколько формирует абсолютно нового персонажа, не имеющего, как правило, ничего общего с реальным прототипом. Иронические высказывания, адресованные персонажу якобы на «его языке», выражают отношение автора комментария, которое, учитывая использование этнофолизмов (*Николь Джан, Ара, Гюльмамэд*), является явно негативным.

Следуя методике А.И. Новикова, отметим, что данные типы реакций мы относим к смысловому полю сознания, т.к. они представляют собой имплицитное выражение оценочной иронии, сарказма, способствуют формированию эмоционального фона высказывания и далеки от передачи содержательной стороны текста-стимула.

Литература

1. Пешкова Н.П. О некоторых особенностях восприятия информации в форме текста в новых условиях (из опыта экспериментальных исследований) // Вестник Московского государственного областного университета серия «Лингвистика». 2018. № 5. С. 54-62.

2. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.

3. Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 242 с.

© Моисеева А.В., 2025

УДК 81'42

Морозкина Е.А., Пургин Е.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГОРОДА В ГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ АЛАНА МУРА «ИЗ АДА»

Аннотация. В статье рассматривается описание Лондона в оригинале графического романа Алана Мура «Из Ада» и его переводе на русский язык, с опорой на визуальные кадры или фреймы, созданные художником Эдди Кэмпбеллом, а также на речевые характеристики персонажей, оформленные известным современным писателем Аланом Муром.

Ключевые слова: комикс, речь, город, перевод, текст.

Morozkina E.A., Purgin E.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

LINGUISTIC PORTRAIT OF THE CITY IN GRAPHIC NOVEL FROM HELL BY ALAN MOORE

Abstract. The article examines the depiction of London in the original graphic novel by Alan Moore, *From Hell*, and its Russian translation, drawing on visual frames created by artist Eddie Campbell and the speech characteristics of characters developed by the renowned contemporary writer Alan Moore.

Key words: comics, speech, city, translation, text.

Концепция «комикса» восходит еще к египетской живописи. В настоящее время известный автор комиксов Уиллу Айзнеру определяет комиксы, как «последовательное искусство», предполагающее наличие стоящих рядом изображений, образующих сюжетную составляющую комикса и показывающих последовательность действий [1, с. 5-14]. Среди важнейших элементов комикса, в первую очередь, выделяется «кадр» или «фрейм». Это изображение, заключающее в своих границах некое действие, о котором повествуется в сюжете комикса. Границы фрейма именуются «гаттерами», которые, в основном, переданы белым цветом. Впрочем, в некоторых работах «гаттеры» могут быть и черными; прием, который используется, например, в сценах воспоминаний. Важную роль в структуре комикса занимают «облачка» с текстами, которые называются «филактерами». Они бывают округлыми, что используется для передачи речи персонажей, и прямоугольными, которые чаще всего употребляются для описания событий и ситуаций, а также слов автора. Таким образом, комиксы представляют собой «рисованные истории», предполагающие единства рисунка и текста, что выделяет этот вид художественного творчества.

Термин «графический роман» был впервые употреблен в его работе «Контракт с Богом». Ввод нового понятия был вызван структурными, стилистическими и семантическими особенностями данной работы, отличающими ее от стандартных комиксов, имеющих, как правило, ежемесячный график выпуска. В графическом романе также важную роль играет как текстовая составляющая, так и визуальная часть. Конечно, в некоторых случаях изображение уже может содержать некие смыслы и не требует словесных пояснений. Тем не менее, текстовая часть комикса также может иметь важное значение. Таким образом, подобные работы контрастируют с литературой, в которой всё передается исключительно посредством речи: реплик, описаний, слов автора и тому подобное. В графическом романе наблюдается подобие паритета между рисунками, то есть визуальной составляющей, речью персонажей и текстовыми описаниями.

В основе графического романа «Из Ада», созданного писателем Аланом Муром и художником Эдди Кэмпбеллом, лежит документальная проза Стивена Найта «Jack the Ripper: The Final Solution» о персонаже, известном как Джек-потрошитель. В тексте С. Найта предлагалась идея о том, что под личностью Джека-потрошителя скрывался королевский врач Уильям Галл. Трагедия, развернувшаяся на улицах Лондона, оказывается связанной с королевой Викторией и с деятельностью масонского общества [2]. А. Мур чрезвычайно точен в своей презентации Лондона конца XIX века. В конце каждой главы несколько страниц отведено многочисленным источникам, содержащим самые разные исторические детали описания Лондона и тех или иных исторических фактов, реально происходивших в рамках представленной истории. Иллюстрации Э. Кэмпбелла приносят ощущение исторической реальности событий и напоминают иллюстрации, встречающиеся в изданиях того времени.

В данном произведении оба автора, и писатель и художник, тщательно выписали языковыми и художественными средствами портрет Лондона конца 80-ых годов XIX века, подчеркивая мрачную, готическую атмосферу исторического Лондона. В своём первоизданном виде комикс выходил в чёрно-белом варианте, что добавляло атмосферу тревоги и страха: мрачный фон и конкретные детали выделены чёрной тушью с повсеместно используемой штриховкой. Улицы, переулки становились тёмными лабиринтами, в которых человек мог с легкостью затеряться, а здания вокруг представлялись стенами, отделяющих заблудшего путника от иных горожан. В цветном варианте сохраняется тот же мрачный настрой картин городских пейзажей [1, с. 99-101].

Манера речи жителей города оказывает влияние на атмосферу этого места. Социальный класс и этническое происхождение жителей может отражаться в речи персонажей. Автор считает важным передать язык, на котором говорят жители города [3, с. 43]. В качестве особого способа передачи атмосферы города Алан Мур использует речевые характеристики персонажей, принадлежащих разным социальным слоям общества. Сленг служит наиболее яркой речевой характеристикой, что выделяет представителей беднейших кварталов Лондона на фоне героев, использующих литературную речь [4, с. 903-905].

В графическом романе «Из Ада» встречаются представители разных социальных слоёв, начиная от приближённых королевской семьи и заканчивая людьми из низшего класса. Их можно различить по манере речи, по тому, как они говорят. Например, речь антагониста истории доктора Уильяма Галла выделяется отсутствием жаргонизмов и фонетических сокращений. Он склонен прибегать к использованию поэтических образов, к длинным монологам, в которых затрагиваются темы история города, религии, английских поэтических мифов. Это особенно заметно во второй главе, в которой доктор едет по Лондону в карете и рассказывает об архитектуре города, раскрывая ее тайные символические смыслы. В основном, большинство героев являются

представителями социального дна, и поэтому в комиксе встречается сленг тех исторических времен. Закономерно, что это может вызвать некоторые трудности при знакомстве с оригинальным текстом и особенно с переводом.

Русский перевод, зачастую не передает речь большинства персонажей, принадлежащих к низшим слоям общества. Проблема заключается в особенностях речи подобной героев, содержащих дефекты такие как речи, неверные ударения в словах, нечеткое произношение и прочее. В качестве примера можно привести звук [h], который встречается в словах „how“ или „have“ и который в лондонском просторечии пропускается. Реплика „I mean, ‘ow many letters allegedly from or about the killer ‘ave we ‘ad now?“ на русском языке представлена следующим образом: «Сколько у нас уже писем якобы от имени убийцы или о нем?» Как видим, в переводе на русский язык особенности речи персонажа оказались опущены, что представляется текстовой деформацией, вследствие которой читатель русского варианта текста не может разгадать «авторскую мотивацию» использования в тексте комикса нелитеатурной английской речи [5].

Другой случай связан с персонажем Джозефом Мерриком, который имеет дефект речи, обусловленный необычной физиологией тела. В оригинальном тексте: „Fir Whiyum! How kymb ob vhu to vivir me agame. Reeve bhu fir bowm.“, где с трудом можно разобрать, о чём говорит данный персонаж. Русский вариант: „Фэр Уииям! Как миво с фашей стовоны снофа меня нафестить. Повалуфта, фадитефь“. В версии перевода очевидна попытка передать такой дефект речи персонажа, как шепелявость.

Подводя итог, отметим, что «Из Ада» Алана Мура и Эдди Кэмпбелла – это графический роман, исследующий город Лондон сквозь призму исторических событий, где на улицах Лондона проживают люди, относящиеся к разным слоям общества. Графически, с помощью соответствующих фреймов читатель может представить, как выглядела столица туманного Альбиона в определенную историческую эпоху времени. Лексически атмосфера города вырисовывается через речь героев, принадлежащих разным социальным группам. Таким образом лингвистически описываются многие герои произведения и английский социум в целом. Заметим, что в настоящее время Алан Мур пишет пенталогию «The Long London», в которой исследуется мир Лондона XX века, начиная с послевоенного времени, что позволяет говорить о наличии творческого потенциала изображения города в разные исторические периоды человеческой истории.

Литература

1. Макклауд С. Понимание комикса: невидимое искусство / С. Макклауд. М.: Белое Яблоко, 2016. 216 с.

2. Davies D. 'Comics on the Main Street of Culture': Alan Moore and Eddie Campbell's *From Hell* (1999), Laura Oldfield Ford's *Savage Messiah* (2011) and the politics of gentrification [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1386/jucs.4.3.333_1 (дата обращения: 30.09.2025)

3. Бочкарев Е.А. Семантика. Общий лексикон / Е.А. Бочкарев. – Н. Новгород: Деком, 2014. 320 с.

4. Исмагилова Н.В., Майорова О.А. Язык города как социолингвистическая проблема: перспективы изучения // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24, № 4 С. 900-909.

5. Морозкина Е.А. Актуализация антиномий Гумбольдта в оригинале и переводе художественных текстов / Е.А. Морозкина, В.В. Воробьев // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22, № 3. С. 744-749.

© Морозкина Е.А., Пургин Е.А., 2025

УДК 81'25

Морозкина Е.А., Садретдинова Р.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ПЕРЕВОД ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМФАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ЧАСТИЦЕЙ «NOT» С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье исследуются отрицательные эмфатические конструкции с частицей «not» и их перевод на русский язык на материале романа Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе» (1934) и текста перевода, выполненного Л.Г. Беспаловой (1991). Отрицательные конструкции воспринимаются в работе как некие лингвистические модели, введенные писателем в текст с целью формирования эмоционального напряжения лексическими средствами. Проводится сопоставительный анализ оригинального текста и перевода с целью выявления особенностей передачи эмфатического отрицания на русский язык, а также стратегий, применяемых для сохранения его экспрессивной функции.

Ключевые слова: отрицательные эмфатические конструкции, художественный перевод, сопоставительный анализ, детективный жанр.

Morozkina E.A., Sadretdinova R.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

TRANSLATION OF NEGATIVE EMPHATIC CONSTRUCTIONS WITH THE PARTICLE "NOT" FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract. The article examines negative emphatic constructions with the particle "not" and their translation into Russian based on the novel by Agatha Christie "Murder on the Orient Express" (1934) and the text of the translation by L.G. Bepalova (1991). Negative constructions are perceived in the work as

certain linguistic models introduced by the writer into the text in order to form emotional tension by lexical means. A comparative analysis of the original text and the translation is carried out in order to identify the features of the transmission of emphatic negation into Russian, as well as strategies used to preserve its expressive function.

Key words: negative emphatic constructions, literary translation, comparative analysis, detective genre.

Актуальность исследования обусловлена важностью передачи эмоциональной насыщенности и стилистической выразительности текста при переводе отрицательных эмфатических конструкций с частицей «not». Их адекватный перевод требует учета межъязыковых различий, так как ошибки ведут к потере экспрессии и искажению авторского замысла.

Целью статьи становится изучение некоторых способов перевода и интерпретации отрицательных эмфатических конструкций, содержащих частицу «not» в романе А. Кристи «Убийство в восточном экспрессе» и в его переводе на русский язык.

Авторы решают задачу выявления эмфатических конструкций с частицей «not» и способов их интерпретации в тексте перевода.

Статья актуальна и содержит научную новизну, которая связана с попыткой обозначить и обобщить способы передачи на русский язык эмфатическую конструкцию с частицей «not».

Лингвистические средства, в оформлении которых используется указание на отсутствие предмета или какого-либо действия, а также на усиление экспрессивности и акцентирование определенных моментов высказывания, называются отрицательными эмфатическими конструкциями. Отрицательные эмфатические конструкции — это лингвистические средства, в которых отрицание используется не только для простого указания на отсутствие чего-либо, но и для усиления экспрессивности, выделения важности определенного элемента высказывания или создания контрастного восприятия отдельных идей текста. В английском языке они включают частицы и наречия *not, never, no, none, neither, nor, hardly, scarcely, seldom*, а также устойчивые выражения *by no means, not at all, not even, nothing, nowhere* и другие. В русском языке аналогичные функции выполняют конструкции с местоимениями и частицами *ни... не, отнюдь не, никоим образом, совсем не, никто, ничего, ни одного, едва... не*, а также с наречиями *абсолютно, вовсе, совершенно* и прочее в сочетании с отрицанием. Структурные различия между языками создают определенные трудности для переводчика.

Эмфатическое отрицание в исследуемом художественном тексте А. Кристи выполняет несколько ключевых функций, таких как выделение важных деталей (отсутствие/наличие улик, свидетелей); передача эмоциональной реакции персонажа (удивление, решимость, негодование, неуверенность и др.); создание напряжения и интриги через

акцентирование невозможности реализовать какие-либо идеи или отсутствия инструментов для ее реализации; контрастное противопоставление правды и вымысла, честных утверждений и попыток обмануть следователя. Анализ этих аспектов помогает «раскодировать художественные смыслы» [1, с. 491], заложенные автором в подтекст произведения.

Роман Агаты Кристи, написанный в 1934 году, относится к так называемым классическим детективам закрытого типа, предполагающего, что преступление, которое необходимо раскрыть, происходит в ограниченном пространстве, а в совершении преступления подозревается замкнутый круг лиц, что позволяет автору воспроизвести некую интеллектуальную игру между автором, следователем и читателем. В художественном тексте допросы ведет известный литературный персонаж Эркюль Пуаро. Детектив строится с опорой на диалоги сыщика и подозреваемых, используемые им методы индукции и дедукции, его логические размышления и наблюдения. Изучение «сюжетных коллизий и психологического облика персонажей» [1, с. 491], а также анализ размышлений сыщика помогают осознать важное значение эмфатических конструкций как лексического средства, передающую таинственную атмосферу художественного текста. Эмфаза позволяет автору выделить важные детали преступления, на которые опирается Э. Пуаро для выявления улик преступления, а также для выделения важных деталей и улик.

Перевод таких конструкций представляет особую сложность для переводчика. Акцентирование на отдельных элементах текста с помощью специфических грамматических структур или лексических маркеров в английском языке должно быть четко отражено в переводе. Следует иметь в виду, что в грамматике русского языка используются иные способы формирования эмфазы в сравнении с английским языком. Переводчик должен воссоздать эмфатические элементы текста с помощью средств языка перевода и при этом сохранить общую атмосферу и пространство текста. Такой подход «позволяет воссоздать модальность отношения автора к исходному тексту» [1, с. 491], не нарушая при этом естественности повествования на языке перевода.

Одним из способов передачи эмфазы в романе «Убийство в восточном экспрессе» становится сочетание числительного *one* и отрицательной частицы *not* перед существительным.

Эмфатическое сочетание *not one* выполняет функцию создания эмфатического подчеркивания полного отсутствия предмета или действия, исчерпания всех возможных способов его получения. Частица «not», использованная вместо обычного отрицания с *no*, создает большую экспрессию, так как акцентирует внимание на абсолютном отсутствии вариантов без каких-либо исключений. Например:

«*There is not one first-class sleeping berth to be had on the train*» [2] / «Все купе первого класса в этом поезде проданы» [3]

Конструкция *not one* усиливает смысл того, что свободных мест в купе первого класса не осталось совсем, то есть все доступные возможности проезда исчерпаны. Переводчица Л.Г. Беспалова точно передала идею абсолютного отсутствия свободных мест и сохранила стилистическую выразительность оригинала.

В тексте романа встречается сочетание частицы *not* с союзом *until*. Эмфатическая конструкция *not until* выполняет функцию акцентирования внимания на точном моменте времени или определенном месте, с которого начинается какое-либо действие или событие; при этом использование конструкции подчеркивает, что событие не имело места раньше указанного момента:

«*Not until this morning*» [2] / «*Только утром*» [3]

Сочетание *not until* усиливает смысл исключительности конкретного в данном примере утреннего момента: действие произошло именно тогда, а не в более раннее время.

В романе также широко представлена устойчивая эмфатическая конструкция *not at all*, которая служит для усиления отрицания, для полного опровержения предшествующего высказывания или предположения. Данная конструкция выполняет функцию категоричного отрицания, что подчеркивает абсолютное отсутствие какого-либо действия, качества или согласия. Частица «*at all*», добавленная к отрицанию «*not*», придает высказыванию завершенность и исчерпывающий характер, усиливая его экспрессивность.

«*Not at all. I regard the probabilities*» [2] / «*Вовсе нет. Я исследую все возможности*» [3]

В данной фразе из диалога конструкция *not at all* используется для эмфатического опровержения реплики собеседника. Переводчик Л.Г. Беспалова передает это усиленное отрицание с помощью лексического средства русского языка — устойчивого выражения «вовсе нет». Этот переводческий прием является точным и адекватным, поскольку фраза «вовсе нет» в русском языке несет ту же семантику полного, категоричного отрицания и сохраняет необходимую стилистическую окраску оригинала, что подчеркивает решительность ответа говорящего.

Исследование отрицательных эмфатических конструкций с частицей «*not*» в романе А. Кристи «Убийство в восточном экспрессе» и его русскоязычном переводе показало, что такие конструкции играют ключевую роль в создании эмоционально-экспрессивного эффекта художественного текста. В детективном жанре они используются для акцентирования внимания на важных деталях, передачи внутреннего состояния персонажей и управления восприятием читателя. Проведенный анализ способствует «выявлению некоторых особенностей их передачи с английского на русский язык в художественных текстах» [4, с. 67], что имеет значение для теории и практики перевода.

Анализ конкретных примеров показывает, что в переводе Л.Г. Беспалова эффективно сохраняет эмфатическую окраску оригинала, а грамматические структуры адаптируются под нормы русской грамматики.

Таким образом, отрицательные эмфатические конструкции представляют собой не просто грамматическую особенность текста, а значимый коммуникативный ресурс, который в художественном переводе должен воссоздавать художественное пространство оригинала с максимальной точностью.

Литература

1. Морозкина Е.А., Насипов И.С. Актуализация когнитивной стратегии автора в оригинале и переводе художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2024. №6 (109). С. 490-492.

2. Christie, A. Murder on the Orient Express. [Электронный ресурс] URL: https://detective.gumer.info/anto/christie_8_2.pdf (дата обращения 14.11.2025).

3. Кристи А. Убийство в Восточном экспрессе. [Электронный ресурс] URL: https://100balov.com/data/bib/Detektivij/Agata_Krijstij__Vostoc_hnirii_eekspress.htm?ysclid=m9tvm3s5bz89282135 (дата обращения 14.11.2025).

4. Морозкина Е.А., Воробьев В.В., Щанькин А.П. Лексико-семантическое поле «Финансы» в оригинале и переводе романа Т. Драйзера «Финансист» // Доклады Башкирского университета. 2025. Т. 10. № 1. С. 67-71.

© Морозкина Е.А., Садретдинова Р.А., 2025

УДК 81'373.611.161.1

Мотина О.П.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

МОРФЕМНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАРОНИМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности морфемно-словообразовательной структуры паронимов английского языка. Определены критерии выделения единиц, составляющих английский паронимический фонд. В исследованном корпусе преобладают производные паронимы, представленные преимущественно суффиксальными и префиксальными единицами.

Ключевые слова: паронимия, морфемная структура, производные паронимы, непроизводные паронимы, суффиксация, префиксация.

MORPHEMIC-WORD-FORMATION STRUCTURE OF ENGLISH PARONYMIC UNITS

Abstract. The article examines the features of the morpheme-word-formation structure of English paronyms. The criteria for distinguishing the units that make up the paronymic fund of the English language are defined. The studied corpus is dominated by derivative paronyms represented mainly by suffixal and prefixal units.

Key words: paronymy, morphemic structure, derivative paronyms, non-derivative paronyms, suffixation, prefixation.

Many paronyms owe their confusability to the common prefixes or, to a lesser degree, suffixes. Such confusion is increased when we come across such words which prefixes differ by only one letter, such as *affect* // *effect*, *eruption* // *irruption*. The analysis of morphemic-word-formation structure of paronyms may help us avoid or at least lower this confusability.

The division of the word form into significant elements reflects its form and word-formation connections, morphonological laws of construction, as well as the internal form of the lexical meaning [1, c. 234]. According to the morphemic-word-formation structure paronyms may be divided into non-derivative (root) paronyms and derivative paronyms. The latter can be simple and complex.

Non-derivative paronyms include paronymous words, in the roots of which there are alternations of vowels or consonants; word-forming prefixes or suffixes in this case do not perform a semantic function, or are absent altogether. Such lexemes previously functioned in the language as either root synonyms or lexical variants, but over time they lost their semantic proximity and became paronyms.

Derivative paronyms include paronymic pairs, the members of which are derived words formed by such word-formation means as prefixation, suffixation, inflection, addition of word stems, etc. Derivative paronyms are characterized by a complicated structure, which allows us to divide them into two groups: simple derivative paronyms and complex derivative paronyms. The first group includes paronymic oppositions the components of which have only one productive stem. The second group encompasses paronymic units the components of which have two or more productive stems.

Simple derivative paronyms are mainly formed by a morphemic method, that is, productive suffixes or prefixes are added to the productive stem (which may coincide with the root or derivative word), and as a result, we obtain words with new lexical meanings. Thus, depending on which morphemes perform a meaningful function in the components of paronymic units, we can distinguish prefixal, suffixal and inflectional paronyms.

Before investigating the morphemic structure of English paronymic fund it's necessary to point out that typologically English belongs to analytical languages in which grammatical relations are expressed mainly through syntax, fixed word order, context, or intonation variations, rather than through morphemes (endings, suffixes, prefixes, etc.). This fact explains, in particular, the absence of inflectional paronyms in the English language.

Taking into account different approaches to the interpretation of the concept of paronymy in the Russian and Western European philological tradition we define paronyms as words of the same part of speech that have a close formal structure and are characterized by systemic or contextual semantic correlation, which may be mistakenly or intentionally mixed in speech [2, c. 138]. Within the framework of the given article it's impossible to systematize the whole paronymic fund the English language. Therefore, only units representing the core of the paronymic field have been selected for the empirical analysis. This core is represented by common-root substantive, verbal and adjectival paronymic lexemes. English paronymic fund was selected by the method of frontal analysis from Macmillan English Dictionary for Advanced Learners [3] and the Dictionary of Confusibles by Adrian Room [4]. The analyzed lexical oppositions meet the following criteria for identifying common-root paronyms: 1) phonetic proximity, 2) etymological kinship of units, 3) complete or partial difference in lexical meaning, 4) belonging to the same part of speech, 5) complete or partial impossibility of substitution in speech due to the discrepancy between the spheres of lexical compatibility, 6) the possibility of erroneous confusion in speech due to the common root [5, c. 69].

The corpus of English paronyms consists of both derivative and non-derivative units. The number of non-derivative paronyms is very small in English. Paronymic pairs the members of which differ in the root composition include simple non-derivative paronyms such as *older* // *elder*, *meter* // *metre*, *biannual* // *biennial*, *blench* // *blanch*.

Complex derivative paronyms are represented by only one unit in the studied corpus of the English language: *handwork* // *handiwork*.

According to many linguists, alternating vowels and consonants is not a productive way of word formation and inflection in modern English. Following such researchers as A.A. Reformatzky [6], A.A. Rivlina [7], we conclude that alternation as an internal inflection is used in English to create grammatical forms (for example, *goose* (sg.) – *geese* (pl.)) or for part of speech differentiation of words derived from common root (for example, *food* (n) – *feed* (v)). A.A. Rivlina refers to such alternations as grammatical and lexical infixes respectively [7, c. 23]. Lexemes created in this way are not the object of this study because they do not meet the criteria for identifying paronyms.

Despite the small number of non-derivative paronyms in English, alternation in the root is often observed due to the addition of affixes to the word stem, for example, *motion* // *movement*. Such units are classified in the present paper as derivative paronyms since the semantic distinguishing function in this case is performed by the affix, and not by the internal flexion.

Indisputably, derivative lexemes prevail in the English paronymic fund. Among them we can distinguish suffixal, prefixal and mixed units. The latter consist of paronyms, in which both suffixes and prefixes perform a semantic distinguishing function.

Paronyms created by adding different prefixes to the same stem are represented mainly by the verbal pairs, for example, *assure // ensure, excite // incite, proceed // preceed, suppress // repress, presume // assume*. One can also come across prefixal paronyms among nouns and adjectives: *depository // repository, apposition // opposition, supplement // complement, persecution // prosecution, eminent // imminent, allusive // elusive* and many others.

Suffixal paronyms are as well numerous in the English language. Most of them are adjectival units (*honourable // honorary, enviable // envious, responsible // responsive, credible // credulous, barbarous // barbaric, etc.*). There are also many substantive paronyms within the group of suffixal units, for example, *proposal // proposition, deformation // deformity, coherence // cohesion, typhoid // typhus*. However the number of paronymic verbs created by adding different suffixes to the stem is rather small (*moisten // moisturize, circulate // circularize, chastise // chasten, etc.*).

Mixed paronyms are made up of both prefixal and suffixal derived lexemes. They can be found among the investigated verbs, nouns and adjectives, though their number is very small (*ammunition // munitions, attest // testify, numerous // innumerable, reconcile // conciliate*).

Summarizing, we can conclude that the paronymic fund of the English language is dominated by derivative paronyms, represented mainly by suffixal and prefixal units. Undoubtedly, numerous prefixes and suffixes present a particular hazard in the world of confusable words, but the analysis of their morphemic structure and systematizing the meanings and etymology of affixes can help us distinguish paronymic units.

Литература

1. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
2. Мотина О.П. Типология паронимов английского языка по функционально-семантическому принципу // Казанская наука. №1 2022г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2022. С. 138-140.
3. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. International Student Edition. Oxford: Macmillan Education, 2007. 1759 p.
4. Room, A. Dictionary of Confusable Words. London: Routledge: Taylor & Francis group, 2000. 251 p.
5. Мотина О.П. Особенности фонологической структуры паронимов английского языка // Казанская наука. № 11, 2019. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2019, с. 69-71.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

7. Ривлина А.А. Теоретическая грамматика английского языка: учебно-методическое пособие / А.А. Ривлина. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. 118 с.

© Мотина О.П., 2025

УДК 81'255.2

Наугольных Е.А.

Пермская государственная фармацевтическая академия МЗ РФ, Пермь, Россия

**СПЕЦИФИКА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ДЕРИВАЦИИ ДЖ. ДЖОЙСА И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. Рассматриваются особенности образования, функционирования и межъязыковой трансляции окказиональных фразеологизмов Дж. Джойса, участвующих в языковой игре писателя. Материалом для анализа послужили роман Дж. Джойса «Улисс» и два его перевода на русский язык, выполненные В. Хинкисом, С. Хоружим и С. Маховым. Отмечена неизбежность потерь как некоторых оттенков значения авторского фразеологизма, так и ряда его стилистических особенностей.

Ключевые слова: окказиональный фразеологизм, художественный прием, переводческое решение, Дж. Джойс, Улисс.

Naugol'nykh E.A.

Perm State Pharmaceutical Academy, Perm, Russia

**CERTAIN ASPECTS OF J. JOYCE'S OCCASIONAL
PHRASEOLOGICAL DERIVATION
AND ITS TRANSLATIBILITY INTO RUSSIAN**

Abstract. The paper deals with the general aspects of formation, functioning and cross-cultural translation of occasional phraseological unit created by James Joyce. Two Russian versions of Ulysses produced by V. Khinkis, S. Khoruzhy, S. Makhov are analyzed. It is noted that the loss of some meaning shades of individual author's phraseological units, as well as certain stylistic features turns out to be inevitable.

Key words: occasional phraseological unit, literary device, translation decision, James Joyce, Ulysses.

Язык, по мнению Дж. Джойса, «играет в произведении искусства не меньшую роль, чем идеи, ведь он – их символ» [1, с. 275]. Работая над «Улиссом», писатель до мельчайших подробностей продумывал каждый фрагмент, «каждую фразу подбирал как драгоценный камень в крупное ожерелье» [1, с. 197], мотивируя читателя к внимательному прочтению и

провоцируя возникновение множественных интерпретаций. Неспроста У. Эко называл тексты Дж. Джойса «ленивым механизмом», требующим от читателя выполнить часть работы за него» [6, с. 57].

Действительно, тексты Дж. Джойса подразумевают наличие эрудированного читателя, способного скрупулезно препарировать каждое слово, вести «соревновательную игру» с автором-интеллектуалом. А поскольку «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [2, с. 14], анализ романа «Улисс» демонстрирует бесконечность возможных толкований, неизбежную множественность ассоциаций.

В данной статье мы остановимся на окказиональной фразеологической деривации, которую можно рассматривать как один из основных приемов техники Дж. Джойса в романе «Улисс». Под окказиональным фразеологизмом мы понимаем речевую единицу, образованную на базе языковой фразеологической единицы, но отличающуюся от нее семантикой и/или структурно-грамматическим выражением.

Для Дж. Джойса типично не использование классических фразеологизмов, а создание на их основе собственных уникальных языковых оборотов, часть из которых в дальнейшем перешли в разряд широко употребляемых цитат. Анализ позволил выделить следующие наиболее часто встречающиеся типы:

1) фразеологизм с измененным лексическим составом: *birds of a feather **laugh** together* [7, p. 389] (Birds of a feather **flock** together, And so will pigs and swine); *Let there be **life*** [7, p. 138] (Let there be **light**); *all in the same **swim*** [7, p. 77] (all in the same **boat**); *the tree of forbidden **priest*** [7, p. 357] (the tree of forbidden **fruit**); *shut your **eyes** and see* [7, p. 37] (shut your **mouth** and see); *lump of **dung*** [7, p. 85] (lump of **love**);

2) усеченный фразеологизм: *horn of a bull, hoof of a horse, smile of a Saxon* [7, p. 24] (There are three things to be aware of: the hoof of a horse, the horn of a bull...); *kings' son* [7, p. 32] (The King of Ireland's Son); *never see a dead donkey* [7, 106] (no one ever sees a dead donkey); *he loved a lord* [7, p. 193] (every Englishman loves a Lord).

3) фразеологизм с расширенным лексическим составом: *he **had a good** groatsworth of wit* [7, p. 182] (groatsworth of wit);

4) изменение порядка слов в пределах устойчивого словосочетания: *made not begotten* [7, p. 38] (begotten, not made);

5) фразеологизм, созданный на основе двух контаминированных устойчивых словосочетаний: *isle of dreadful thirst* [7, p. 41] (the city of dreadful thirst + the Isle of hunger); *love me, love my dirty shirt* [7, p. 548] (love me, love my dog + to wash dirty linen/shirt in public);

6) фразеологизм, возникший на базе иноязычной лексики: *voglio e non vorrei* [7, p. 61] (Vorrei e non vorrei); *de mortuis nil nisi prius* [7, p. 104] (de mortuis nil nisi bonum);

7) фраза, созданная Дж. Джойсом наподобие устойчивого выражения/меткого высказывания, но не имеющая аналога в английском языке: *the mocker is never taken seriously when he is most serious* [7, p. 190]; *the thought that the other chap pays best sauce in the world* [7, p. 156]; *know me come eat with me* [7, p. 167]; *redheaded women buck like goats* [7, p. 23]; *God made food; the devil the cooks* [7, p. 164].

И.М. Шанский различает три типа приемов индивидуально-художественной обработки фразеологизмов. Писатель может: 1) наполнить фразеологическую единицу новым смыслом, сохранив при этом лексико-грамматическую целостность, 2) обновить лексико-грамматический облик фразеологической единицы при сохранении её семантики и основных черт структуры или 3) использовать фразеологическую единицу в качестве свободного сочетания слов [5, с. 205]. Исследование выделенных фразеологизмов из романа «Улисс» показало преобладание примеров второго типа.

Трансформируя окказиональную единицу, писатель добивается определенного стилистического эффекта, выразительности образа, лаконичной передачи замысла и/или стимулирования многослойности воспринимаемого читателем текста. Поскольку поиск прямого соответствия невозможен, подобные окказиональные фразеологизмы особенно сложны для межъязыковой передачи и требуют повышенного внимания со стороны переводчика. Нами были исследованы две полные версии романа «Улисс» на русском языке, выполненные В. Хинкисом, С. Хоружим и С. Маховым. Разберем разные переводческие стратегии на следующем примере:

I confess, I am *teapot* with *curiosity* [7, p. 419].

Признаюсь вам, что я просто *чайник от любопытства* [3, с. 422].

Признаться, я *костер от любопытства* [4, с. 425].

В данном случае имеет место не только лексическая замена компонента исходного фразеологизма (*to burn with curiosity*). Привычный глагол *to burn* заменяется существительным *teapot*. Буквальный перевод «чайник от любопытства», предложенный В. Хинкисом, С. Хоружим нарушает нормы сочетаемости в ПЯ, но в принципе не противоречит общей стратегии «языкового экспериментаторства» Дж. Джойса. Кроме того, его переводческое решение сохраняет важную единицу Дж. Джойса, которую внимательный читатель прослеживает как в пределах микроконтекста (*Tremendously teapot! London's teapot and I'm simply teapot all over me!* [7, p. 419] Еще как чайник! Я прямо вся чайник, как Лондон [3, с. 422]), так и в макроконтексте. Чайник, например, встречается в эпизоде «Сирены» (*She poured in a teacup tea, then back in the teapot tea* [7, p. 247]) и в первом эпизоде «Телемак» (*Then he carried the dish and a large teapot over to the table* [7, p. 13]).

С. Махов предпринимает попытку подбора иного аналога в русском языке, в его вариант «костер от любопытства» лексема костер имеет очевидную семантическую связь с глаголом гореть, с которым они

находятся в отношениях «объект – процесс». В микроконтексте С. Махов сохраняет анализируемую единицу: Еще как *костер*! Лондон *костер*, и я прям по всему телу *костер* [4, с. 425]. Однако на уровне макротекста заложенная Дж. Джойсом нить неизбежно теряется: *Наливая чай в чашку, после обратно из чашки в чайник* [4, с. 248]. Поскольку каждая единица, использованная Дж. Джойсом в романе, по заявлению самого автора, неслучайна, стилистические потери варианта «*костер от любопытства*» становятся очевидны.

Таким образом, анализ романа Дж. Джойса «Улисс» демонстрирует наличие в языке произведения значительного количества устойчивых словосочетаний, выполняющих целый ряд важных функций. Чаще всего в тексте обнаруживаются фразеологические единицы с измененным лексическим составом. В переводе В. Хинкиса, С. Хоружего наблюдается стремление к использованию калек, тогда как С. Махов чаще подбирает нейтральные словосочетания, отодвигая передачу стилистических особенностей на второй план, но при этом делая сноски и разбирая фразеологизмы в комментариях, опубликованных в отдельном томе. В идеале каждый случай перевода окказиональной фразеологической деривации требует детального анализа с целью выявления намерения автора и конструирования наиболее удачного переводческого решения.

Литература

1. Гарин И.И. Век Джойса. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. 848 с.
2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. М.: Нов. лит. обозрение, 1996. 352 с.
3. Джойс Дж. Улисс: Роман / пер. В. Хинкис, С. Хоружий. СПб.: Симпозиум, 2002. 830 с.
4. Джойс Дж. Сочинения в 3 т. Т II: ОдиссейЯ / Пер. С. Махов. М.: ООО «СФК Инвест», 2007. 696 с.
5. Шанский И.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1969. 272 с.
6. Эко У. Поэтики Джойса / Пер. А.Н. Коваля / У. Эко. СПб.: «Симпозиум», 2003. 496 с.
7. Joyce J. Ulysses. London: Picador, 1998. 741 p.

© Наугольных Е.А., 2025

Нестерова Н.М., Сумароков Г.И.

Пермский Национальный Исследовательский Политехнический
университет, Пермь, Россия

АВТОПЕРЕВОД: ДВОЙНАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА

Аннотация. В статье рассматривается автоперевод с точки зрения двойственности как роли, так и культурной идентичности автора текста. Приводится определение автоперевода, рассматриваются традиционные и специфичные модели переводческой деятельности. Проводится сравнительный анализ русскоязычного и англоязычного названий автобиографии Владимира Набокова на русском и английском языках.

Ключевые слова: автоперевод, культурная идентичность, позиция автора, билингвизм, адаптация

Nesterova N.M., Sumarokov G.I.

PSTU, Perm, Russia

SELF-TRANSLATION: AUTHOR'S DUALITY

Abstract. The article examines self-translation from the perspective of the author's dual role and intercultural identity. The study provides a definition of self-translation and explores both conventional and specific models of translational practice. Vladimir Nabokov's Russian and English titles' comparative analysis is conducted to illustrate the theoretical framework.

Key words: self-translation, cultural identity, author's perspective, bilingualism, adaptation

Феномен автоперевода представляет собой уникальный когнитивный акт в области билингвального письма. Данная практика выходит за рамки сугубо лингвистической задачи межъязыкового трансфера, поскольку порождает сложный комплекс проблем, центральной из которых является проблема позиции автора. Исследования данного вида перевода особенно актуальны в условиях современного мира, где миграция и глобализация стремительно набирают обороты. В свою очередь, автоперевод как акт существования и творчества писателя-билингва, находящегося в межкультурном пространстве, становится все более распространенным явлением.

Одним из первых исследователей, изучавших автоперевод, стал Ренье Грутман. Ученый предложил следующее определение: автоперевод (self-translation) – практика, при которой автор сам переводит свое собственное произведение на другой язык [1, с. 257]. Важно отметить, что автоперевод – это творческий пересмотр, переосмысление и иногда

создание нового варианта текста, а не процесс межъязыкового перекодирования. Такой процесс требует тщательного анализа как лингвистических, так и культурологических аспектов, поскольку он затрагивает вопросы авторства, идентичности и творческого самовыражения в условиях двуязычия. При изучении автоперевода стоит учитывать его знаковые отличия от перевода в классическом понимании, а именно – двойственность позиции автора и изменение привычных переводческих моделей и алгоритмов.

В отличие от классической переводческой парадигмы, предполагающей дистанцию между волей создателя текста и интерпретационной деятельностью переводчика, автоперевод характеризуется их конвергенцией в рамках единого сознания. В ситуации автоперевода автор обладает полным глубинным пониманием смысла и интенции своего первичного текста.

Поскольку текст не проходит стадию интерпретации другим переводчиком, традиционная модель перевода (оригинал текста → переводчик → интерпретация текста → текст перевода) не работает в данных условиях. Писатель, выполняя роль автора и переводчика, создает две легитимные версии текста. Как отмечают Дж. Хоккенсон и М. Мансон в своем фундаментальном исследовании “The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation”, одним из главных мотивов для автопереводчика является желание избавиться от «интерпретационного шума», генерируемого сторонним специалистом [2, с. 52]. Таким образом, писатель обладает тотальным контролем над обоими вариантами текста.

Рассматривая позицию автора в ситуации автоперевода, можно столкнуться с рядом проблем. Привычная модель перевода в классическом понимании предполагает, что автор – создатель только оригинального (первичного) текста, перевод создается другим человеком, носителем другой лингвокультуры. Но в ситуации автоперевода само понятие оригинала некорректно. Автопереведенные тексты равноправны, соответственно, не обладают статусом оригинала и перевода. Также немаловажен культурологический фактор. Будучи билингом, писатель является носителем двух культур, и способ «построения мысли» зависит от языка произведения. Происходит сознательная адаптация культурных кодов. Автор-самопереводчик берет на себя сознательную роль «культурного посредника», который не просто перекодирует слова, а адаптирует, объясняет и переосмысливает целые культурные пласты и реалии для новой аудитории, руководствуясь своим уникальным бикультурным опытом [3, с. 7].

Для иллюстрации ключевых особенностей автоперевода, проанализируем названия автобиографии Владимира Владимировича Набокова, которая, как известно, представлена на двух языках. В. Набоков – писатель, чья литературная биография стала хрестоматийным примером «творческого билингвизма». Сам писатель, создавший корпус текстов как

на русском, так и на английском языках, воплощает в себе фигуру автора-медиатора в ее наиболее чистом виде.

Ярчайшим примером этого процесса является мемуарный текст, известный русскоязычному читателю как «Другие берега» (1954). Однако его первый англоязычный вариант – “Conclusive Evidence” (1951). Как мы видим, автор меняет название, которое, как известно, является первой и сильной позицией текста. Именно название задает вектор восприятия следующего за ним текста. Это очень хорошо понимал писатель, поэтому он долго и тщательно выбирал заглавия для своих текстов. Рассматриваемые варианты названий приведены, в частности, в работе Н.М. Нестеровой и Д.Д. Курушина [4, с. 112-113].

Проанализируем названия англоязычной и русскоязычной версий автобиографии писателя.

Таблица 1

Критерий	“Conclusive Evidence”	«Другие берега»	Комментарий
Лингвистический аспект	Юридический термин, фиксирующий однозначность	Поэтическая метафора, предполагающая множественность прочтений	Смена регистра речи (профессиональный → художественный)
Культурологический аспект	Ориентация на западного читателя через правовой дискурс	Опора на русскую культурную традицию (символика пути, реки, изгнания)	Адаптация к разным культурным кодам восприятия
Коммуникативная стратегия	Установка на документальность, фактологическую достоверность	Установка на лирическое переживание, элегическую тональность	Разные типы читательского доверия: к документу и к художественному образу
Семантическое поле	Доказательство, истина, установление фактов	Разлука, память, ностальгия, экзистенциальный переход	Смещение акцента с установления истины на переживание утраты
Прагматический эффект	Позиционирование текста как исторического свидетельства	Позиционирование текста как философско-художественной рефлексии	Разная жанровая ориентация: мемуары-расследование и художественная автобиография
Авторская интенция	Представить жизнь как цепь неопровержимых фактов	Представить жизнь как путь между мирами, воплощение экзистенциального опыта	Двойная перспектива автора: свидетель и участник событий

Проведенный сопоставительный анализ позволяет утверждать, что смена названия в набоковском автопереводе носит не случайный, а системный и глубоко мотивированный характер. Выбор Набоковым юридического дискурса в англоязычном названии «Conclusive Evidence» представляет собой просчитанный ход. Писатель апеллирует к бессознательной для западного читателя ценности документа, факта и верифицируемого свидетельства, предлагая тем самым «легитимизировать» сугубо личный, субъективный опыт памяти в поле чужой культуры.

Напротив, название «Другие берега» обращено к «своему» читателю, носителю общего с автором культурного кода, для которого символы изгнания, реки времени и утраченной родины являются частью коллективного бессознательного.

Таким образом, можно сказать, что Набоков, меняя название, меняет тем самым и вектор читательской рецепции.

Данное небольшое исследование позволяет говорить, что автоперевод – это сложный, комплексный процесс, затрагивающий как культурную идентичность писателя, так и изменение межтекстовых отношений «оригинал – перевод». Таким образом, автоперевод стирает границу между оригиналом и переводом, создавая диалогическое единство двух версий, каждая из которых обладает собственной художественной и культурной ценностью. Данный феномен открывает перспективы для дальнейшего изучения стратегий билингвального письма в условиях культурного пограничья.

Литература

1. Grutman R. "Self-Translation" in Routledge Encyclopedia of Translation Studies (2nd ed.), 2011. P. 257-260.
2. Hokenson J.W., & Munson M. The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation. – Manchester: St. Jerome Publishing, 2007.
3. Santoyo J.-C. "Self-Translation: The Ultimate Border-Crossing." // Translation: A Transdisciplinary Journal. 2013. № 2. P. 1-11.
4. Нестерова Н.М., Курушин Д.Д. Владимир Набоков: Автобиография и автоперевод // Владимир Набоков: писатель и переводчик. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 108-134.

© Нестерова Н.М., Сумароков Г.И., 2025

Пешкова Н.П.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ЭКОЛОГИЯ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ ↔ ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы лингвэкологии, в частности, экологичной коммуникации, включающей изучение вопросов ее нарушений и искажений. После небольшого исторического экскурса в проблему автор анализирует некоторые данные экспериментального исследования, отражающие современное состояние проблемы экологичного общения. Делается вывод непосредственной связи последнего с формированием языкового сознания социума.

Ключевые слова: лингвэкология, экологичное общение, нарушение норм языка, эрративы, языковое сознание, культурные ценности

Peshkova N.P.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

ECOLOGY OF SPEECH COMMUNICATION ↔ ECOLOGICAL LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Abstract. This article discusses the problems of linguistic ecology, particularly, ecological communication, including the study of its violations and distortions. After a brief historical overview, the author analyzes some experimental data reflecting the current state of ecological communication. It is concluded that the latter is directly associated with the development of linguistic consciousness in society.

Key words: linguistic ecology, ecological communication, violation of language norms, erratives, linguistic consciousness, cultural values

Проблемы экологичной коммуникации в современном мире представляются весьма актуальными. Тем не менее, при обсуждении этих проблем имеет смысл обратиться и к истории вопроса. Лингвистическая экология как раздел науки о языке начала формироваться во второй половине двадцатого века. Американский исследователь Э. Хауген в 1972 г. публикует статью «Экология языка», подразумевая под новым для того времени понятием раздел языкознания, изучающий язык и то, что его окружает, с точки зрения их отношений. Окружением языка выступает, безусловно, социум, использующий свой язык с целью осуществления коммуникации. Основатель лингвистической экологии приписывал ей двойственную природу, социальную и физиологическую. Первая обусловлена связью с социумом, использующим язык в качестве

инструмента коммуникации, вторая – связью с другими языками в сознании коммуникантов [1].

В 80-х и 90-х гг. прошлого века австрийский лингвист А. Филл, по сути, разработал терминологическую систему раздела языкознания, названного им эколингвистикой [2]. Помимо общего раздела эколингвистики, исследователь выделял экологию языка, занимающуюся проблемами взаимодействия языков для сохранения языкового многообразия и экологическую лингвистику, опирающуюся на принципы и использующую понятия, а, соответственно, и термины экологии как естественной науки.

В качестве перспективы исследований А. Филл предлагает три направления. Среди них: транслингвальное изучение арсенала средств какого-либо языка, принадлежащего определенной культуре, во взаимодействии с другим языком, представляющим другую культуру; интерлингвальное исследование того или иного этнического языка, функционирующего в полиязычной среде; потенциально подвергающегося угрозе исчезновения, что в перспективе может способствовать сокращению лингвистического разнообразия языков в мировом масштабе; и интралингвальное изучение проблем культуры речи, в том числе, ее нарушений и искажений [op. cit.].

Нельзя не отметить, что все упомянутые направления сохраняют свою значимость на сегодняшний день. В нашей статье мы остановимся более подробно на последнем. В отечественном языкознании в русле данных проблем можно обратиться к трудам Л.И. Скворцова, исследующего «экологию слова». Позднее российский ученый привлечет внимание представителей академической среды к важнейшему вопросу «лингвистического нигилизма», имеющего своим результатом заниженную оценку гуманитарных знаний в целом; и в частности, к проблемам «очищения русского языка от засоряющих его просторечных, диалектных, жаргонных слов, обценной лексики (вульгаризмов и мата), от ненужных (функционально неоправданных) иноязычных заимствований» [3, с. 295]. Как можно судить по современной коммуникации, ни одна из этих проблем не только не получила своего решения, но во многом, осложнилась дополнительными обстоятельствами.

О языковой «деградации» общества писал и другой российский лингвист, А.П. Сковородников, предлагавший разработать «творческие механизмы языка», с целью уменьшения подобных процессов [4, с. 5].

В 2000-ых в отечественной психолингвистике сформировалось направление, возглавляемое В.И. Шаховским и получившее название эмотивной лингвоэкологии, целью которого стало изучение различных видов речевой агрессии, противостояние им и защиту участников коммуникации от деструктивного использования языка [5].

Как отмечают многие современные исследователи, в настоящее время деструктивные процессы в процессах коммуникации, в том числе в одной из ее популярных разновидностей, в интернет-коммуникации,

отнодью не снижаются. Более того, если в начале 21-го века речь шла о «снижении стилового регистра» [6, с. 113], то сейчас, изучая русскоязычную лингвокультуру, ученые приходят к выводу об «экологическом кризисе русского языка», высокий стиль ушел из общения, «стал психологически неприемлемым, но вместо него ничего подходящего создано не было» [7, с. 36].

Нужно также отметить, что интернет-коммуникация, среди характеристик которой выделяют ее анонимность, повышенную эмоциональность, порой агрессивность, выходит за свои границы, оказывая большое влияние не только на бытовое общение, но и на профессиональное, а также на коммуникацию социума в целом.

Мы можем наблюдать сегодня, как прогнозы российских исследователей относительно пагубного влияния тенденции снижения литературного стиля и внедрения просторечья во все сферы речевой деятельности нашего общества, стали реальностью. Обсценная лексика, звучащая на городских улицах и медийной коммуникации, приобретает обыденный характер, а якобы «шуточная фраза» «Мы на мате не ругаемся – мы на нем разговариваем» стала девизом коммуникации некоторых социальных групп», отражая современные деструктивные тенденции общения, отнюдь не бытового уровня [8, с. 164].

В наших предшествующих исследованиях интернет-коммуникации мы обращались к еще одной из ее тенденций, называемой эрративизацией. Последняя, как известно, представляет собой намеренное искажение норм языка и правил коммуникации, а значит, нарушение этики и законов общения. Иными словами, является разновидностью деструктивных процессов, происходящих в речи и языковом сознании носителей языка.

При этом, часть участников интернет-коммуникации (около 20% участников нашего экспериментального исследования) оценивали обозначенные выше процессы как своего рода интернет-творчество, усматривая в эрративах инструмент выразительности речи, форму передачи оценки и эмоций, юмора или ироничного отношения к чему-либо. Они подтвердили, что используют эрративы в своей интернет-коммуникации (и не только) время от времени для того, чтобы расслабиться (помимо причин указанных выше). Большая же часть участников опроса (около 80%), включающая взрослую аудиторию участников профессионального чата и школьников выпускного класса, относятся к эрративам без осуждения, но при этом сами не используют их, ни в интернет-общении, ни за пределами интернет-коммуникации. Следует заметить, что популярность эрративов снижается особенно в последние годы. И согласно данным нашего опроса, особенно в молодежной аудитории коммуникантов [9].

В исследованиях проблемы использования молодежью обсценной лексики, осуществленных в свое время известным российским психолингвистом, И.А. Стерниным, отмечалось, что в преодолении подобных нарушений экологичности общения меньше всего работают

запреты, в то время как эффективным инструментом может стать введение ограничений в сочетании с объяснениями, где и в какой ситуации (узкий круг участников, отсутствие публичности) подобная лексика относительно возможна [10]. Возможно, снижение интереса к использованию эрративов молодежной школьной аудиторией происходит, отчасти, благодаря отсутствию запретов в интернет-коммуникации и некоторым позитивным изменениям, имеющим место в современных массмедиа.

Хотя небольшие позитивные изменения в сторону более экологичного общения, имеющие место в языковом сознании современной молодежной аудитории, о которых мы упоминаем выше, и дают надежду на определенное повышение экологичности коммуникации, говорить о решении проблемы в плане преодоления ее «загрязнения» оснований на сегодня нет. При этом нужно понимать, что проблемы экологичности общения напрямую связаны с проблемами формирования сознания носителей языка, а значит и базовых культурных и духовных ценностей молодежного социума, определяющих будущее нашего общества.

Литература

1. Haugen E. The ecology of language // Haugen E. The ecology of language: Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford Univ. press, 1972. P. 325-339.
2. Fill A. Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / ed. by A. Fill and P. Mühlhäusler. London-New York: Continuum, 2001. 305 p.
3. Скворцов Л.В. Цивилизационные опасности: Философская интерпретация. М. СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 384 с.
4. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблемы становления // Филологические науки. 1996. № 2. С. 5-9.
5. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016. 512.
6. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Перемена, 2010. 421 с.
7. Трошина 2021: Трошина Н.Н. Экология языка: аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания: Редкол.: Опарина Е.О., Раренко М.Б. М., 2020. 54 с.
8. Глущенко О.А., Гришанин Н.В., Кириллина Н.В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах. // Коммуникология. – 2021. – № 9 (4). С.160-178.
9. Пешкова Н.П., Моисеева А.В., Титлова А.С. Интернет-общение и «жизнь языка»: эрративы как одна из особенностей современной коммуникации // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 56-70.
10. Стернин И.А. Проблема сквернословия. Изд-е 5-е, доп. и перераб. Воронеж: Истоки, 2011. 23 с.

© Пешкова Н.П., 2025

Попова В.Н.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ВЛИЯНИЕ ВЫБОРА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА НА УСПЕШНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Аннотация. Общая коммуникативная компетенция способствует эффективному общению. Все компоненты общения рассматриваются в контексте взаимосвязи культур. Для построения правильных предложений и более успешного взаимодействия говорящих огромную роль играет правильный выбор значения слова и обоснованность такого выбора.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, эффективное общение, коллокация, значение слова, грамматические структуры.

Popova V.N.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

THE IMPACT OF CHOOSING THE MEANING OF A WORD ON SUCCESSFUL COMMUNICATION

Abstract. General communicative competence contributes to effective communication. All components of communication are considered in the context of the relationship between cultures. The correct choice of word meaning and the validity of this choice play a crucial role in constructing correct sentences and facilitating successful communication between speakers.

Key words: communicative competence, effective communication, collocation, word meaning, grammatical structures.

Для межкультурной коммуникации одним из главных моментов следует отметить общую коммуникативную компетенцию, которая способствует эффективному общению. Эта компетенция охватывает лингвистическую, социокультурную, стратегическую и межпредметную коммуникацию. Все компоненты этой направленности рассматриваются в контексте взаимосвязи культур. Для составления правильных предложений и более успешного взаимодействия собеседников, огромную роль играет коллокация, то есть наличие словосочетаний, выражений, обусловленных наиболее частым использованием в речи носителями языка, которые обозначают строго определенное значение данного слова или выражения. Некоторые исследователи считают, что слова в коллокации должны образовывать устойчивое сочетание, должны быть ассоциированы друг с другом. Немаловажным критерием остается *некомпозициональность сочетания*. В лингвистике некомпозициональными называются словосочетания, общее значение которых не складывается из значений каждого слова.

Значение слова представляет собой составную, но неразделимую единицу, ядро этой единицы составляет значение корневой морфемы, дополненной и находящейся под влиянием значений грамматических и словообразовательных морфем. Такие морфемы также эффективны, если они не выражены чисто формально, так как слова без словообразовательных морфем принадлежат определенной части речи, а слово без особой грамматической морфемы может, например, в немецком языке указывать на падеж единственного числа. Подобное сочетание значений различных элементов позволяет слову выполнять двоякую задачу: вызывать в сознании образы и связывать их осмысленно в речи и в мышлении, то есть вызывать образы в сознании и воспроизводить их в своей речи для общения.

Введение идиом от корневых и словообразовательных морфем, с которыми они входят в структуру сочетания, обусловлено выбором слова и его функцией в предложении:

Что касается многозначности слов, то общее значение слова может подразделяться еще и в других отношениях. Словосочетание состоит из двух или более семем, которые также называются вариантами значений в отношении общего формата. Без текстового содержания, например, в виде перечислений или в виде ключевого слова будет налицо искажение смысла, и как следствие, недопонимание сторон. Поэтому всегда рассматривается базовый компонент – общее значение, а также влияние другого компонента, например, временной, пространственно-временной, либо условный компонент.

Таким или подобным образом, варианты значений всех неоднозначных слов могут быть логически более или менее четко разделены. Как правило, выделяют постоянно существующий смысловой признак, к которому добавляются другие признаки в чередующихся сочетаниях.

Четкие границы для разделения общего значения несвязанного, отдельного слова трудно провести, так как субъективное влияние и лингвистические правила постоянно создают новые пересечения. Порядок вариантов также часто может быть спорным, если рассматривать эти варианты значений исторически.

Однако, если в качестве ориентира взять современный язык, в нем обычно используется вариант значения, который можно рассматривать как основной, то есть который появляется в сознании большинства представителей языкового сообщества при изолированном упоминании этого слова. Зачастую это наиболее конкретный, наиболее легко воспринимаемый чувствами вариант, в то время как остальные, в большей степени, имеют абстрактные или образные элементы, насколько это вообще допускается смысловым содержанием. Но подобное слово ясно показывает, что роль главного значения, первоначально обозначавшего условный процесс, берет на себя один из вариантов значения, обусловленного особенностями общественных отношений. Чисто образная

же передача значения, напротив, заключается в том, чтобы выразить именно свое отношение, свои чувства к действию.

В основном в языке рассматриваются два случая передачи смысла или переосмысления: существенное сходство между предметом основного значения и вариантом (метафорический перенос): *der Flügel - крыло птицы или рояль как музыкальный инструмент; крыло как части ворот или здания, крылья воображения*, и, например, передача логического соотношения (метонимический перенос): *das Glas - стекло как материал, стекло как сосуд или устройство из этого материала, стекла в качестве содержимого сосуда*.

В общении редко встречаются отдельные слова, т. е. слова без связи с другими словами текста или речи и встречной речью. Сущность и структура слова показывают, что оно в словосочетании определяется двумя основными формами: одна из форм слова - это гибкие, часто нечетко определяемые отношения, которые выделяют слово на основе значения, а также основной или словообразовательной морфемы и этим указывают на некоторые иные области значения. Возможности этих отношений широки и разнообразны и соответствуют любому намерению говорящего, но для этих отношений установлены границы. Если выбрано слово для высказывания, то дальнейший ход речи определяется содержанием и структурой, установленной в определенном направлении, и каждое последующее слово будет сужать выбор значения. По мнению Л.С. Выготского человек почти не осознает предпосылок при разговоре, но знает, как использовать и учитывать обязательные правила. Слово так же связано с функцией сообщения, осмысливания, понимания, как для ребенка, так и для взрослого человека. [1, с. 85]

Следует отметить группы, которые наиболее часто используются и при упоминании слова, первыми приходят в сознание: *die Wäsche* (например, стирка + стирка, сушка, глажка, грязная, чистая).

К этому кругу вопросов не относятся отношения и порядок слов, основанных на равенстве или сходстве значений (синонимия в узком и широком смысле). Те слова, которые им соответствуют, служат предпосылкой для высказывания, а также понимания сказанного. Необходимое выражение для оформления мысли возникает только благодаря регулируемому сочетанию этих слов.

Характер речевого процесса требует разложить комплексы высказывания на отдельные их части, выраженные словами, и превратить высказывание в последовательное объяснение, чтобы собеседник понимал, что ему хочет донести говорящий.

Все виды грамматической связи здесь сводятся, в сущности, к нескольким пунктам: взаимосвязь высказываний, дополнение, расширение и применение. Таким образом, несмотря на разнообразие возможных комбинаций, выражение отношений между значениями слов ограничивается определенными типами. На протяжении столетий эти комбинации удовлетворяют потребности языкового сообщества и

составляют основу всей речи. Базовые нововведения происходят в области словарного запаса. Слова или шаблон сочетаний дополняются и изменяются. Новшества в жесткой системе грамматики могут вводиться постепенно, они сохраняются сначала как ложный, затем как необычный и, наконец, как равный компонент. Слово означает прочное единство формы и значения.

Общим, неизменным смысловым ядром стволочной морфемы является причина, почему мы используем такие различные формы. В нашем языковом сознании, единство слова, несмотря на все формы и различия, обеспечивается общностью смысла. Вероятно, источником языкового развития является не врожденная схема, а деятельность и правила деятельности, как указывает А.М. Шахнарович. [2, с. 188]

Связь с другими словами, употребление соответствующих форм, определяется вариантами лексического значения. Это указывает на определенную группу слов и, обычно, только один вариант использования в речи. Результатом устранения двусмысленности являются предварительные единичные замены без искажения смысла. В качестве примера рассмотрим значение слова: *die Sicherheit* 1. (*Gewissheit*), 2. (*Gefahrlosigkeit*), 3. (*Unfehlbarkeit*.) 4. (*Selbstsicherheit*, *Entschiedenheit*, *Gewandtheit*). 5. (*Garantie*). [3, с. 574] Для каждого из пунктов используются определенные глаголы при построении высказывания, в этом виде речевой деятельности при подборе более точного построения фразы проявляются умения и знания говорящего. Чтобы добиться нужного результата собеседнику важно не исказить информацию, а более точно ее передать и получить ответ. Для данной деятельности ему необходимо иметь достаточный уровень языковых знаний с учетом сочетаемости лексических средств и изменения значений в зависимости от выбора значения.

Для успешного освоения правил словообразования используют семантику, семантические структуры, которые формируются в ходе овладения коммуникативными элементами. Это в свою очередь указывает на то, что языковые способности тесно связаны с когнитивными структурами.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь: сборник / Лев Выготский: АСТ: Астрель; Москва; 2011.
2. Шахнарович А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185-220.
3. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch/hrsg. von Erhard Agricola unter Mitw. Von Herbert Görner und Ruth Küfner. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1992.

© Попова В.Н., 2025

Салимов Р.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

РЕДУКЦИЯ СЛОВ И УСЕЧЕНИЕ В АНГЛИЙСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕЧИ: ТЕНДЕНЦИИ И КОНТЕКСТЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются процессы редукции и усечения как проявления языковой экономии в современной англоязычной интернет-коммуникации. Материалом исследования послужили тексты из корпуса **GLoWBE (Corpus of Global Web-Based English)**, отражающего особенности интернет-дискурса в различных национальных вариантах английского языка. В работе анализируются наиболее частотные типы сокращённых форм, включая усечённые слова, разговорные редукции, а также гибридные и креативные варианты. Особое внимание уделяется прагматическим функциям редукции — экономии времени, выражению неформальности и формированию цифровой идентичности. Установлено, что редукция в англоязычном интернет-дискурсе выступает не только средством языковой экономии, но и важным механизмом адаптации языка к особенностям онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: редукция, усечение, языковая экономия, интернет-коммуникация, английский язык, цифровой дискурс, сокращения.

Salimov R.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

WORD REDUCTION AND TRUNCATION IN ENGLISH INTERNET SPEECH: TRENDS AND CONTEXTS OF USAGE

Abstract. The article examines the processes of reduction and truncation as manifestations of linguistic economy in modern English-language Internet communication. The research material is based on texts from the GLoWBE corpus (Corpus of Global Web-Based English), reflecting the features of Internet discourse in various national versions of English. The paper analyzes the most common types of abbreviated forms, including truncated words, colloquial reductions, as well as hybrid and creative variants. Special attention is paid to the pragmatic functions of reduction — saving time, expressing informality and forming a digital identity. It has been established that reduction in English-language Internet discourse is not only a means of language economy, but also an important mechanism for adapting language to the peculiarities of online communication.

Key words: reduction, truncation, language economy, Internet communication, English, digital discourse, abbreviations.

Одним из ключевых направлений современных лингвистических исследований является изучение влияния интернет-коммуникации на структуру языка. Новые формы общения, возникающие в цифровой среде, способствуют появлению гибридных языковых практик, в которых традиционные нормы письменной речи подвергаются пересмотру. Как справедливо отмечает Дэвид Кристал в работе «*Language and the Internet*», «Интернет произвёл революцию в письменной речи, введя в неё черты устной коммуникации и создав тем самым новый лингвистический гибрид». [1, с. 12]

В качестве основного **эмпирического источника** использовался корпус **GLoWBE (Corpus of Global Web-Based English)** [2], содержащий около 1,9 миллиарда слов из интернет-текстов различных жанров (форумы, блоги, новостные сайты и комментарии) в двадцати национальных вариантах английского языка. Для извлечения примеров редуцированных и усечённых форм применялись поисковые запросы по ключевым лексемам (*app, info, pic, convo, probs, defs, srsly* и др.). Полученные контексты были проанализированы с точки зрения их частотности, жанрового распределения и прагматических функций. При интерпретации данных использовались методы **количественного анализа** (подсчёт частот и относительных долей) и **качественного контекстуального анализа**, направленного на выявление коммуникативных условий употребления сокращённых форм. Такой подход позволил определить общие тенденции редукции и усечения в современном англоязычном интернет-дискурсе и установить их связь с процессами языковой экономии.

Анализ корпуса GloWbE показывает, что в онлайн-овом английском наиболее продуктивны **несколько типов редукции**: (1) усечения (*clipping*) — *app, pic, vid, convo, ad*; (2) разговорные графические редукции — *thx, pls, probs, defs, srsly*; (3) сокращённые или фонетические формы/контракции — *gonna, wanna, gotta, u, ur* (Davies, 2013). GloWbE фиксирует устойчивую частотность многих из этих форм в различных жанрах веб-текста, причём **усечения, такие как *app* и *pic*, уже имеют массовое распространение в корпусе**. Это согласуется с наблюдениями, что усечения переходят в нейтральную лексику сетевого английского [1, с. 64].

Корпусный разбор показывает неоднородность распределения редукций по жанрам. В GloWbE усечённые формы и разговорные редукции наиболее плотны в жанрах **форумы, блоги, секции комментариев и UGC (user-generated content)**; в новостных редакционных жанрах и официальных текстах их доля существенно ниже. К примеру, усечение *app* сосредоточено преимущественно в технологических контекстах (обсуждение мобильных приложений, новости в сфере ИТ), тогда как разговорные сокращения (*thx, pls*) сильно доминируют в чатовых, комментарных и форумных контекстах. Такие распределения подтверждают, что редукция коррелирует с диалогичностью и интерактивностью жанра.

На основе количественного учёта в корпусе и качественного контекстуального анализа выделяются четыре группы функций редукции:

1. **Экономия усилий / скорость коммуникации.** Как верно отметила Е. С. Конопкина «Усечение представляет собой один из наиболее продуктивных способов компрессивного словообразования современного английского языка, обусловленный тенденцией к языковой экономии» [3, с. 45]. Данное наблюдение подтверждается современными тенденциями развития английского языка, где усечённые формы выступают не только средством сокращения речевого высказывания, но и инструментом выражения неформальности, спонтанности и коммуникативной гибкости. Использование таких единиц, как *app*, *pic*, *info* или *convo*, отражает стремление носителей языка к оптимизации речевых средств при сохранении смысловой ёмкости и эмоциональной окраски высказывания. Следовательно, усечение можно рассматривать как один из ключевых механизмов **адаптации лексической системы** к потребностям динамичного и интерактивного общения, характерного для современной коммуникационной среды.

2. **Идентификационная функция (социальная маркировка).** Сокращения сигнализируют принадлежность к группе, возрастному слою или субкультуре. Российские исследования подчеркивают роль таких маркеров в формировании сетевой идентичности.

3. **Экспрессивно-эмоциональная функция.** Редукция усиливает эмоциональную окраску высказывания (например, *srsly?! + эмодзи*) — этот эффект фиксируется как в корпусном контексте, так и в качественном разборе. По мнению Л.С. Гаиловой, усечённые формы часто приобретают экспрессивную функцию, передавая эмоциональное отношение автора и создавая эффект разговорной непосредственности [4, с. 112]. Эта позиция подчёркивает, что редукция не ограничивается экономией языковых средств, а служит инструментом выражения индивидуальности и эмоционального состояния автора. Усечённые формы в неформальной письменной речи позволяют передать разговорный тон и приблизить письменное высказывание к устной спонтанности. Таким образом, редукция выступает как средство **экспрессивной адаптации языка**, обеспечивающее баланс между краткостью формы и выразительностью содержания.

4. **Визуально-эстетическая функция.** Короткие формы облегчают вертикальное восприятие потоков комментариев и облегчают «сканирование» текста пользователями.

Количественно: при выборочном подсчёте по наборам страниц/документов GloWbE частоты отдельных усечений (например, *app*, *pic*, *vid*) превышают частоты редких неологизмов в тематически близких корпусах; это указывает на продуктивность процесса усечения как словообразовательного способа в интернете.

GloWbE как корпус глобального веб-английского показывает, что интенсивность и тип редукций варьируются между национальными

вариантами английского: американский английский демонстрирует наибольшую плотность «технических» усечений (*sub, vid, app*), британский — более осторожное внедрение разговорных графических сокращений. В целом, можно отметить, что у разных национальных выборок веб-корпусов проявляются свои локальные предпочтения в редукции.

Анализ контекстов выявил ряд вполне очевидных ограничений: когда сокращение затрудняет декодирование (например, малоизвестные аббревиатуры или креативные усечения вне контекста), оно снижает эффективность коммуникации и требует последующей разъяснительной реакции (например, пояснения в комментарии). Часто при общении между отличными возрастными группами такие сокращения вызывают недопонимание и эскалацию пояснений. Это показывает, что экономия оправдана лишь при наличии общих кодов и контекстуальной опоры.

Наконец, наблюдается тенденция **институционализации** отдельных усечений: формулы вроде *app, info, ad* фиксируются в официальных словарях и технической документации, что указывает на устойчивую нормализацию ряда сокращённых форм. Нельзя не отметить, что повсеместное заимствование и адаптация англоязычных усечений влияет и на рунет-лексикон в том числе.

Проведённое исследование показало, что процессы редукции и усечения представляют собой устойчивую и закономерную тенденцию развития современного английского языка в интернет-пространстве. Данные явления активно функционируют в английском языке, при этом их интенсивность и формы варьируются в зависимости от жанра и коммуникативной ситуации. Наиболее продуктивными оказались **усечения (clippings)** и **разговорные графические редукции**, которые обеспечивают лаконичность, экспрессивность и удобство коммуникации.

Редукция в онлайн-дискурсе выполняет не только **экономическую**, но и **социокультурную** функцию. Подтверждая слова О.Б. Максимовой о том, что язык интернет-коммуникации демонстрирует особую зависимость формы выражения от социально-коммуникативных условий: сокращения служат не только экономии, но и самопрезентации участников общения [5, с. 79] следует отметить, что подобная многофункциональность языковых сокращений отражает социальную природу цифрового общения. Редукция в этом контексте становится не просто средством экономии, но и инструментом выражения идентичности, принадлежности к определённому сообществу и стремления поддерживать неформальный, доверительный стиль коммуникации. Таким образом, использование сокращённых форм в интернет-речи обусловлено не только лингвистическими, но и **социокультурными факторами**, формирующими специфический стиль взаимодействия в онлайн-среде. Таким образом, редукция в интернет-речи является средством **языковой адаптации** к новой цифровой среде, где скорость реакции, визуальная компактность и эмоциональная насыщенность становятся ключевыми параметрами коммуникации.

Особое значение имеет наблюдаемая тенденция **институционализации** отдельных сокращённых форм, которые переходят из области сетевого сленга в общеупотребительную лексику. Это свидетельствует о том, что языковая экономия уже давно не является редким явлением, а выполняет **системообразующую роль** в развитии современной англоязычной нормы.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что редукция — это не просто орфографическое упрощение, а **многофункциональный механизм**, отражающий когнитивные, прагматические и социальные изменения в коммуникации. В перспективе представляется целесообразным расширить исследование за счёт анализа **динамики редукций во временном аспекте**, а также сопоставления с другими корпусами (COCA, NOW, iWeb), что позволит уточнить траектории лексических и словообразовательных изменений под влиянием цифровых технологий.

Таким образом, редукция и усечение в интернет-дискурсе — это не случайные искажения, а закономерное проявление **языковой экономии**, направленное на оптимизацию коммуникации в условиях глобальной цифровой среды.

Литература

1. Кристал Д. Язык и Интернет / пер. с англ. под ред. А.Е. Кибрика. М.: Издательство ЛКИ, 2004. 272 с. (Оригинал: Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.)
2. Davies M. Corpus of Global Web-Based English (GloWbE): 1.9 billion words from speakers in 20 countries [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/glowbe/>, дата обращения: 16.10.2025.
3. Конопкина Е.С. Усечение как способ компрессивного словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 6. С. 44-47.
4. Гаибова Л.С. Усечённые лексические единицы на страницах англоязычной прессы // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2017. № 1 (403). С. 110-114.
5. Максимова О.Б. Язык в интернет-коммуникации: общие закономерности и национально-культурные особенности (на материале русского и английского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 2. С. 77-82.

© Салимов Р.А., 2025

Терентьев О.С., Нигматуллина А.Р.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода культурно-специфической лексики (КСЛ) на материале телесериала «Игра Престолов». Особое внимание уделяется проблеме асимметрии лингвокультурных кодов при локализации художественного текста и выявлению закономерностей применения переводческих трансформаций. В работе анализируются существующие классификации культурно-специфической лексики, предложенные отечественными исследователями, в том числе концепции С. Влахова и С. Флорина, Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о системности используемых переводческих стратегий и их роли в передаче культурных концептов оригинала при адаптации произведений массовой культуры.

Ключевые слова: культурно-специфическая лексика, реалии, прецедентные феномены, аудиовизуальный перевод, лингвокультурология, переводческие трансформации.

Terent'yev O.S., Nigmatullina A.R.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

TRANSLATION OF CULTURE-SPECIFIC UNITS

Abstract. The article examines the specifics of translating culture-specific units (CSU) using the series Game of Thrones as a case study. Special attention is given to the asymmetry of linguistic and cultural codes in the localization of literary texts and to the identification of patterns in the use of translation transformations. The study analyzes the main classifications of culture-specific units proposed by Russian scholars, including the frameworks of S. Vlachov and S. Florin, E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov. The analysis reveals the systematic nature of translation strategies and their role in conveying cultural concepts of the original when adapting works of popular culture.

Key words: culture-specific units, realia, precedent phenomena, audiovisual translation, linguoculturology, translation transformations.

Аудиовизуальная культура активно развивается, и жанр фэнтези занимает в ней одно из лидирующих мест. Миры, создаваемые авторами фэнтези, основаны на уникальных системах ценностей, традиций, мифологических и этнографических элементов, что делает процесс перевода особенно сложным и многослойным. Одной из ключевых

проблем при локализации таких произведений становится передача культурно-специфической лексики, обнажающей асимметрию лингвокультурных кодов. Актуальность темы связана с растущей ролью аудиовизуальных произведений жанра фэнтези в формировании глобального культурного пространства. Целью данного исследования явилось выявление системности применяемых переводческих трансформаций и оценка их влияния на передачу исходного культурного концепта.

Под культурно-специфической лексикой (КСЛ) подразумеваются языковые единицы, которые служат носителями культурного кода и особенностей менталитета лингвокультурного сообщества. Данная лексика выполняет функцию маркера интертекстуальности, отсылая адресата к внешним культурным контекстам и интегрируя его в единое семиотическое поле конкретной культуры.

В академической среде существует заметная тенденция к синонимизации понятий «культурно-специфическая лексика» и «реалии». Несмотря на то, что теоретически «реалии» — это сами феномены культуры, а «лексика» — их языковые репрезентанты, на практике провести между ними четкую грань оказывается затруднительно. Ведь, описывая реалию, мы неизбежно обращаемся к ее языковому выражению, и наоборот. В силу этой двойственной природы многие ученые используют эти термины как равнозначные, подчеркивая тем самым единство внеязыкового культурного феномена и слова, его кодирующего.

Самую полную и современную классификацию реалий в своем труде «Непереводимое в переводе» изложили С. Влахов и С. Флорин. Классификация, основанная на предметном делении, выглядит следующим образом:

1. Географические реалии (названия географических объектов и присущих им эндемиков);
2. Этнографические реалии (пища, одежда, жилье, орудия труда, предметы искусства, обычаи, ритуалы, мифология);
3. Общественно-политические реалии (административно-территориальные единицы, населенные пункты, части населенного пункта, органы и носители власти, общественно-политическая жизнь);
4. Военные реалии (подразделения, оружие и обмундирование, военнослужащие и командиры) [1, с. 51-56].

Однако, более глубокий подход предполагает рассмотрение КСЛ через призму лингвокультурологии. С этой точки зрения, ядро проблемы перевода составляют не отдельные слова, а стоящие за ними культурные концепты и сценарии, чуждые воспринимающей культуре. В рамках современного подхода к изучению КСЛ научный дискурс признает существование дополнительных групп лексических единиц.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров считают целесообразным отнести к КСЛ фразеологизмы и разговорные выражения, поскольку они отражают национальную культуру комплексно, всеми своими элементами, взятыми

вместе, т.е. своими идиоматичными значениями. Некоторые фразеологизмы называют также явления прошлого и настоящего государства, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах [2, с. 68].

В еще одну группу КСЛ можно вынести прецедентные феномены, поскольку данные единицы передают культурную информацию и отражают категории культуры [3, с. 87]. Под прецедентными феноменами понимаются «феномены, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым неоднократно возобновляется в дискурсе» [4, с. 216]. К числу прецедентных феноменов относятся прецедентные имена (антропонимы, топонимы, эргонимы) и прецедентные высказывания (паремия, художественная и ассоциативная аллюзия).

Таким образом, в современном переводе КСЛ рассматривается как многоуровневое явление. Соответственно, ее перевод требует не буквальной, а адаптационной стратегии с учетом всех культурных различий и целевой аудитории.

Для анализа способов передачи культурно-специфической лексики обратимся к примерам из официального русскоязычного дубляжа телесериала «Игра Престолов»:

1. Транслитерация и транскрипция. Прямое заимствование графической или звуковой формы иностранного слова. Помогает сохранить оригинальную форму и фонетику, обеспечивая узнаваемость ключевых культурных терминов и имен собственных без потери их идентичности. Часто используется при переводе антропонимов, географических и этнографических реалий: *Daenerys Targaryen* – Дейнерис Таргариен (транскрипция), *Jon Snow* – Джон Сноу (транскрипция), *Essos* – Эссос (транслитерация), *Westeros* – Вестерос (транслитерация), *Spicetown* – Спайстаун (транскрипция). Нередко используется комбинирование приемов: *Dorne* – Дорн (совмещение транскрипции Дон и транслитерации Дорне), *Highgarden* – Хайгартен (совмещение транскрипции Хайгадн и транслитерации Хигхгартен), *Harrenhal* – Харренхолл (совмещение транслитерации Харренхал и транскрипции Харенхол).

2. Калька. Дословный перевод каждого компонента сложного слова или выражения. Позволяет донести внутреннюю форму и образность исходного термина, делая его прозрачным для понимания, при этом полностью адаптируя к грамматике языка перевода. Из-за различия языков переводчики в основном используют калькирование с сегментацией: *Stormlands* – Штормовые земли, *Riverlands* – Речные земли, *Runestone* – Рунный камень, *Bitterbridge* – Горький Мост. Также можно заметить калькирование с грамматическим замещением: *Street of Silk* – Шелковая улица (калькирование и грамматическое замещение английской *of-phrase* с существительным *silk* прилагательным *шелковая*), *Driftwood Throne* –

Плавниковый Трон (калькирование с грамматическим замещением, существительное *driftwood* заменено на прилагательное *плавниковый* для благозвучия).

3. Полукалька. Помогает сбалансировать между сохранением узнаваемости ключевого элемента и адаптацией понятной части термина, облегчая его восприятие для реципиента. *Oldtown – Старомест* (первая часть сохранена, вторая *town* генерализована до *место*), *Casterly rock – Утес Кастерли* (первая часть передана транслитерацией, вторая – путем семантического перевода), *Second Sons – Младшие Сыновья* (В отряд вступают младшие сыновья знатных лордов, которые не претендовали на титул, поэтому не видели смысла дальше жить со своими семьями. В первой части используется контекстуальный перевод, подразумевая, что в отряд вступают не только вторые, но и третьи и последующие сыновья знатных семей; вторая часть передана семантическим путем).

4. Описательный перевод. Замена единичного понятия описанием его значения или функции. Используется, когда дословная передача невозможна или неуместна. В аудиовизуальном переводе, особенно при работе с дубляжом или озвучкой, где критически важно совпадение артикуляции и длительности фразы (липсинк), описательный перевод используется редко. Часто развернутое описание просто не помещается в отведенные временные рамки. *Bowl of brown – бурая жижа* (Блюдо, распространенное среди беднейших слоев населения Королевской Гавани. По консистенции напоминает рагу, куда входят любые доступные повару ингредиенты: крупа, овощи и мясо — от голубинового до крысиного. Переводчик использует описательный перевод, чтобы раскрыть для зрителя суть этого блюда).

Для более полного понимания эффективности переводческих стратегий недостаточно рассматривать лишь один, даже официальный, вариант локализации. Целесообразно обратиться к сравнительному анализу с альтернативными переводами. Обратимся к сравнению официального русского дубляжа «Игры Престолов» и популярной любительской озвучки, выполненной студией Fox.

При переводе прозвища одного из персонажей были применены принципиально разные подходы. Петир Бейлиш получил прозвище *Little Finger* из-за небольшого роста и происхождения. Родовые земли героя находились на скалистых берегах, называемых в народе «Пальцами». Переводчики официального дубляжа воспользовались семантическим переводом и назвали персонажа *Мизинцем*. В данном случае этого достаточно для полного понимания зрителем. Студия Fox выбрала вариант *Литтл Фингер* с полной транслитерацией. Переводчик сохранил оригинальное звучание, но опустил важную для зрителя смысловую нагрузку прозвища и его связь с культурным контекстом вымышленного мира.

Аналогичное расхождение наблюдается в передаче авторского неологизма *Direwolf*. Данное слово означает вымышленного животного,

напоминающего волка, но значительно крупнее и опаснее последнего. В официальном дубляже переводчик использует метод калькирования, где компонент *dire-* передан лексемой *лютый*, и называет животное *Лютоволк*. Студия Фох выбирает стратегию упрощения, опустив смыслообразующую часть слова и оставив лишь общее понятие *Волк*. Подобный подход нивелирует важное для сюжета отличие фантастического существа от его реального прототипа, что приводит к существенной потере культурной и нарративной информации.

Проведенное исследование на материале телесериала «Игра Престолов» подтверждает, что эффективный перевод КСЛ строится на системном применении адаптационных стратегий. Оптимальный результат достигается при комбинировании различных переводческих трансформаций.

Таким образом, мы можем сделать вывод о необходимости комплексного подхода к переводу КСЛ, учитывающего как лингвистические, так и культурологические аспекты. Полученные результаты могут быть использованы в практике перевода, лингвистических исследованиях и педагогической деятельности.

Литература

1. Влахов С. Непере译имое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990. 246 с.
3. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 1 / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 82-103.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.

© Терентьев О.С., Нигматуллина А.Р., 2025

УДК 81'255

Терентьев О.С., Сергеева П.И.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ПЕРЕВОД ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ДИАЛОГОВ НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «ОТЧАЯННЫЕ ДОМОХОЗЯЙКИ»

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода юмористических диалогов на примере сериала «Отчаянные домохозяйки». Авторами был проведён сравнительный анализ оригинальных английских текстов и официальных русских версий (дубляжа и субтитров) с использованием

метода выборки, а также контекстного и трансформационного анализа. Теоретическую основу исследования составили концепция функциональной эквивалентности Юджина Найда и классификация переводческих трансформаций Л.С. Бархударова.

Ключевые слова: юмор, аудиовизуальный перевод, переводческие трансформации.

Terent'yev O.S., Sergeyeva P.I.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

TRANSLATION OF HUMOROUS DIALOGUES ON THE MATERIAL OF THE SERIES «DESPERATE HOUSEWIVES»

Abstract. The article discusses the problem of translating humorous dialogues using the example of the TV series Desperate Housewives. For this purpose, a comparative analysis of the original English texts and the official Russian versions (dubbing and subtitles) was carried out using sampling methods as well as contextual and transformational analysis. The theoretical basis of the research was the concept of functional equivalence by Eugene Nida and the classification of translation transformations by L.S. Barkhudarov.

Key words: humor, audiovisual translation, translation transformations.

В условиях современной глобализации медиа и преобладания аудиовизуального контента перевод становится важным инструментом для поддержания межкультурного общения. Особенно сложной задачей для переводчика являются комедийные сериалы, поскольку их успех у зарубежной аудитории зависит от правильной передачи юмора. Юмор разных видов – ирония, сарказм, каламбуры, гиперболы – создает в переводе высокую степень риска, так как буквальный перенос обычно лишает высказывание комического эффекта [1, с. 174]. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в условиях глобализации медиа и роста популярности стриминговых сервисов перевод аудиовизуального контента, особенно комедийных сериалов, играет важную роль в обеспечении успешной межкультурной коммуникации. Целью работы стало выявление и анализ ключевых стратегий и переводческих трансформаций, применяемых при адаптации юмора в аудиовизуальном переводе.

Американский теоретик и лингвист Юджин Найда выделял два основных типа эквивалентности в переводе – формальную и динамическую. Формальная эквивалентность предполагает буквальное, дословное соответствие между исходным текстом и переводом. Динамическая же эквивалентность ориентирована на функциональное соответствие, когда главной задачей является вызов у получателя перевода такой же реакции, какую вызывает оригинальный текст у своей аудитории [2, с. 127]. Это особенно важно при передаче юмора, где буквальный

перевод часто не передаст комический эффект, связанный с культурными, языковыми и социальными контекстами. Поэтому для успешной передачи шутки между языками ключевым является не точность слов, а сохранение юмористического воздействия.

Достижение переводческой эквивалентности («адекватности перевода») требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования – так называемые переводческие трансформации – с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ [3, с. 167]. Все виды преобразований или трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, можно свести к четырем элементарным типам, а именно: перестановки, замены, добавления и опущения.

К заменам относятся, в частности, замены форм слова, частей речи, членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, лексические замены (конкретизация, генерализация, замена следствия причиной), антонимический перевод и компенсация [4, с. 128]. Рассмотрим те из них, которые используются для передачи юмора в сериале «Отчаянные домохозяйки»:

Gaby: I don't understand. How could you not know you're Mexican? We eat Mexican food all the time. Juanita: We eat Chinese food, too. Does that mean I'm Chinese?	Габи: Как такое произошло? Ты не знала что ты мексиканка? Мы же едим мексиканскую еду. Хуанита: Мы и китайскую едим. Значит, я китаянка?
---	--

В данном диалоге при переводе было применено несколько приемов. Изначальный оригинал “I don't understand” был переведен с помощью смыслового развития и логической замены – «Как такое произошло?» (ср. с букв. «Я не понимаю.») Для большего лингвистического уподобления был использован ряд добавлений, а именно частица «же» и союз «и». В результате язык перевода можно расценить как более естественный, коллоквиальный и понятный для зрителя.

G: There is no way you crawled down that trellis, because I just tried to, and it collapsed on top of me! What's your answer to that? A: I don't know. Pull back on the carbs and try again in two weeks ?	Г: Ты не могла слезть по решетке, потому что я пробовала, и она обрушилась подо мной. Что ты на это скажешь? А: Я не знаю. Ешьте меньше углеводов и попробуйте снова.
---	---

В данном случае был использован прием лексической замены, выражение “pull back” переведено как «ешьте меньше». Дословный перевод данного выражения (откажитесь от углеводов) не будет уместен,

так как теряется юмористический эффект. Обратим внимание, что адвербиальная конструкция “in two weeks” была опущена, чтобы подчеркнуть эмоциональный фон диалога и обозначить некоторую степень резкости ответа.

<p>Carlos: Do you know who you are, Gabby? You are kind of person who would've turned away Mary and Joseph from the inn. Gaby: Well, they should've called ahead.</p>	<p>Карлос: Знаешь кто ты, Габи? Ты вроде тех, кто отказал Деве Марии и Иосифу в ночлеге. Габи: Да! Надо было бронировать номер.</p>
--	--

Переводчик использовал прием конкретизации при переводе слова “inn” – «ночлег» (ср. с букв. «гостиница, постоялый двор»). Также при передаче имени библейского персонажа был использован прием добавления (Дева Мария, а не просто Мария). Это обусловлено тем, что в русской православной традиции это стандартное и узнаваемое наименование. “Called ahead” передано как «бронировать номер», что указывает на использование приема замены. А перевод слова “well”, что дословно можно передать как «что ж», указывает на использование приема компенсации. «Да!» в данном случае передает язвительный и саркастический тон героини.

<p>Susan: I just think, if I start acting like an adult for once, maybe... who knows, somewhere down the line Mike and I at least can be friends Edi: All right, you're not Zen. You're numb.</p>	<p>Сьюзан: Может, если я в кои-то веки буду вести себя как взрослый человек, то когда-нибудь Майк поймёт меня и простит. Иди: Это не философия. Маразм!</p>
---	--

При переводе данного отрывка диалога реплики героини Сьюзан были переведены с помощью приемов опущения (“I just think”; “who knows”; “at least”), лексической замены (“somewhere down the line” – «когда-нибудь») и генерализации (“for once” – «в кои-то веки»). Также, при переводе фразы “can be friends” переводчик заменяет следствие на его причину (в пер. «поймёт меня и простит»). Разбирая реплику Иди, можем говорить об использовании генерализации (Zen) и конкретизации (numb). “Zen” – это конкретное восточное философско-религиозное понятие, символизирующее спокойствие, принятие и просветление. Для русскоязычного зрителя, не погруженного глубоко в контекст, прямой перевод мог бы показаться не совсем понятным. «Философия» – это обобщение, которое передает суть: Сьюзан пытается выдать свое поведение за мудрую жизненную позицию. Лексема “numb”, согласно словарю, означает «оцепеневший», «бесчувственный», «апатичный» [5]. Переводчик выбирает резкое и стилистически окрашенное слово «маразм»

(в разговорной речи – глупость, безумие, упадок). Эта замена идеально соответствует язвительному и прямолинейному характеру Иди.

Таким образом, можем сделать вывод, что при переводе юмористических диалогов допускается использование дословного перевода, если это не мешает передать шутку адекватно и понятно для русскоязычной аудитории. Однако в большинстве случаев применяются разные переводческие трансформации, даже незначительные. Практически все описанные выше переводческие трансформации Л.С. Бархударова были использованы при переводе диалогов. Такие приемы и трансформации позволяют грамотно передать тонкости юмора языка оригинала, а также сохраняют эмоциональный контекст разговора, включая колкости, язвительные шутки и черный юмор.

Литература

1. Колосов С.А. Юмор в аудиовизуальном переводе: динамика смыслообразования // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2025. № 2 (85). С. 174-180.

2. Nida E.A. Language, culture, and translating / E.A. Nida. Hong Kong: Shanghai Foreign Language Education Press, 1993. 208 с.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

4. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.

5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/numb> (дата обращения: 23.10.2025).

© Терентьев О.С., Сергеева П.И., 2025

УДК 81'23

Титлова А.С.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ МЕДИАТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена изучению такой характеристики внутренней структуры медиатекста, как эмотивность. Прослеживается связь эмотивности медиатекста с оценочностью. Приводятся примеры реализации категории эмотивности в медиатексте малого объема.

Ключевые слова: эмотивность, оценочность, медиатекст, внутренняя структура, агенс, реципиент.

THE CATEGORY OF EMOTIVENESS AS A CHARACTERISTIC OF THE INTERNAL STRUCTURE OF MEDIA TEXT

Abstract. This article examines emotiveness, a characteristic of the internal structure of a media text. The relationship between emotiveness and evaluativeness is explored. Examples of how emotiveness is implemented in short media texts are provided.

Key words: emotiveness, evaluativeness, media text, internal structure, agent, recipient.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что на любом этапе «жизни» текста – при его порождении, его восприятии, понимании и интерпретации – присутствуют эмоции. Таким образом, можно утверждать, что текст, а именно, его внутренняя структура, характеризуется эмотивностью. Эмотивность как категория выстраивает взаимосвязь между текстовой информацией, заложенной в тексте агенсом, и эмоциями, появляющимися у реципиента в ходе восприятия этой информации.

Остановливаясь подробнее на функциях категории эмотивности, В.И. Шаховский особо подчеркивает ее прагматичность, выражающуюся субъективным отношением агенса к объекту, которому он дает оценку. Автор выделяет и такой компонент, как коннотативная семантика, относя его к различного объема единицам: слову, высказыванию, тексту. Как мы видим, прагматическая категория имеет неразрывную связь с категорией оценочности и, как следствие, категорией субъективной модальности [3]. Автор также полагает, что проследить эмотивность можно на любом уровне языка, поскольку она проявляется на уровне фонетики, лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, а также в «сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах» [3, с. 24].

Е.М. Вольф также согласен с утверждением, что эмотивность непосредственно связана с оценочностью: выражая эмотивность, агенс выражает и оценку. То есть, «эмотивность имеется во всех оценочных выражениях, отражая присутствие в них субъекта» [1, с. 38].

Наиболее явно, несомненно, эмотивность выражена на уровне лексики. Этот уровень является и наиболее изученным. Выделяя эмоциональную, оценочную и стилистическую составляющие значения лексической единицы, многие исследователи соотносят эмотивность с коннотативным компонентом семантики слова.

А.Н. Леонтьев выделяет узуальную и окказиональную эмоциональную составляющую значения слова, полагая, что эмоции ситуативны и передают «оценочное личностное отношение» к ситуации, в то время как чувства – это «обобщение эмоций» [2].

Ниже приведем примеры реализации категории эмотивности в медиатексте:

«Трамп назвал президента Колумбии «незаконным лидером наркобизнеса». По его словам, Густаво Петро якобы *поощряет* массовое производство наркотиков, которые потом продают в США. Он *потребовал* от президента Колумбии остановить производство наркотиков в стране. *Угрожает*, что иначе США «сделают это за него»» [https://t.me/rt_russian/261238] – пример текста малого объема, который, однако, насыщен эмотивными лексическими единицами. В данном случае, глаголы *поощряет*, *потребовал*, *угрожает* отражают особенности речи высокопоставленного политика и его эмоциональное состояние.

Интересно отметить, что зачастую нейтральные по своему значению слова могут приобретать оценочный компонент значения, когда они выражают положительную/отрицательную оценку того, что номинируют. Например, в тексте «Но шлакоблок — это строительный материал, рассчитанный максимум на декоративные заборы и временки, в лучшем случае на малоэтажные дома, а не на защиту от ракетного удара. В результате *даже* относительно неблизкий мощный боеприпас (например, с дрона) превращает такую конструкцию в груды пыли» [https://t.me/rt_russian/261621] нейтральное, на первый взгляд, слово *даже* привносит оценочность, усиливая следующее за ним слово с отрицательной приставкой не-.

Стилистический компонент значения лексической единицы относит ее к тому или иному функциональному стилю, даже если контекст ее употреблен нетипичен.

Например: «За океаном никак не уймутся. Глава Нацразведки США обвинил Россию во взломе серверов демократов» [https://t.me/rt_russian/1853] –выражения *не униматься* можно, скорее, отнести к разговорному стилю. Употребление неофициальной фразы в данном тексте подчеркивает эмоциональность агенса, его раздражение как реакцию на описываемое событие. Выразительный эффект в данном случае достигается за счет употребления разговорного выражения в публицистическом новостном тексте.

Эмотивный компонент, безусловно, наблюдается и в текстах, содержащих пласт сниженной лексики (вплоть до обценной). Официальные новостные агентства редко позволяют себе нарушать такого рода табу, однако, под категорию средств массовой информации попадают не только они. Следовательно, авторы многочисленных новостных и политизированных каналов не ограничивают себя рамками норм. Например: «Зрада усугубляется тем, что это не просто какие-то там *безродные торгаши барыжат*. Продажей руды, из которой добывают металл для российской *оборонки*, занимается украинская государственная компания. Словами не передать, как *бомбит* сейчас в бандеровских *чатиках*» [<https://t.me/OpenUkraine/45758>]. Текст обладает высокой степенью эмотивности, поскольку насыщен лексическими единицами

разговорного и сниженного стилей. Следует также отметить такие сокращения и диминутивы, как *оборонка* и *чатики*, которые выполняют ту же функцию.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2006. 280 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1997. 304 с.
3. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // ВЯ, № 4. М.: Наука, 1994. С. 20-26.

© Титлова А.С., 2025

УДК 82-1/-9

Уразаева К.Б.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

КОМЕДИЯ А. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА». ЖАНР КАК КОНЦЕПЦИЯ ПРОЧТЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена новому прочтению русской классической литературы как явлению деканонизации. В работе рассмотрены споры вокруг комедии, разногласия в трактовке героев и жанра, влияние ума на восприятие произведения и жанровую структуру пьесы, признаки драмы и комедии, современная точка зрения на социальный и любовный конфликт и их соотношение как главный жанровый показатель. Охарактеризована рецепция классицизма в сфере комедии высокого ума и любовной комедии. Установлена связь между точками зрения на героев и жанр пьесы и пониманием новаторства Грибоедова.

Ключевые слова: деканонизация, русский классицизм, русский реализм, драма, комический герой

Urazayeva K.B.

L.N. Gumilyov Eurasian University, Astana, Republic of Kazakhstan

A. GRIBOEDOV'S COMEDY "WOE FROM WIT". GENRE AS A CONCEPT OF INTERPRETATION

Abstract. This paper is about a new reading of Russian classical literature as a phenomenon of decanonization. The paper examines controversies surrounding comedy, differences in the interpretation of characters and genre, the influence of the mind on the perception of the work and the genre structure of the play, the characteristics of drama and comedy, and the contemporary view of social and romantic conflict and their relationship as the main genre indicator. The reception of classicism in the sphere of high-minded comedy and romantic

comedy is characterized. A connection is established between perspectives on the characters and genre of the play and an understanding of Griboedov's innovation.

Key words: decanonization, Russian classicism, Russian realism, drama, comic hero.

Современное литературоведение развивается под знаком деканонизации. Пересмотр точек зрения на концепцию произведений, героев, сюжетосложения оборачивается уточнением жанра произведения, новаторства писателя и факторов динамики литературного процесса. Необходимость новых подходов к пьесе А. Грибоедова «Горе от ума» обусловлена сохраняющимися противоречиями. Во-первых, точка зрения о произведении как декабристской комедии. Во-вторых, жанровое определение – комедия – не совпадает с авторским определением пьесы как сценической поэмы. Во многом на отсутствие единодушия в понимании жанровой природы оказало влияние восприятие Чацкого. Неуместность речей и слабость изображения героя, о которой писал А. Бестужев, приоритетное чтение пьесы в русле идей о просвещении, противопоставления «века нынешнего» «веку минувшему» отвели любовной линии второстепенную роль. В-третьих, сохраняется противоречие в оценке «Горя от ума» как первой реалистической комедии на фоне классических утверждений о роли Пушкина в становлении русского реализма и открытии им национальных форм реализма. В-четвертых, не учитывается в достаточной степени связь пьесы с просветительской традицией и комедией высокого ума.

Предпосылки русского реализма и его национальное своеобразие неотделимы от жанровой трансформации, о которой было бы правильное говорить в связи с пьесой Грибоедова. В 2000-е гг. открылись новые перспективы исследования. «Горе от ума» – комедия, драма, реалистическая бытовая пьеса, психологическая драма? Как влияет на определение жанра трактовка автором *ума*? Насколько решительным был отказ автора от просветительской идеологии, в рамках которой правомерно рассматривать жанровые истоки произведения?

Актуальность данной темы обусловлена уточнением жанра пьесы Грибоедова и уточнением места пьесы в становлении русского реализма. Цель статьи заключается в установлении специфики жанра «Горе от ума» и выявлении новаторства автора. Для достижения цели обосновано решение следующих задач: 1) систематизация точек зрения на произведение как источник разногласий в трактовке героев и уточнение жанра произведения, 2) установление роли *ума* как сюжетообразующего фактора и жанрового индикатора, 3) характеристика жанрового синтеза – драмы и комедии, 4) выявление связи между героями с позиций *ума*, 5) описание Чацкого как комического героя, 6) обоснование новаторства Грибоедова как автора первой русской реалистической комедии.

Симптоматична эволюция точек зрения Белинского на жанр «Горя от ума». В статье 1834 г. критик сближает понятия комедии и драмы: «Комедия, по моему мнению, есть такая же драма, как и то, что обыкновенно называется трагедией ... её элемент есть этот жёлчный гумор, это грозное негодование, которое не улыбается шутливо, а хохочет яростно, которое преследует ничтожество и эгоизм не эпиграммами, а сарказмами» [1, с. 200]. В статье 1839 г., написанной в связи с появлением второго издания комедии, автор показал новое понимание искусства как отрицания всех тех его видов и жанров, которые, противоречат «объективности», стремятся исправлять или изменять жизнь средствами искусства. Поскольку, по мнению Белинского, комедия Грибоедова «была самой злой сатирой на... общество ... именно поэтому, «Горе от ума» не есть ни художественное произведение, ни комедия... «Горе от ума» – сатира, а не комедия, сатира же не может быть художественным произведением» [1, с. 202]. В восьмой статье о Пушкине Белинский вновь возвращается к комедии Грибоедова. При этом черты комедии, которые в статье 1839 г. расценивались лишь как эстетические ошибки, как нарушение законов единства, замкнутости и беспримесности комедийного жанра, рассматриваются в статье о Пушкине как выражение оригинального, притом национального русского решения эстетической задачи комедии [1, с. 202]. Интересна точка зрения Н. Гоголя. Он писал: «Обе комедии (о «Недоросле» и о «Горе от ума» – У.К.) исполняют плохо сценические условия... Содержание, взятое в интригу, ни завязано плотно, ни мастерски развязано» [1, 197]. Гоголь не разделяет сатирической направленности комедии Грибоедова. В статье А. Гончарова «Миллион терзаний» понятие жанра обусловлено ролью в сюжете Чацкого, «без которой не было бы комедии, а была бы, пожалуй, картина нравов»: [2, с. 13].

Интересно сопоставить точки зрения ученых, писателей и критиков XX в. В 1912 г. Н. Пиксанов настаивал: «С начала и до конца пьеса была и осталась бытовой и сатирической комедией, в которой психологическое содержание несложно, а философской идейности и совсем места нет. И если теоретически замысел был иной, то художественное выполнение разошлось с ним совершенно» [3, с. 288]. А. Блок считал, что «Горе от ума» «до сих пор неразгаданное и, может быть, величайшее творение всей нашей литературы» [Цитировано по: 4, онлайн]. Асмус в 40-е гг. XX в. поставил вопрос о принципиальном характере полемики вокруг жанра и степени «соответствия драматургического построения “Горя от ума” требованиям комедийного жанра» [1, 189]. Н. Степанов отметил близость И. Крылова и А. Грибоедова [5, онлайн]. В постсоветское время в статье И. Золотусского дегероизация Чацкого сопровождается перечислением холодного, бездуховного и бессердечного ума Чацкого («ум ума»), противопоставленного «уму сердца» Софьи и старухи Хлестовой, «уму выживания» Молчалина и Скалозуба [6, онлайн]. Итак, обзор точек зрения отражает споры о жанре пьесы Грибоедова. Утверждение в качестве

доминирующей линии конфликта «века минувшего» и «века нынешнего» «законсервировал» восприятие комедии в концептах «милльона терзаний» Чацкого и его обличительного: «Молчалины блаженствуют на свете». Идеология просветительства: «стать в просвещение с веком наравне» – долго подменялась представлением о декабризме Чацкого. Между тем близость Грибоедова к архаистам в литературной борьбе первой четверти XIX в. объясняет рецепцию классицизма в рассматриваемой пьесе. Идеи просветителей XVIII века – «века разума», «века ума» – оказали влияние на роль *ума* в сюжете и признаки комедии высокого ума. Известно, что в письмах Грибоедова упоминаются «приятный ум», «трезвый ум», «просвещенный ум». Преимущественное прочтение комедии с позиций идеологии декабризма как явления «века нынешнего» обособило в уме Чацкого присутствие ума «высокого», «мыслящего», «алчущего познаний». Современный исследователь пишет о том, как персонажи оценивают ум Чацкого, систематизирует разновидности ума в комедии [7, с. 209-212]. Отсюда выявление сюжетобразующей роли данного понятия, но и анализ корреляции *ума* героев и персонажей как точки соприкосновения двух линий сюжета и конфликта, основы жанрового определения. Трактовка автором пьесы понятия *ум* поднимает вопрос о дилемме прочтения произведения в дихотомии «Горе уму» / «Горе от ума».

Написавший две статьи о комедии Грибоедова в 1989 и 2009 гг., Б. Голлер поднял вопрос о «милльоне терзаний» Молчалина и связал признаки драмы с его образом. Голлер выделил «молчание трагедии» как открытие в русской драме Грибоедова. Обозначив тезис формулой «Человек из чуланчика, или в защиту Молчалина», критик приводит слова Хлестовой: *«Молчалин, вот чуланчик твой, // Не нужны проводы, пойди, Господь с тобой»*.

Пересмотр отношений Чацкого и Молчалина в русле социального и личного противостояния не получает полноты без Софьи. В зависимости от диспозиции героев решается вопрос о победителе и побежденном. Вопрос о победителе неотделим от персонажей и второстепенных лиц комедии, как эксплицированных в сюжете, так и имплицитных: это мадам Розье, танцмейстер Гильоме, вельможный Максим Петрович, брат Скалозуба, московские старички и дамы, чахоточный «книгам враг», княгиня Ласова, Татьяна Юрьевна и Фома Фомич, Лахмотьев Алексей, княгиня Марья Алексевна.

Установление признаков комедии любви показывает, что критики по-разному решали вопрос о том, любил ли Молчалин Софью. Тынянов допускал любовь Молчалина к Софье. И основание этому дает признание Софьи: *«Я не старалась – Бог нас свел!..»* [8, Действие 3, Явление 1, онлайн]. Заблуждение Софьи, наделение ею Молчалина образом любовника из романов: *«Возьмет он руку, к сердцу жмет, // Из глубины души вздохнет»* [8, Действие 1, Явление 5, онлайн] – показывает способность героини понять и сочувствовать Молчалину. Она едина с ним в испытываемых мучениях: *«Какие-то не люди, и не звери, // Нас врознь –*

и мучили сидевшего со мной...» [8, Действие 1, Явление 2, онлайн]. Типичное поведение московской барышни, воспитанной на романах Ричардсона и Руссо, но при этом слепой и глухой к чувствам выбранного, почти «назначенного» избранника судьбы, является реалистическим изображением дочери своего отца. Осознание Софьей мезальянса еще больше олитературивает сюжет ее влюбленности. Ей, дочери властного отца, доминирующей в истории тайного романа, неведом страх «человека из чуланчика». Актуально звучит мнение Тынянова: «Софья Павловна приручает вкрадчивого и ”робкого“ Молчалина, приучая его, нового, делающего карьеру через угождение и послушание, к женщинам, к особенному подчинению в любви. У ее любви есть своя поэзия. По этой поэтической ложной картине ее любви Молчалин, вкрадчивый и умный, но робкий, делец и бюрократ, начинает свою карьеру, которой предстоит, конечно, блестящее будущее (недаром Салтыков выводит его позднее видным и преуспевающим чиновником)» [9, с. 183].

Любил ли Молчалин Софью? С одной стороны, его любовь притворная, вынужденная. Она объясняется положением героя в доме Фамусова. Испытываемые Молчалиным муки от имитации наслаждения музыкой, угодливость дочери влиятельного лица, извлеченные из наставлений отца уроки «угождать всем людям без изъятья» создают комический нерв пьесы линией противостояния соперников – Чацкого, баловня судьбы в прошлом, и Молчалина, выбранного на роль нынешнего баловня судьбы прихотью Софьи. Откровенность Молчалина: *«И вот любовника я принимаю вид / В угодность дочери такого человека»* [8, Действие 4, Явление 12, онлайн] и цинична, и достойна сострадания: *«Я в Софье Павловне не вижу ничего / Завидного»*. Есть и приметы благородства: *«Дай Бог ей век прожить богато»*, отсутствия иллюзий: *«Любила Чацкого когда-то, // Меня разлюбит, как его»*. Вспомним характеристику Белинским ума Молчалина: «Молчалин глуп, когда дело идет о чести, благородстве, науке, поэзии и подобных высоких предметах; но он умен как дьявол, когда дело идет о его личных выгодах» (курсив – У.К.). Любовь Молчалина порождена умом приспособленца. Голлер задается вопросом: «И что, если он (Молчалин – У.К.) вовсе не подл? Только несчастен и жалок? Тогда резко меняется масштаб пьесы» [4, онлайн]. Такое разрешение сюжетной коллизии делает для критика очевидной мысль: Грибоедов более опытный драматург, чем Пушкин, или принципиально иной драматург. Голлер упоминает в числе соперников Молчалина Скалозуба. И в этом случае «Молчалин – трус, но трус не между Чацким и Скалозубом – а между Фамусовым и Софьей – в чем все дело» [4, онлайн].

Выявление признаков комедии любви коррелирует с признаками драмы. Драматический пафос стянут не к образу Чацкого, а образам Молчалина как жертвы обстоятельств между отцом и дочерью, и Софьи, пережившей чувство оставленной, познавшей драму разбитого сердца, ищущей искренности по лекалам любовного романа в лице несчастного,

бедного любовника. Такая жертвенность книжного происхождения тем не менее не лишает чувство Софьи искренности и бескорыстности, несмотря на то, что в ее лице Грибоедов создал портрет властных женщин Москвы – Хлестовой, княгини Марьи Алексевны, Натальи Дмитриевны, супруги полкового товарища Чацкого. О таких «умелых светских женщинах» Москвы писал Тынников: «Порочный мир императора Александра, не уничтожившего рабство народа, одержавшего историческую победу в Отечественную войну 1812 г., этот мир проводится в жизнь Софьей Павловной и Натальей Дмитриевной» [9, с. 4]. Однако Софья достойна сочувствия зрителя. Непонимание Софьи язвительности Молчалина, нежелание допустить невозможность брака, уверенность в чувстве Молчалина приводят к трансформации мелодраматической линии, типичной для любовного романа, в комическую.

Образ Софьи вызвал и недоумение, и критику современников и друзей Грибоедова. Катенин писал: «...говорит много, бранит все и проповедует некстати». Пушкин: «Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно». Другая язвительная оценка Пушкина разграничивает комическое / драматургическое мастерство автора и неубедительность образа героини: «Недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину прелестна! – и как натурально!» и «Софья начертана не ясно: не то б....., не то московская кузина».

В статье 1989 г. Голлер, опираясь на метод читательской критики Л. Выготского, охарактеризовал «Горе от ума» как пьесу Софьи. Критик привел известное высказывание автора пьесы в письме Катенину о плане комедии, где 25 глупцов на одного здравомыслящего человека. То есть по замыслу автора сюжет определяет Софья, девушка «сама не глупая». В статье 2009 г. Голлер утверждает: «Грибоедов показал нам неправоту любви. Ее изнанку. Ее ложь самой себе. Ошибку любви... Он изобразил странность нашего “избирательного сродства”, странность выбора. Особенно женского» [4, онлайн].

Голлер расширил представление о комедии любви и русской трагедии молчания категорией «абсурд бытия» и тайной чувства, отмечает обусловленность комического жанра фигурой Чацкого. И здесь для критика очевиден закон классической комедии. В таком случае кто он: герой-резонер или герой-любовник? И если тайна чувства, по словам Чацкого, с его пронизательностью, скрыта в Молчалине: *«Бог знает, в нем какая тайна скрыта... // Бог знает, за него, что выдумали вы... // Чем голова его век не была набита... // Вот он, на цыпочках и не богат словами... // Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть!..»* [8, Действие 3, Явление 1, онлайн] – то комическое непонимание героя, как и стремление узнать тайну чувства Софьи: «Зачем же вы его так коротко узнали?» – сопровождается капитуляцией Чацкого: *«Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой!»*. Так Чацкий поставлен автором в положение побежденного резонера. Выявляя заблуждение, в плену которых много лет

пребывала наука о комедии Грибоедова, Голлер обращает внимание на «преувеличенное представление исследователя и романиста о конфликте Грибоедова с властью и “декабризме” комедии – в ту пору, когда он писал ее» [4, онлайн].

Вопрос о трактовке *ума*, о победителе и побежденном поворачивает сюжет комедии от утрированного представления о ее идейном характере и декабризме в сторону личной, психологической мотивации поступков героев. Синтез двух конфликтов – социального и личного – ставит вопрос о решении приоритетной художественной стратегии. Статья Ю. Тынянова о сплетнях и слухах в механизме сюжета и синтезе двух линий [9] не внесла ясности в оценку жанрового синтеза произведения. Исследователь Чистова пишет о двуплановости сюжета, обусловившей две завязки. Первая – картина жизни и ее действие на сердце, душу, ум человека, роль «обмана» как центрального сюжетного мотива. Выделение мотива христианской искренности и правдивости в общении с Богом и людьми, использование Софьей лжи как тактического приема оправдано на фоне обмана и лжи Фамусова и Молчалина. Круговорот понятий «хитрость», «глупость», «невежество», «обман» и «плутовство» становится импульсом к развитию сюжета на основе мотивов выдумки, клеветы и сплетней. Другая завязка связана с появлением Чацкого. Сюжет определяется поступками героев – Фамусова, Чацкого, Софьи и Молчалина. Единство этого сюжета Чистова определяет решением вопроса: «Кто и что потерял, утратил?». Исследователь привлекает в качестве ответа библейскую рецепцию и упоминает Евангелие от Матфея, сюжет проповеди Христа и спора с книжниками [7].

Отсутствие единодушия взглядов на героев комедии и жанр пьесы позволяет поставить вопрос о новаторстве Грибоедова. Кузнецов поставил вопрос о комедии «Горе от ума» как начале русского реализма: «Грибоедов открыл новое отношение автора и героя, свойственное реализму: отношение свободы и взаимной личностной суверенности», но связывает это с преодолением Чацким черт классицистского «резонера» и романтического «героя», противостоящего «толпе» [10, с. 131].

Используя, с одной стороны, поэтику классицизма и сложившиеся жанровые схемы, которые были характерны для сатиры общественных нравов, комедии любви, писатель преодолел каноны. Впервые вместо определяющих сюжет поступков героев в центр внимания был выведен конфликт идей. Современные точки зрения построены на дегероизации Чацкого. Смещение внимания с «милльона терзаний» Чацкого на «милльон терзаний» Молчалина делает подлинным комическим героем Чацкого. В духе классической комедии ему отведена роль резонера и проигравшего. Драма Молчалина и Софьи интегрирована в жанровую стратегию комедии. Определяющим жанровым признаком является понятие *ума*. Его воздействие на диспозицию героев, комплексное восприятие *ума* как репрезентирующего поведение героев и персонажей фактора, мировоззренческого катализатора событий обеспечивает синтез

просветительской комедии высокого ума, классической любовной комедии и драмы, впервые осмысленной в духе реалистических противоречий. Именно в области драмы открытие принадлежит Грибоедову. Вместе с тем автор пьесы создал характеры нового типа, обозначивших преодоление классицистского идеала просвещенного человека. Трагедия, а не комедия высокого ума, с одной стороны, комедия превращения Чацкого из любовника в резонера характеризуют жанровые открытия Грибоедова в области русской драмы. Реалистические принципы изображения конфликта и героев дают основание для уточнения роли автора «Горя от ума» в становлении русского реализма. Признание пьесы первой русской реалистической комедии, не снижая роли Пушкина в истории реализма, сдвигают хронологически его границы от 30-х гг. XIX в. к середине 20-х гг.

Литература

1. Асмус В.Ф. «Горя от ума» как эстетическая проблема // А.С. Грибоедов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 189-212. (Лит. наследство; Т. 47/48).
2. Гончаров И.А. «Мильон терзаний»: (Критический этюд) // Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952-1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. 1955. С. 7-40.
3. Пиксанов Н.К. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Грибоедов А.С. Горе от ума. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1987. С. 280-387.
4. Голлер Б.А. «Горе от ума» в современном мире. // Вопросы литературы. 2009. № 4. [Электронный ресурс]: [<https://voplit.ru/article/gore-ot-uma-v-sovremennom-mire/>] (дата обращения: 25.02.2024)
5. Степанов Н. Грибоедов и Крылов // А.С. Грибоедов, 1795–1829: Сборник ст. М.: Гослитмузей, 1946. С. 134-149. [Электронный ресурс]: [<http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/slon/slklst.htm>] (дата обращения: 15.10.2020).
6. Золотусский И. Прости, Отечество // Литературная газета. 2005. № 1. // <https://zolotyssky.wordpress.com/2021/02/05> (дата обращения: 10.02.2024)
7. Чистова Т.В. Двуплановость сюжета комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4. С. 209-212
8. Грибоедов А.С. Горе от ума. // [Электронный ресурс]: [<https://ilibrary.ru/text/5/p.3/index.html>] (дата обращения: 15.10.2020).
9. Тынянов Ю.Н. Сюжет «Горя от ума» // Тынянов Ю. Сюжет «Горя от ума» // А.С. Грибоедов. –М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. С. 147-188. (Лит. наследство; Т. 47/48). [Электронный ресурс]: [<https://feb-web.ru/feb/litnas/texts/147/lit-147-.htm>] (дата обращения: 01.07.2025)

10. Кузнецов И.В. Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» – начало русского реализма // Вестник Новосибирского государственного театрального института. 2021. № 10. С. 131-142.

© Уразаева К.Б., 2025

УДК 81'42

Фёдорова А.Л., Банных В.А.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ БРЕНДА “RITTER SPORT”

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности рекламной коммуникации на примере немецкого производителя шоколада Ritter Sport. Анализируются информационно-рекламные материалы официального сайта компании с целью выявления специфики позиционирования бренда на рынке и продвижения продукции. В работе описывается применение фонетических, манипулятивных, смешанных вербально- и невербально-ориентированных стратегий коммуникативного воздействия в рекламе Ritter Sport, а также представлены оригинальные рекламные решения, используемые компанией. Результаты исследования позволяют не только определить специфику коммуникативных стратегий воздействия Ritter Sport, но и выделить некоторые универсальные принципы создания успешного рекламного дискурса среди премиальных товаров массового потребления.

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммуникативные стратегии, вербальные стратегии, невербальные стратегии, фонетические стратегии.

Fedorova A.L., Bannykh V.A.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

SPECIFICITY OF COMMUNICATIVE IMPACT IN GERMAN- LANGUAGE ADVERTISING OF THE BRAND “RITTER SPORT”

Abstract. This article discusses the specifics of advertising communications using the example of the German chocolate manufacturer Ritter Sport. Information and advertising texts from the company's official website are analyzed to identify the specifics of brand positioning in the market and product promotion. The paper describes the use of phonetic, manipulative, mixed verbal and non-verbal oriented communication strategies in Ritter Sport's advertising. The original advertising solutions used by the company are presented. The results of the study allow not only to determine the peculiarities of Ritter Sport's communication strategies, but also to identify some universal principles for creating a successful advertising discourse among premium mass-market products.

Key words: advertising discourse, communication strategies, verbal strategies, verbal strategies, phonetic strategies.

Рекламный дискурс как инструмент целенаправленного воздействия исследуется в настоящей статье на примере коммуникативных стратегий немецкого бренда Ritter Sport, демонстрирующего эффективное использование различных вербальных и невербальных средств для оказания влияния на выбор покупателей. Актуальность исследования обусловлена значительной ролью рекламного дискурса как сложного социокультурного феномена, оказывающего влияние на массовое сознание через систему специально разработанных коммуникативных стратегий, регулярно обновляемых с учетом новых требований рынка. Объектом исследования выступает рекламный дискурс компании Ritter Sport, представленный материалами информационно-рекламного характера. Предмет изучения – стратегии коммуникативного воздействия, реализуемые в рекламе шоколада Ritter Sport. Материалом исследования послужил официальный сайт компании. Методологическую и теоретическую основу составили труды отечественных исследователей в области рекламы: К.С. Баранова, Е.Г. Борисовой, Л.А. Кива, Ю.К. Пироговой и др. В качестве методов исследования использованы описательный метод, лингвостилистический и контекстуальный анализ.

Рекламный дискурс представляет собой «многомерное явление социокультурного характера, существующее в системе институциональных коммуникаций и затрагивающее основные области общественного бытия» [1, с. 509]. Изучение рекламы представляет интерес для лингвистики, так как в пространстве рекламного дискурса активно воспроизводятся, транслируются и осмысливаются актуальные массовые представления, общественные идеалы, ценности и устойчивые стереотипы.

Несомненно, «основная функция любой коммуникации заключается в обмене информацией между участниками процесса, тогда как дополнительные функции, такие как воздействие, занимают второстепенное положение» [2, с. 437]. Речь идет о двустороннем взаимодействии коммуникантов, предполагающем обратную связь со стороны получателя информации. При этом реципиент, как правило, проявляет активный интерес к коммуникативному процессу. Следует отметить, что коммуникация в сфере рекламы обладает специфическими чертами. Прежде всего, это касается способности рекламы оказывать влияние на получателя. Такое влияние реализуется через воздействие на психологические установки, ценностные ориентации и мировоззрение человека. Коммуникатору требуется прилагать определенные усилия для достижения желаемого эффекта, поскольку адресат в большинстве случаев изначально не проявляет интереса к воспринимаемой информации. Другой отличительной чертой является вопрос доверия к источнику. Теоретически можно предположить, что коммуникатор должен транслировать правдивые сведения или искренне верить в то, о чем говорит, но в реальности часто

наблюдается противоположная ситуация, что объясняет позицию адресата, который скептически относится к получаемой информации. В современном медиапространстве широкое распространение получил феномен «новой искренности», который предполагает акцентирование искренности как базового принципа, что позволяет улучшить взаимопонимание между коммуникатором и аудиторией [3, с. 64]. Ritter Sport решает проблему доверия путем акцентирования внимания потребителя на качестве и оригинальности шоколада, тем самым успешно реализуя концепцию «новой искренности».

Кроме того, в рекламе важен творческий подход, «язык креатива, который помогает создавать необычные и нестандартные рекламные решения для завоевания интереса целевой аудитории» [4, с. 121], что ярко проявляется в выборе вербальных и невербальных средств коммуникативного воздействия в информационно-рекламных материалах сайта Ritter Sport. Важной характеристикой рекламной коммуникации является наличие обратной связи. Она играет ключевую роль в изучении целевой аудитории и совершенствовании маркетинговых стратегий для повышения продаж. Однако, адресат либо не стремится к коммуникации, либо она осуществляется в непосредственной форме [2, с. 436]. Компания Ritter Sport выстраивает коммуникацию, при которой обратная связь организуется преимущественно через опосредованные каналы (напр., сайт).

Эффективность рекламных сообщений во многом зависит от грамотного подбора стратегий коммуникативного влияния в определенных условиях. Вслед за Ю.К. Пироговой, под коммуникативным воздействием в настоящей статье понимается целенаправленное влияние на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферы адресата. Оно может осуществляться через рациональные аргументы, эмоциональное воздействие, подсознательные механизмы, а также с использованием вербальных и невербальных инструментов [5, URL]. Стратегии воздействия можно классифицировать по используемым методам: преимущественно вербальные, преимущественно невербальные и комбинированные подходы; фонетические или семантические вербальные стратегии и их сочетания; стратегии, базирующиеся на явных или скрытых коммуникативных приемах и другие разновидности [5, URL]. Результативность рекламного сообщения во многом зависит от гармоничного сочетания вербальных и невербальных компонентов. Представленная классификация стратегий коммуникативного воздействия в рекламе дает возможность анализировать их применение в конкретных рекламных кампаниях товаров.

«Ritter Sport» – немецкая марка шоколада высокого качества, производимая компанией Alfred Ritter, основанной в 1912 г. Продукция известна во всем мире и по сей день радует детей и взрослых. Успех и широкое распространение шоколада данной марки связаны с акцентом на качество и действенную рекламу. Компания позиционирует себя как

производителя премиального шоколада, привлекающего широкий круг потребителей. На официальном сайте подчеркивается [6]: *“Als ein Familienunternehmen denken wir von Grund auf langfristig in Generationen”* (Как семейная компания с самого основания мы думаем о долгосрочной перспективе на поколения вперед). Так происходит воздействие на сознание потребителя через эмоциональную сферу: адресат неосознанно воспринимает данный продукт как нечто безопасное, качественное, полезное детям, что позволяет выгодно продвигать его на рынке [7, с. 48].

В 1974 г. Альфред Отто Риттер произвёл революцию на рынке шоколада, представив цветовую палитру, которая теперь является неотъемлемой частью бренда. *“Alles wird bunter, fröhlicher, moderner, aktiver – auch die dazugehörige Schokolade”* (Все становится ярче, радостнее, современнее, активнее – и шоколад в том числе) – гласит рекламная кампания. Шоколад представлен в разнообразных цветных упаковках в соответствии со вкусом и составом ингредиентов, в связи с чем его легко заметить и узнать на полках магазина или онлайн-маркета. Официальный сайт компании также представлен в ярких, броских оттенках. В информационно-рекламных текстах на сайте встречаются слоганы: *“Wir werden bunt”* (Мы будем яркими), *“Mehr Farben als ein Regenbogen”* (Больше цветов, чем в радуге). Они привлекают к себе внимание, легко запоминаются, ассоциируются с позитивом и красочностью. В сознании адресата формируется соответствующий рекламный образ данного продукта, отсылающий к буйству красок и положительных эмоций.

Следующим революционным шагом стало появление упаковки Knick-Pack (нем. глагол *knicken* «надламывать» и сокращение *Pack* от *Packung* «упаковка» [8, URL]), которую можно открыть, надломив плитку. Новшество выделяло Ritter Sport среди других производителей и стало отличительной чертой бренда. Используемая стратегия направлена на коммуникативное воздействие на потребителя через демонстрацию исключительных характеристик продукта, что соответствует одному из базовых принципов рекламы, принципу дифференциации, так как делается акцент на удобстве и брендовой уникальности.

В 1990 г. компания запустила уникальный экономический проект CACAONICA в Никарагуа, который поддерживает местных фермеров и помогает выращивать какао в соответствии с актуальными мировыми стандартами. Ritter Sport стал первым крупным немецким производителем шоколада, который перешёл на использование 100% сертифицированного какао. На сайте представлена отдельная вкладка, в деталях рассказывающая о всех этапах и особенностях производства какао. Здесь обращают на себя внимание следующие описания продукции: *“Immer nur die besten Zutaten”* (Всегда только лучшие ингредиенты), *“guter Kakao”* (хорошее какао), *“100% zertifizierter Kakao”* (100% сертифицированное какао), *“Gute Saat gibt Schokolade im Quadrat”* (Хорошие семена дают шоколад в квадрате). Процесс производства характеризуется нюансами,

значимыми в контексте реализации коммуникативного воздействия на потребителя: *“erfahrene Experten”* (опытные эксперты), *“gleichmäßige und schonende Trocknung”* (равномерная и бережная сушка), *“gründliche Reinigung”* (тщательная очистка), *„ohne Zusatz von Aromen“* (без ароматизаторов). Так, у адресата целенаправленно создается образ ответственного и социально ориентированного производителя, формируется фундамент для осознанного потребления, т.е. выбирая данный шоколад, покупатель приобретает качественный продукт, получает радость вкуса и удовольствие от стоящей покупки и заботится о своем здоровье. Такие речевые средства воздействия содержат имплицитную информацию, которая «между строк», на подсознательном уровне призвана оказывать влияние на читателя / потребителя. На сайте компании можно обнаружить использование аналогичной вербальной стратегии в названиях вкладок, напр.: *“unser Kakao”* (наше какао), *“Kakao Kompetenz”* (компетенции в производстве какао), *“el cacao”* (исп. какао и испанское название плантации по выращиванию какао в Никарагуа), что призвано подчеркивать качество, натуральность и оригинальность продукта. Наличие скрытых смыслов указывает на применение рекламной стратегии, основанной на использовании имплицитных коммуникативных средств.

В реализации фонетических стратегий воздействия производитель использует прием ассонанса, или «симметричного повторения однородных гласных» [9, с. 97]. Напр., в слогане *“Ganze Nuss im Überfluss”* (целые орехи в избытке) нагнетание ударного гласного звука “и” повышает выразительность и достоверность сообщения, подчеркивает смысловой компонент высказывания о том, что шоколад в изобилии содержит цельные лесные орехи. Прием способствует запоминаемости рекламного слогана, поддерживает интерес к объекту рекламирования, а также нацелен на подчеркивание информации о значимых характеристиках состава продукта путем задействования различных каналов восприятия. Дополнительный фонетический прием – аллитерация (консонанс), т.е. «способ звуковой организации речи, относящийся к звуковым повторам и заключающийся в симметричном повторении однородных согласных звуков» [9, с. 96]. Прием встречается как на сайте: *“Menschlich. Nachhaltig. Großartig!”* (Человечный. Экологичный. Великолепный!), так и в известном слогане компании: *“Quadratisch. Praktisch. Gut”* (Квадратный. Практичный. Отличный). Повторение согласного звука “sch” выполняет экспрессивную, аттрактивную и мнемоническую функции, способствует повышению запоминаемости слогана, что указывает на использование компанией вербальной стратегии целенаправленного воздействия на потребителя. Слоган *“Quadratisch. Praktisch. Gut.”* указан на каждой упаковке продукции Ritter Sport. Идея шоколада в форме квадрата принадлежит Кларе Риттер, которая предложила сделать шоколад, который, не ломаясь, умещался бы в карман спортивной куртки и при этом весил, как обычная плитка. Так родилась устойчивая ассоциация бренда со спортом и активным образом жизни. Форма квадрата доминирует и на

сайте компании: все блоки, разделы, вкладки и фото выполнены в виде квадрата, в который органично вписан неизменно лаконичный и одновременно информационно насыщенный текст.

Таким образом, представленный лингвистический анализ материалов официального сайта компании Ritter Sport позволяет сделать вывод о том, что бренд вкладывает значительные усилия как в производство качественного шоколада, так и в эффективную рекламную и информационную кампанию, что обеспечивает заслуженное признание у потребителей и статус одного из лучших производителей шоколада. Ritter Sport заботится о качестве и экологичности продукции, уделяя внимание окружающей среде и будущим поколениям: *“Wer heute nicht nachhaltig handelt, hat morgen keine Zukunft”* (У тех, кто не действует по принципам устойчивого развития сегодня, нет будущего). В рекламной коммуникации бренда значимую роль играют устойчивые ассоциации между продуктом и ценностями современного общества: экологичностью, семейными традициями, качеством. Используя различные коммуникативные стратегии, Ritter Sport последовательно транслирует целевой аудитории ключевые ценности, завоевывая доверие потребителей на протяжении длительного времени, из поколения в поколение. Можно заметить, что в рекламе компании реализуются множественные стратегии воздействия (манипулятивные, смешанные вербально- и невербально-ориентированные, фонетические, стратегии с использованием имплицитных коммуникативных средств), что максимально обеспечивает успешность коммуникативного взаимодействия между производителем и адресатом в условиях динамично меняющегося мира и высокой конкуренции.

Литература

1. Юсупова Г.А. Рекламный дискурс как лингвокультурологический феномен // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 509-511.
2. Борисова Е.Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. 2018. № 4. С. 436-444.
3. Антропова В.В., Маркова Д.А. Технология «новой искренности» в российском рекламном дискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1 (47). С. 63-69.
4. Фёдорова А.Л., Баязитова А.И. Прагматический потенциал англицизмов в текстах немецкой рекламы автомобилей // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 28 апреля 2023 года / Отв. редактор Р.Г. Гатауллин. Уфа: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», 2023. С. 120-126.
5. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации // Диалог'2001: труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям [Электронный

ресурс]. – Москва, 2001. Режим доступа: <https://psycho.ru/library/190> (дата обращения: 18.10.2025).

6. Ritter Sport. Offizielle Webseite [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ritter-sport.com/de> (дата обращения: 19.10.2025).

7. Кива Л.А. Особенности рекламной коммуникации // Вологодские чтения. 2008. № 67. С. 48-49.

8. Duden. Das Onlinewörterbuch [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 19.10.2025).

9. Баранов К.С. Фонетические приемы языковой игры (на материале немецких рекламных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11 (750). С. 93-105.

© Фёдорова А.Л., Банных В.А., 2025

УДК 81-114

Яковец А.В.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЯ В ТЕЛЕШОУ «МУЖСКОЕ / ЖЕНСКОЕ» В АСПЕКТЕ ДОСТОВЕРНОСТИ И НЕДОСТОВЕРНОСТИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом к телекоммуникации в аспекте достоверности/недостоверности. В высказываниях героев телешоу выявлены речевые тактики оценки информации как недостоверной: тактика прямого/косвенного указания на недостоверность; тактика уточняющего вопроса; тактика преувеличенной реакции; тактика смеха.

Ключевые слова: достоверность/недостоверность, высказывание, речевые стратегии, речевые тактики, коммуникация.

Yakovets A.V.

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russia

TELECOMMUNICATION IN THE TV SHOW "MALE/FEMALE" IN TERMS OF AUTHENTICITY AND INAUTHENTICITY

Abstract. The relevance of the study is due to the interest in telecommunications in terms of reliability/unreliability. The statements of the TV show characters reveal speech tactics for evaluating information as unreliable: tactics of direct/indirect indication of inaccuracy; tactics of a clarifying question; tactics of an exaggerated reaction; tactics of laughter.

Key words: authenticity/inauthenticity, statement, speech strategies, speech tactics, communication.

В статье рассмотрена актуальная проблема оценки достоверности / недостоверности высказываний участниками телекоммуникации,

интерпретируемой как аналог коммуникации в целом. Для анализа выбраны диалоги из ток-шоу «Мужское / Женское» (3-й выпуск, общая длительность звучания 1 час 57 мин).

Следуя за позицией В.А. Белошапковой, придерживаемся мнения, что в каждом предложении заключена персуазивность. Персуазивность – это «оценка говорящим объективного содержания высказывания со стороны его достоверности / недостоверности, выражение уверенного или неуверенного знания» [1, с. 772]. Достоверность, следовательно, понимается нами как соответствие высказывания действительности в сознании говорящего (субъективно-оценочная категория). Участнику коммуникативных практик, особенно конфликтных, важно знать, когда оппонент оценивает высказывания собеседника как достоверные или недостоверные.

Достоверность объективности содержания высказывания в основном не требует специальных показателей, в отличие, от недостоверности. Оценивание высказываний со стороны их недостоверности является стратегическим речевым поведением, которое реализуется благодаря речевым тактикам. Наша цель – выявить в языковых высказываниях телекоммуникантов речевые тактики, с помощью которых они оценивают чужие высказывания как недостоверные.

Современные медиа, изначально предназначенные для информирования, не ограничиваются функцией объективной передачи социально значимых сведений. Разветвленность жанровой системы медиадискурса обусловило его взаимодействие с различными персональными и институциональными дискурсами, что привело к значительным трансформациям медиа. В современном медиадискурсе на первый план выходит привлечение и удержание аудитории любыми средствами: эмоциональностью, экспрессивностью, воздействующей направленностью телетекстов. Наиболее успешным способом привлечения внимания становится конфликтность, порождающая неискренность и недоверие. «Мужское / Женское», ток-шоу об отношениях, наполнено бытовым содержанием с большим количеством конфликтных ситуаций.

Результатом проведенного исследования (анализа стенограмм ток-шоу «Мужское / Женское») стало выявление четырех речевых тактик, в рамках рациональной и иррациональной стратегии субъекта оценки. К первым относятся стратегии, которые «апеллируют в первую очередь к сознанию субъекта и актуализируют его логические доводы» [2, с. 15]. Вторые направлены на эмоциональное выражение оценочной интенции.

Рациональные стратегии реализуют следующие тактики: 1) Тактика прямого/косвенного указания на недостоверность. Тактика реализуется с помощью лексем, включающих компонент «ложь», «незнание», «сомнение» и так далее. В другом случае использования тактики говорящий прямо не обвиняет оппонента во лжи, но использует лексемы, в которых несложно заметить соответствующую коннотацию, производя компонентный анализ; 2) Тактика уточняющего вопроса. Эта тактика

строится на нарушении законов логики и функционирует как выявление несоответствий, но с помощью вопроса. Предполагается, что из контекста становится понятно, когда вопрос используется только для уточнения, а когда еще и оценивает информацию как недостоверную.

Иррациональные стратегии реализуют следующие тактики: 1) Тактика преувеличенной реакции. Этой тактикой говорящий показывает, что он настолько удивлен и настолько не доверяет информации, которую говорит оппонент, что гиперболизирует свои эмоции; 2) Тактика смеха. Одним из основных когнитивных признаков смеха, проявляющихся в ассоциативном поле, является «оценочность» [3, с. 38]. В рамках телешоу смех является не просто выражением эмоций, а коммуникативным поведением. Коннотативную направленность смеха в конкретном случае нужно определять по контексту.

Продemonстрируем данные тактики на примере стенограмм из выпусков шоу «Мужское / Женское».

Таблица 1

Рациональные стратегии

№	Реплики	Комментарий
1.	Бабушка 1: У меня сомнения есть, что мой внук или нет. Бабушка 2: Ну проверим, проверим. Бабушка 1: Ну так проверь, тогда и будем знать.	Информация, которая оценивается как недостоверная, – кровное родство с внуком. Используется тактика прямого указания на недостоверность . В данном случае бабушка использует фразу «У меня сомнения есть», она является эксплицитным способом выражения недостоверности, так как прямо указывает на сомнения бабушки с помощью использования в прямом значении формы слова «сомнение».
2.	Бабушка: Как он тебе нос разбивал! А если бы она всё видела?! Фая: Когда? (в смысле ‘когда нос разбивал?’) Бабушка: Фая, ну не надо смеяться надо мной!	Информация, которая оценивается как недостоверная, – разбивание носа. Фая использует тактику уточняющего вопроса . В данном случае героиня использует уточняющий вопрос не с целью узнать, а с целью уличить бабушку во лжи. Задавая этот вопрос, она имеет в виду не то, что не помнит, когда разбивание носа произошло, а то, что она вообще не помнит такой ситуации, – считает, что такого вообще не происходило (негативная версия вопроса).

Иррациональные стратегии

№	Реплики	Комментарий
1.	Коля: Естественно, я не могу надвое поделиться (про работу и помощь по дому) Бабушка [кричит]: Ещё скажи, что ты работаешь! Коля: Вот что она говорит? Она лицемерит!	Информация, которая оценивается как недостоверная, – Коля работает. Бабушка использует тактику преувеличенной реакции . Интонация (крик), которую использует бабушка, во время своего ответа, выражает крайнюю степень возмущения, причиной которого является ложь оппонента. Такая интонация гиперболизирует её реакцию, тем самым уровень недовольства женщины кажется более значительным. Для зрителя: если слова Коли вызвали такую бурную реакцию, значит, они оскорбительно лживы.
2.	Мать: Потому что мой сын начал употреблять наркотики! Максим: Да-да-да. [После этого парень засмеялся]	Информация, которая оценивается как недостоверная, – Максим употребляет наркотики. Парень выражает свою оценку с помощью тактики смеха . Ведущий задал женщине вопрос о том, почему она бросила детей, уехав жить в другой дом. На это она ответила обвинением сына в употребление наркотиков. Сын с иронией согласился с матерью, засмеявшись после этого. Он показывает, что считает обвинения смешными и не воспринимает их всерьёз, что косвенно выражает его сомнения

Выводы

Для выражения оценки недостоверности используются рациональные и иррациональные стратегии, которые реализуются с помощью совокупности тактик. Были выявлены четыре тактики, по две в каждой из стратегий. Задача говорящего, использующего тактику прямого указания на недостоверность – подобрать такую лексему, которая будет выражать его недоверие и даже обвинение во лжи через ядерные и периферийные компоненты значения. Тактика уточняющего вопроса требует понимания речевого явления негативных версий вопроса, выражающего упрек во лжи, а не уточнение информации. Иррациональные тактики строятся на гиперболизации масштабов ситуации или своей реакции. Человек может преувеличить свою реакцию на что-то, обязательно используя восклицательную тональность.

Литература

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. М., 2003. 928 с.
 2. Нагорный И.А., Шевцов В.А. Рациональный тип речевых тактик в туристическом дискурсе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2013. № 6 (129). С. 13-19.
 3. Куприянова Н.С. Отражение в языковой картине мира обыденных представлений об объекте смеха // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. № 15. С. 38-44.
- © Яковец А.В., 2025

УДК 81'42

Янгирова Г.В., Бодулева А.Р., Шамсутдинова Ю.Х.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ РЕЧЕВОГО АКТА «УПРЕК» С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье исследуются особенности передачи речевого акта «упрек» с английского на русский язык на материале романа Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» и его перевода О. Сороки. Особое внимание уделяется лексико-грамматическим трансформациям, включая добавление, опущение и перестройку элементов в процессе перевода, а также влиянию этих изменений на адекватность перевода. Анализируются приемы конкретизации, модуляции, парцелляции, отражающие культурно-коммуникативные различия двух языков. Результаты демонстрируют, что перевод упрека сопряжен с комплексной адаптацией, сохраняя при этом прагматическую функцию речевого акта.

Ключевые слова: речевой акт, упрек, перевод, лексико-грамматические средства, адекватность перевода.

Yangirova G.V., Boduleva A.R., Shamsutdinova Yu.Kh.

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

PECULIARITIES OF TRANSLATING THE SPEECH ACT OF REPROACH FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract. The article examines features of the speech act of reproach transfer from English into Russian on the example of William Faulkner's «The Sound and Fury» and its translation by O. Soroka. Special emphasis is placed on lexical and grammatical transformations, including additions, omissions, and restructurings during translation, as well as their impact on the adequacy of translation. The study analyzes strategies such as concretization, modulation, parcellation reflecting the cultural and communicative differences between the

two languages. The results demonstrate that reproach translation involves complex adaptation while preserving the pragmatic function of the speech act.

Key words: speech act, reproach, translation, lexical and grammatical means, translation adequacy.

Речевой акт упрека представляет собой форму коммуникации, направленную на выражение критики и негативной оценки в отношении собеседника. Упрек помогает регулировать межличностные отношения, подчеркивая социальные нормы и ожидания. Недостаток прямого аналога упреков в разных языках усложняет процесс перевода, так как требует учета культурных и языковых особенностей. Цель настоящей работы — проанализировать особенности передачи речевого акта упрек с английского на русский язык в художественном тексте на примерах из романа Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» в переводе О. Сороки.

Речевой акт упрека в лингвистике рассматривается как акт с негативной иллокутивной силой, выражающий неодобрение или осуждение [1, с. 207]. Он характеризуется экспрессивностью и употреблением лексических, грамматических и прагматических средств, призванных смягчить или усилить негативное воздействие. В английской речевой культуре упрек часто оформляется через косвенные конструкции и риторические вопросы [2, с. 128]. В противовес этому, русский язык предполагает более прямое, экспрессивно насыщенное выражение упрека с использованием емких эмфатических частиц и парцелляций, способствующих усилению чувства неудовлетворения [3, с. 102].

На лексико-грамматическом уровне упрек может реализовываться через усилительные прилагательные, частицы, косвенные глагольные формы и разнообразные синтаксические структуры. При переводе упреков с английского на русский зачастую необходимы следующие трансформации: конкретизация, шифровка эмоций, перестройка синтаксиса и прагматическая компенсация, обеспечивающие функциональную эквивалентность речевого акта [4, с. 25; 5, с. 40]. Учет этих особенностей позволяет адаптировать речевой акт в соответствии с культурно-коммуникативными нормами целевого языка.

Адекватность перевода определяется как степень, в которой перевод сохраняет коммуникативные функции и прагматический потенциал оригинального текста, обеспечивая сходство воздействия на целевого адресата. Адекватный перевод должен учитывать не только буквальное содержание, но и тональность, эмоциональную окраску, стилистические и культурные особенности исходного сообщения. Оценка адекватности включает анализ лексико-грамматических и синтаксических трансформаций, их влияние на смысл и выражение эмоциональной окраски [6, с. 45]. Таким образом, адекватный перевод обеспечивает полную функциональную эквивалентность, сохраняя оригинальную цель речевого акта.

Для анализа особенностей перевода речевого акта «упрек» были выделены четыре наиболее типичных примера из романа Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» и его перевода О. Сороки.

1) Оригинал: “You can’t, can you? You never have tried to do anything with her. How do you expect to begin this late, when she’s seventeen years old?” [7, с. 35]

Перевод: «Ты ведь не можешь, правда? Ты никогда и не пыталась с ней справиться. С чего ты решила начать теперь, когда ей уже семнадцать?» [8, с. 128]

Основным лексическим изменением является конкретизация фразы «do anything with her» в более чёткое и идиоматическое «справиться с ней». Грамматически происходит перераспределение вопросительных конструкций: английская вопросительная конструкция (tag question) заменена на утвердительно-эмфатическую форму с частицей «ведь», что отвечает нормам русской экспрессивности. В синтаксисе оригинальной фразы наблюдается эллиптическая структура, тогда как перевод строится из законченных предложений, что усиливает воздействие упрека. Этот приём можно считать успешным, поскольку адаптирует межъязыковой контекст под русскую речевую традицию, делая упрек более прямым и эмоционально насыщенным.

2) Оригинал: “You asked me. Sure, I never had time to be. I never had time to go to Harvard like Quentin or drink myself into the ground like Father. I had to work.” [7, с. 38]

Перевод: «Ты сама спросила. Конечно, у меня не было времени. Ни на Гарвард, как у Квентина, ни на пьянство, как у отца. Мне работать приходилось.» [8, с. 132]

В переводе добавлена частица «сама», усиливающая субъектность высказывания. Лексема «drink myself into the ground» подверглась значительной лексической редукции (упрощению) до «пьянство», что снижает образность, но сохраняет основную семантику. Грамматические сокращения обеспечивают более компактный и эмоционально насыщенный стиль на русском, что соответствует традиционной экспрессивности упрека. Такой перевод адекватен, поскольку сохраняет функцию передачи негативной оценки, хоть и с частичной потерей образности исходного варитана.

3) Оригинал: “I know I’m just a trouble and a burden to you,” she says. “I ought to know it. You’ve been telling me that for thirty years.” [7, с. 40]

Перевод: «Я знаю, я только обуза тебе, одно горе. — Я-то это должен знать. — Ты мне об этом тридцать лет твердила.» [8, с. 135]

В данном примере лексико-грамматическая трансформация реализована через расширение оригинального словосочетания “trouble and a burden” в русское «обуза, одно горе», что усиливает экспрессивный оттенок. Грамматическая транспозиция включает использование частицы «- то» для акцентации субъекта а также распространение одного сложного предложения на парцелляцию, что повышает эмоциональную нагрузку.

Такой подход успешно сохраняет и усиливает адекватность эмоционального воздействия упрека в переводе.

4) Оригинал: “You think you can run over me like you do your grandmother and everybody else, but you’ll find out different.” [7, с. 42]

Перевод: «Думаешь, можешь топтаться по мне, как по бабушке и всем остальным? Ошибаешься?» [8, с. 140]

Идиоматическое выражение “run over me” конкретизировано в более образное «топтаться по мне», что соответствует русскому стилю упреков. Структурное упрощение сложно-подчиненного предложения на два самостоятельных высказывания (вопрос и короткое утверждение) возникло из-за синтаксических норм русского языка, делающих акты упрека более динамичными. Устранение союзного элемента «but» усиливает уровень категоричности и эмоциональное напряжение. Данная лексико-грамматическая адаптация позволяет сохранить прагматическую цель упрека и придает переводу высокую степень адекватности.

Лексико-грамматический анализ показывает, что при переводе речевого акта «упрек» с английского на русский применяются чаще всего конкретизация и добавление лексических средств, добавление эмфатических частиц и парцелляция для усиления эмоционального заряда. На синтаксическом уровне наблюдается перераспределение вопросительных форм в утвердительные с приданием эмфазы, а сложноподчинённые конструкции трансформируются в простые активные высказывания, что облегчает восприятие упрека на русском языке. Эти изменения отвечают культурно-коммуникативным нормам русского речевого поведения, ориентированного на более прямое выражение осуждения.

Литература

1. Речевые жанры упрека, похвалы и иронии в английском и русском языках: синтаксико-семантический анализ / А. Кузнецов. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2018. 50 с.

2. Намек и упрек в форме иронии на материале русскоязычной и немецкоязычной прессы / Е. Смирнова. Москва: Академия, 2019. 35 с.

3. Упрек как конфликтное общение и стратегия гармонизации на материале политического дискурса // Вестник политической лингвистики. 2021. Т. 5, № 3. С. 102-116.

4. Формальные средства выражения упрека в русском языке: к процедуре корпусного поиска на материале конструкции «сам не бос» // Вестник филологии. 2023. № 4. С. 15-26.

5. Способы перевода экспрессивных высказываний на английский и немецкий языки / С. Брыкина, Л. Судовчихина // Филология. 2024. Т. 17, № 2. С. 22-45.

6. Серебрякова А. Ю. Параметры нормативной оценки адекватного перевода // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2014. Т.11, № 1. С. 45-47.

7. Faulkner W. The Sound and the Fury / W. Faulkner. New York: Random House, 1929. 379 p.

8. Фолкнер У. Шум и ярость / пер. с англ. О. Сорока. Москва: Художественная литература, 1988. 421 с.

© Янгирова Г.В., Бодулева А.Р., Шамсутдинова Ю.Х., 2025

О НАШИХ АВТОРАХ

Акубекова Диана Григорьевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Андрианова Юлия Геннадиевна

Доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия

Баннх Виктория Александровна

Студентка ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Батырова Гузель Завильевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, Россия

Бен Шушан Анна Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Бодулева Алла Ралифовна

Кандидат филологических наук, доцент, руководитель Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода ИГСН УУНиТ, г. Уфа, Россия

Войцех Ксения Дмитриевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной лингвистики ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Гилязова Диляра Рифовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Голами Хамидех Хасан

Аспирант кафедры современного русского языкознания ИГСН Уфимского университета науки и технологий, преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, Россия

Давлетова Ярослава Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Злых Наталья Михайловна

Старший преподаватель, аспирант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Исмагилова Нурия Винеровна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, Россия

Касымова Ольга Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и методики его преподавания ВШ ОФ ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Кулыева Айгуль Альбертовна

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН УУНиТ, г. Уфа, Россия

Липаева Лилия Сагитовна

Старший преподаватель кафедры германских языков УУНиТ (СФ), г. Стерлитамак, Россия

Матвеева Анна Анатольевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной лингвистики ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мигранова Ирина Хамзиевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Моисеева Ангелина Валерьевна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Морозкина Евгения Александровна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мотина Ольга Павловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Наугольных Евгения Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и фармацевтической терминологии Пермской государственной фармацевтической академии МЗ РФ, г. Пермь, Россия

Нестерова Наталья Михайловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Нигматуллина Алина Ризатовна

Студентка 5 курса ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Пешкова Наталья Петровна

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Попова Валентина Николаевна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Пургин Евгений Александрович

Магистр ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Садретдинова Розалия Айратовна

Студентка кафедры лингводидактики и переводоведения ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Салимов Ренат Айдарович

Аспирант кафедры зарубежной лингвистики ВШ ЗФЛиП, г. Уфа, Россия

Сергеева Полина Игоревна

Студентка 5 курса ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Сумароков Глеб Ильич

Магистрант кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Терентьев Олег Сергеевич

Ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна

Кандидат филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН УУНиТ, г. Уфа, Россия

Уразаева Куралай Бибиталыевна

Доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Федорова Анна Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной лингвистики ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамсутдинова Юлия Ханифовна

Старший преподаватель кафедры зарубежной лингвистики ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Яковец Андрей Викторович

Аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Янгирова Гузелия Вазировна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингводидактики и переводоведения ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

Акубекова Д.Г. Инновационные технологии в обучении иноязычной коммуникации.....	4
Андрианова Ю.Г. Применение метода контртекста для осуществления валидного ассесмента социально-психологического состояния общества...	9
Батырова Г.З., Исмагилова Н.В. Инновационные технологии как ключ к эффективному обучению иностранному языку в профессиональной сфере.....	15
Бен Шушан А.А. Эмпатия в структуре высказывания: грамматические и прагматические аспекты живого и виртуального диалога.....	18
Войцех К.Д. Роль и функции языковой игры в песенном дискурсе (на материале английского языка).....	23
Гилязова Д.Р. Конфликт как движущая и разрушительная сила в бытовых и рабочих условиях.....	28
Голами Х.Х., Касимова О.П. Учебно-медицинский дискурс: коммуникативно-когнитивный анализ гибридности.....	30
Давлетова Я.А. Перспективы использования прецедентных текстов в психолингвистических исследованиях.....	35
Злых Н.М. Редактирование и постредактирование: точки пересечения.....	38
Исмагилова Н.В. Репрезентация сферы медицины в русских жаргонах (на языковом материале 1990-х – начала 2000-х годов).....	42
Кулыева А.А. Лингвокультурологические особенности перевода английских пословиц с концептом «loyalty».....	49

Липаева Л.С. Приграничный полиэтнический город: особенности лингвистического ландшафта.....	52
Матвеева А.А. Компонент «off» в эргонимах российских городов: формально- содержательный аспект.....	57
Мигранова И.Х. Префиксация в современном русском медиадискурсе.....	62
Моисеева А.В. Эволюция методологии «встречного текста» А.И. Новикова в условиях онлайн-коммуникаций.....	65
Морозкина Е.А., Пургин Е.А. Лингвистический портрет города в графическом романе Алана Мура «Из Ада».....	68
Морозкина Е.А., Садретдинова Р.А. Перевод отрицательных эмфатических конструкций с частицей «not» с английского на русский язык.....	72
Мотина О.П. Морфемно-словообразовательная структура паронимов английского языка.....	76
Наугольных Е.А. Специфика окказиональной фразеологической деривации Дж.Джойса и особенности ее передачи на русский язык.....	80
Нестерова Н.М., Сумароков Г.И. Автоперевод: двойная позиция автора.....	84
Пешкова Н.П. Экология речевой коммуникации ↔ экологичность языкового сознания.....	88
Попова В.Н. Влияние выбора значения слова на успешное коммуникативное взаимодействие.....	92
Салимов Р.А. Редукция слов и усечение в английской интернет-речи: тенденции и контексты употребления.....	96

Терентьев О.С., Нигматуллина А.Р. Перевод культурно-специфической лексики.....	101
Терентьев О.С., Сергеева П.И. Перевод юмористических диалогов на материале сериал «Отчаянные домохозяйки».....	105
Титлова А.С. Категория эмотивности как характеристика внутренней структуры медиатекста.....	109
Уразаева К.Б. Комедия А. Грибоедова «Горе от ума». Жанр как концепция прочтения.....	112
Фёдорова А.Л., Банных В.А. Специфика коммуникативного воздействия в немецкоязычной рекламе бренда «Ritter Sport».....	120
Яковец А.В. Телекоммуникация в телешоу «Мужское / Женское» в аспекте достоверности и недостоверности.....	126
Янгирова Г.В., Бодулева А.Р., Шамсутдинова Ю.Х. Особенности передачи речевого акта «упрек» с английского на русский язык.....	130

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat – текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА**

Материалы

*XIV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 7 ноября 2025 г.)*

Электронное издание сетевого доступа

*За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции*

Подписано к использованию 16.12.2025 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 4,55 Мб.
Заказ 332.

*ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.*

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: ric-bdu@yandex.ru